

Экономическая летопись России

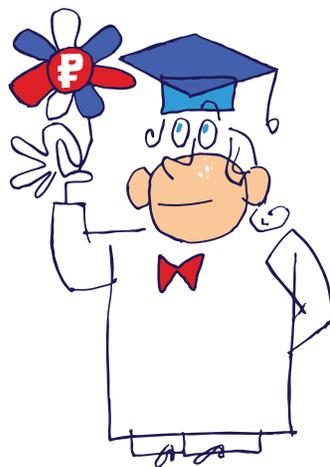
Николай КРОТОВ

ЖИЗНЬ И УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ В МИРЕ ФИНАНСОВ

(Версия выпускников
Финансового
университета)

Внимательно выслушанные
и записанные
Николаем Кротовым

Сопровождающиеся
рисунками Юрия
Аратовского
и куртуазным приложением
Владимира Таранкова
«Шутки Серебряного века:
гламурные деньги
и ценные бумаги»

АНО «Экономическая летопись»

Москва
2020

УДК 336.71 (094.91)
ББК 65.262
Б85

Кротов Н. И.

Жизнь и удивительные приключения в мире финансов / Н. И. Кротов. 2-е изд., испр. М. — Экономическая летопись России, 2020. — 408 с.; ил.

Книга финансовых поучительных и весёлых историй, баек — коллективный труд нескольких десятков выпускников Финансового университета (Московского финансового института, Финансовой академии) и примкнувших к ним дружественных сказителей. Составители и пересказчики попытались убедить читателей, что все имеющие дела с деньгами умеют и даже любят шутить, смеяться в том числе и над собой.

Многие ситуации, описанные в книге, могут стать хорошим кейсом для студентов финансовых и экономических специальностей.

Книга была бы неполной без замечательных иллюстраций мэтра Юрия Аратовского и известного исследователя ценных бумаг Владимира Таранкова, выступившего в книге в неожиданном амплуа — куртуазного историка или историка куртуазного.

Уверены, что удивительные приключения происходили и с выпускниками других вузов...

Художник — **Ю. Аратовский**

Редактор — **М. Сергеева**

Корректор — **М. Сергеева**

Фотографии **Ю. Терещенко**, а также из собраний героев.

Все права защищены.

Любая часть этой книги не может быть использована в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами без письменного разрешения владельцев авторских прав.

978-5-903388-34-9

© АНО «Экономическая летопись», 2020
© Кротов Н. И., 2020
© Таранков В. И. Приложение, 2020
© Ю. М. Аратовский, рисунки, 2019
© АНО «Экономическая летопись»,
оригинал-макет, дизайн, 2019

Фото Юрия Терещенко

**МИХАИЛ АБДУРАХМАНОВИЧ
ЭСКИНДАРОВ
Выпускник 1976 года**

На правах старшего за столом

Ирония восстанавливает то, что разрушает пафос.
Ежи Лец

Давным-давно, 100 лет назад, не далеко-далеко в горах, а совсем рядом — в центре Москвы, в доме 12 на Тверском бульваре,

который исстари присмотрели себе банкиры, — молодое правительство новой страны с богатым прошлым решило организовать подготовку финансистов, счетоводов и бухгалтеров. Кто-то ведь должен был следить, чем и как быстро заполняются закрома Родины.

Так 1 марта 1919 года решением Народного комиссариата финансов был создан первый в истории России специализированный финансовый вуз — Московский финансово-экономический институт (МФЭИ).

Рождался он, как и положено, в муках: идея пришла в голову фактически первому наркомфину Вячеславу Рудольфовичу Менжинскому, а реализовал её другой наркомфин — Николай Николаевич Крестинский.

Набор составил 280 человек, которым предстояло стать первыми советскими образованными сотрудниками финансовых учреждений страны.

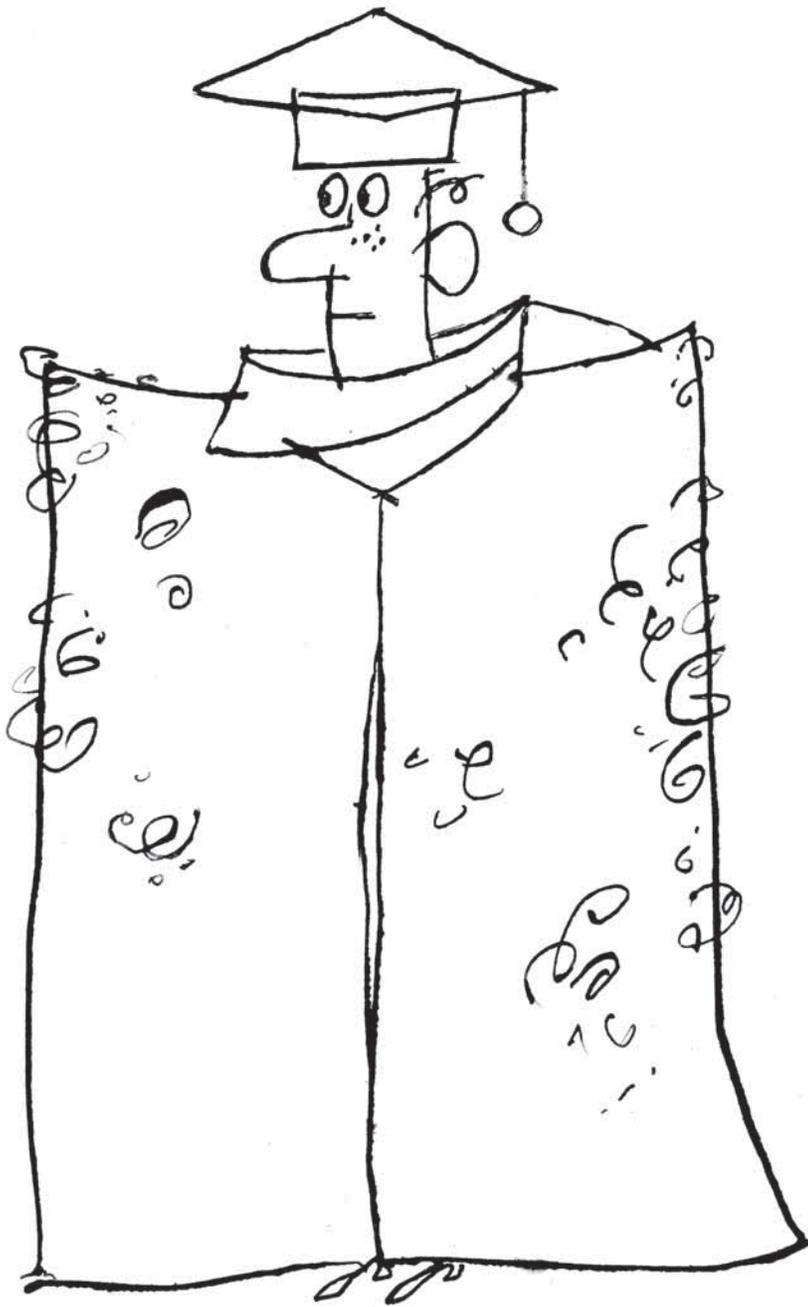
Время было непростое — Декретом ВЦИК от 14 (27) декабря 1917 года были национализированы частные банки (а других ещё не было) и организован подчинённый НКФ единый Народный банк РСФСР. Под управлением Наркомата финансов находился Департамент государственного казначейства и местные казначейства. Вот и вся финансовая система страны.

Тем же декретом было введено прямое налогообложение буржуазии, аннулированы государственные займы царского и Временного правительства, ликвидированы биржи, занимавшиеся сделками с ценными бумагами.

Началось оздоровление денежного обращения, подготовка денежной реформы, замена старых денежных знаков...

В это время институт неоднократно проходил реорганизацию путём присоединения к нему иных учебных заведений, объединения его с другими вузами, во время войны он побывал в эвакуации. Наконец нашёлся идеальный вариант: объединение МФЭИ с Московским кредитно-экономическим институтом 17 сентября 1946 года. И соответствующее Распоряжение Правительства СССР подписал не кто-нибудь, а сам Лаврентий Павлович Берия.

Так появился Московский финансовый институт и началась сегодняшняя история Финансового университета.

Байки от...

Из маленького института, в котором учились чуть больше 2 тысяч студентов, он вырос в один из самых крупных и авторитетных университетов страны.

Его слава, безусловно, строилась на успехах наших выпускников и преподавателей. Их мы никогда и не забываем, всегда рады видеть. О них будем вспоминать и в дни нашего большого юбилея.

Так как начало нашему вузу положили историк-экономист и писатель, то с помощью летописца Николая Кротова, а также художника Юрия Аратовского мы решили написать свою версию развития вуза — весёлую и поучительную. И сделать это через рассказы наших выпускников.

Мы думаем, что книга будет интересна широкому кругу людей — кто-то с финансами работает, все деньги тратят. А многие истории, рассказанные в книге, могут стать хорошими кейсами для студентов финансовых и экономических институтов, да и всех, кто хотел бы разобратся с «алхимией финансов».

Многие годы шутили физики, химики, геологи, и создавалось впечатление, что у финансистов нет чувства юмора. Теперь справедливость восторжествовала.

Итак, книга, которую вы держите в руках, — коллективный труд нескольких десятков авторов. Думаю, что и вашим историям найдётся место в следующем выпуске финансовых баек.

А пока ещё раз поздравляю всех читателей с нашим общим праздником и передаю слово моим коллегам, как положено на Кавказе, по старшинству...

*Ваш Михаил Абдурахманович Эскиндаров,
ректор Финансового университета*

ИГОРЬ СЕМЁНОВИЧ ГОРБАЦЕВИЧ **Выпускник 1952 года**

1959–1962 и 1968–1972 годы — заместитель председателя правления Русско-Иранского банка, 1963–1968 — заместитель начальника управления по экспорту и импорту Внешторгбанка СССР, в 1972–1975 — начальник управления по обслуживанию иностранных граждан и организаций Внешторгбанка СССР, наконец, в 1977–1985 годах — председатель правления Ост-Вест-Хандельсбанка во Франкфурте-на-Майне, Германия.

Персидские страсти

В июне 1941 года я был принят курсантом в I Московское артиллерийское училище. 7 ноября того же года вместе с училищем участвовал в военном параде на Красной площади! По окончании училища в апреле 1942 года был направлен на фронт. После окончания войны ещё два года служил в Германии и Венгрии. Демобилизовался весной 1947 года и поступил в Московский финансовый институт на факультет международных финансовых отношений. Проучившись пять лет, был распределён в управление иностранных операций (УИНО) Госбанка. Возглавлял его в звании финансового генерал-майора Василий Трубенков. Я же в форме банковского работника походить не успел, вскоре после моего прихода её отменили. Так что донашивал армейские галифе и шинель.

Из УИНО в 1959 году меня отправили первый раз на работу в Русско-Иранский банк. Его председателем тогда был Константин Петрович Федотов. Его сменил П. Д. Николаев. Когда я уезжал, Павла Дмитриевича сменил Константин Назарович Жуков, а я был назначен заместителем председателя правления. В банке работало около семидесяти человек. Специфика банка заключалась в том, что для взаимоотношения с сотрудниками местного языка знать не надо было — практически все они были армянами и азербайджанцами и большинство замечательно говорили по-русски.

Периодически приходилось судиться. Суды внимательно относились к нашим обращениям и частенько отправляли должников в долговые ямы. Особенно часто приходилось судиться Николаеву. Уже после моего отъезда был случай, когда не вернул нам деньги даже гражданский адъютант шаха! В том случае, правда, мы не стали подавать документы в суд. Так как делать это было бессмысленно.

Если был залог, старались его забрать, в других случаях действовали по рекомендациям, на доверии. Были случаи, когда не могли отдать кредиты и достаточно богатые купцы, у которых происходили временные трудности. В частности, был такой случай с очень крупным местным купцом Магадамом, взявшим у нас очень много денег. Дело было ещё до меня, но оно произвело большое впечатление в Москве. Когда меня позже провожали во Франкфурт, председатель

правления Госбанка В. С. Алхимов специально отметил: «Смотри, чтобы не было так же, как с Магадамом!»

Хотя следует отметить, что купец человеком был, видимо, незаурядным, он вновь смог поднять свой бизнес и расплатиться с банком!

Брал у нас кредит и брат шаха, у него была, кажется, какая-то фабрика. Отдал деньги вовремя и даже пригласил к себе на приём.

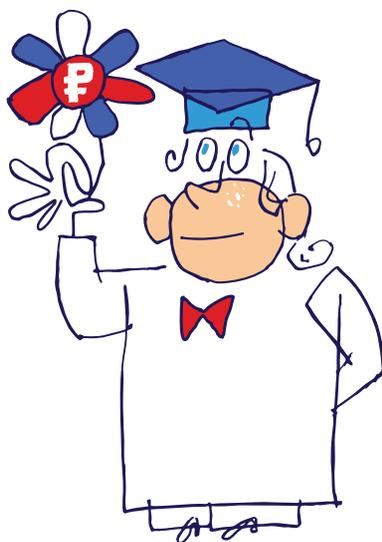
Климатические условия для работы в банке были тяжёлые. Летом после обеда начиналась жуткая жара (дождей не было иногда все лето), за 40 градусов, так что все приостанавливали свой труд. Поэтому летнее рабочее время длилось с 6 утра до 13 часов дня. После каждой выдачи и сдачи кредита купцы обычно приглашали в ресторан. А вот взаимоотношения с другими банками нам в Москве поддерживать не разрешали. Работали только с Центральным банком Ирана. За несанкционированными контактами следили очень строго. Мы в знакомую местную армянскую семью ходили, используя тщательную конспирацию.

Как напугать немцев

Уже работая в Германии мы любили отдыхать на искусственных озёрах, которыми владел один из наших партнёров. Там мы ловили рыбу, а зампред Госбанка Валерий Александрович Пекшев учил хозяина готовить уху. Приезжал сюда и председатель Госбанка Владимир Сергеевич Алхимов. Регулярно мы праздновали (конечно, только советские сотрудники) праздник Победы. В этот день мы выезжали почтить память погибших на находящееся недалеко от города кладбище с захороненными советскими и польскими воинами. А надо сказать, что в Гейдельберге, в паре сотен километров от Франкфурта находится 5-я (или 15-я) американская армия (к тому же и штаб всей американской армии в Европе). Были наши бывшие союзники представлены и в самом городе. При этом штабе была наша миссия во главе с советским генерал-майором, десятью офицерами, и одним солдатом. С этой боевой единицей в тылу врага мы часто встречались, они участвовали и в наших возложениях цветов, и поднятиях 100 граммов «фронтowych». Однажды американ-

Байки от...

цы, узнав о нашем «мероприятии», напросились и присоединились к нам. Так что в один из праздников мы сильно удивили (а возможно, и напугали) немцев — с утра к нашему зданию подъехало несколько советских и американских машин, заполненных офицерами! Такой ритуал продолжался несколько лет.

ТОМАС ИВАНОВИЧ АЛИБЕГОВ

Выпускник 1958 года

В 1970-е годы был заместителем управляющего, управляющим отделением Моснарбанка в Бейруте, Ливан. Потом работал начальником управления валютно-кассовых операций Внешторгбанка СССР. В 1980-е годы был генеральным директором Евробанка в Париже. С 1987 года во Внешторгбанке СССР был начальником валютного управления; затем начальником управления государственных и иностранных кредитов; наконец, в 1988–1989 годах — заместителем председателя правления, а в 1989–1992 годах — первым заместителем председателя Внешэкономбанка СССР. В 1994–1997 годах — первый заместитель председателя Внешэкономбанка (в 1996 году исполнял обязанности председателя).

Во Внешторгбанке на мне лежала ответственность давать распоряжения о перечислении средств с одного нашего счёта на другой. И отсылалось всё это в день истечения депозита, осуществления покупки валюты или перевода средств со счёта на счёт. В условиях отсутствия компьютеров обычный срок для валютных и депозитных сделок (кроме овернайт) был два рабочих дня. Но я это узнал только после приезда Дровосекова

с практики в Моснарбанке *Владимир Алексеевич Дровосеков — выпускник 1957 года* через год-два после того, как поручил эти операции.

Мне же, специалисту, имевшему уже целый год (!) трудового стажа, было поручено контролировать депозитные операции, наблюдать за обеспеченностью расчётов средствами в валютах, совершать конверсии и вести дела с Женевским компенсатором по клиринговым расчётам. Кстати, из-за Женевского компенсатора меня и чуть не выгнали из банка в первый раз.

Мы предложили в зачёт клирингов клиринговую задолженность Афганистана — между прочим, в полном соответствии с действующим порядком вещей, по предложению торгпредства Афганистана, согласовав вопрос с Министерством внешней торговли. Афганистан и тогда считался плохим плательщиком и был нам должен.

И вдруг, когда к нашему удивлению Женевский компенсатор увидел возможность включить Афганистан в одну из цепочек зачёта, на нас с подачи Посольства в Афганистане пожаловалось... МВТ. Дело дошло до зампреда Совмина СССР Анастаса Ивановича Микояна. И он велел «найти и уволить дурака», предложившего сделку. Дураком был, как понимаете, я. Хотя в конце цепочки — то самое МВТ, которое на нас и пожаловалось. К счастью, распоряжение Микояна было только устным и Свешников «дурака» в обиду не дал.

Первое время мои выезды за границу, возможно, сдерживало моё происхождение: мать — англичанка, родившаяся в Великобритании. При первом выезде в Гану, личную письменную гарантию, что я не останусь на чужбине, давали наш парторг, зам. начальника валютного управления, сказочная женщина, умница, любимец всего банка Федосья Петровна Евсеева и начальник УВКО банка Юрий Александрович Иванов. Я об этом узнал значительно позже.

Охота за миражами

Я приехал в Бейрут в мае 1969 года. К сентябрю Виктор Геращенко смог ввести меня в курс дел и уехал в отпуск. И в этот момент в газетах печатают сообщение, что русские пытались угнать истребитель «Мираж» ВВС Ливана, но их задержали.

В истинность события мало кто верил. Одна из швейцарских газет ехидно прокомментировала: зачем русским понадобился самолёт старой модели, когда, мы уверены, они уже имеют рабочие чертежи последних версий? Нас эта история задевала тем, что в ливанской газете фигурировала фотография некоего чека, выписанного на наш банк!

И как раз в этот момент слёг с высокой температурой наш ливанский управляющий Тамбе. Но не успел я, грешным делом, подумать, что мой ливанский коллега не болеет, а решил избежать неприятностей, он приезжает в банк. Больной (с температурой под 40), взволнованный. Помочь мне разобраться с ситуацией коллега не мог, лежал на диване, но его моральная поддержка была неоценима. Вообще отношения у нас были очень хорошие, а Эрнест, когда мы встречались с ним позже, говорил, что время работы в советском банке — лучшее в его банковской карьере.

Тем временем из Москвы дают «мудрый» совет — если вам предъявят чек, вы должны его забрать как подложный! Ничего себе! Если кто и предъявит, то это будет жандармерия. Как у неё отбирать?!

И в этот напряжённый момент очень решительно сработал наш посол Сарвар Азимов. Дипломат он был не профессиональный — бывший министр культуры Узбекской ССР, национальный писатель, но очень патриотически настроенный человек. Не получив никаких указаний с «большой земли», он сам составил ноту и вручил её местным властям. В ноте потребовал незамедлительно выдать советских граждан и предупредил, что в противном случае мы оставляем за собой право применить любые необходимые меры для защиты здоровья и жизни наших граждан! Ливанцы испугались, попросили забрать ноту и обещали тут же вернуть ребят. Ноту Азимов не забрал, но обещание ливанцы сдержали.

В Ливане выполняли мы и интересные задания: помню, как Внешторгбанк обратился с поручением купить для них «экзотические»

банкноты. Мы рванулись в Цюрих, основной рынок банкнот, хотя сделать это они могли сами. Требуемой валюты не нашли. В Кувейте её не было тоже. Поговорили в Ливане с менялами — именно они, а не банки, традиционно занимались там обменными операциями. В этом регионе много приезжающих на хадж паломников, поэтому обменной работы достаточно. Поэтому и условия покупки всегда очень выгодные. Так что собрали необходимое по сусекам, даже, помню, из Сомали, что-то нам доставили.

О выполнении техники безопасности, когда грязный пол

Столкновения армии с палестинцами начались 2 мая 1973 года. Хорошо помню эту дату, так как после нашего праздника мы, работавшие по местному календарю, поехали в банк на работу. Надо сказать, что к тому времени мы уже привыкли к выстрелам и к тому, что все окружающие ходят с оружием. В этот раз автоматные очереди были более активные, чем обычно.

У американских соседей был убит любопытный повар, пожелавший посмотреть в бинокль, что происходит. Так вот, сидим мы в банке с моим замом Владимиром Георгиевичем Малининым, раздаётся звонок — позвонила его испу-

*Владимир Георгиевич Малинин —
выпускник 1963 года*

ганная жена. Садимся в машину, едем домой, и видим, что было из-за чего испугаться: на перилах кровь повара, в квартире Малинина в шкафу застряла пуля, влетевшая через окно.

Встал вопрос: как дальше работать. Хотя утром комендантский час отменялся, доехать до работы удавалось не каждое утро. И мы приняли решение: передали в головную контору Моснарбанка все сведения о наших депозитах и других операциях, взяли необходимые документы домой и перешли на изолированную деятельность — диктовали устно по телефону поручения. Причём договорились с Лондоном, что, если до 12 утра нам не удастся дозвониться до Лондона, они действуют по предварительной договорённости — автоматически выполняя все наши обязательства. Так мы работали недели полторы,

не задержав ни одного платежа. Кстати, подобную технику мы использовали и во время действия ГКЧП в 1991 году. Однажды рядом с нами какие-то бандиты под маской борцов за что-то захватили Bank of America. Его руководитель Холандер, не струсив, выводил женщин-сотрудниц через крышу на улицу.

Помню, как тогда Тамбе кричал мне: «Томас, ложись на пол, стреляют!» Я посмотрел под ноги и ответил ему: «Фирму, которая у нас занимается уборкой, надо менять — пол грязный!» Вообще, может быть, странно, но, являясь обычными людьми, все наши и тогда, и позже, в самый разгар гражданской войны, вели себя очень спокойно: было какое-то дурацкое ощущение, что это «не наше» и нас коснуться не может! Кроме того, было и ощущение, что мы — граждане великой страны, которая может нас защитить.

Обычного приёма по случаю моего отъезда в 1975 году сделать не удалось: в городе уже два месяца как стреляли. Отметили событие со своими в посольстве, а коллег из банков соцстран я пригласил домой. Сменил меня Виктор Барышев, проработавший там всю войну. Им пришлось труднее, они даже периодически ночевали в бомбоубежище посольства. Когда израильтяне вошли в Бейрут, то грабили город, как в Средние века. Вещи увозили фурами (справедливости ради отмечу, что сирийцы также угнали все машины). Но вот железную дверь квартиры, где жили руководители нашего банка, взорвали, для того чтобы в неё проникнуть, всё-таки израильтяне. Несмотря на слухи об их высококультурности, они, утащив всё более-менее дорогое, не взяли очень хорошую ценную картину.

Бюрократ — звучит гордо

В 1987 году я вернулся в СССР, в своё родное валютное управление, а в 1988 году, с приходом к руководству Внешэкономбанком СССР (так переименовали Внешторгбанк в ходе сейчас стыдливо вспоминаемой «банковской реформы») Ю.С. Московского, стал его заместителем, а с 1989 года — первым заместителем председателя банка.

Это был жуткий период судорожных реформ в условиях рвущейся к власти группировки Ельцина. В 1988 году открылся практически свободный выезд за границу. Встал вопрос об обмене валюты. В соц-

страны денег меняли много. А права на все валютные операции имел только Внешэкономбанк СССР. Резко увеличился объём работы обменных пунктов. Но ни увеличения штата, ни дополнительных площадей не было дано. Вскоре разрешили открывать валютные счета и предприятиям — та же история! Так что 50–60 тысяч новых счетов свалились на прежнее количество операционисток! Их было 6 или 8, сидели они по-прежнему в одной небольшой комнате.

Я тогда отвечал за внутренние расчёты и социалистические страны, поэтому видел этот ужас с массой негодующих людей. И вот однажды в банк пришла телевизионная бригада, снимать передачу об исторических переменах — «освежающем ветре перестройки», как тогда говорили. Я им все подробно рассказал, не утаивая наши трудности, но отметил, что, несмотря на них, дело мы не провалили. При этом в свободной беседе, полагаясь на порядочность людей (а это были журналисты), пожаловался на прессу, называющую всех опытных работников «бюрократами». Более того, сказал, что надо испытывать гордость, когда тебя называют бюрократом, это значит, что признают специалистом!

В результате той встречи в эфир вышел репортаж, в котором из всей нашей беседы осталось только то, что создавший множество трудностей советскому народу бюрократ гордится этим званием. Когда я пробовал жаловаться, мне популярно разъяснили, что это законная трактовка, «авторское видение»!

После того случая я дал указание не пускать журналистов, особенно телевизионных, на порог банка.

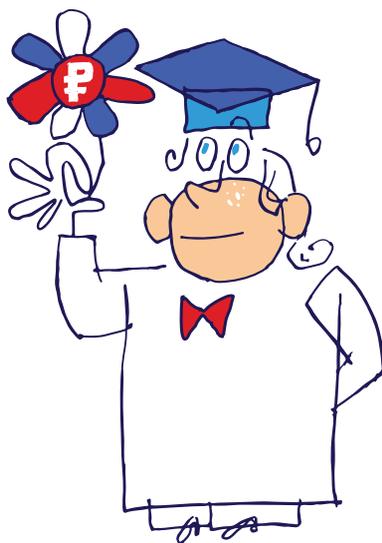
О физических законах в финансовой интерпретации

В Париже для встречи с Парижским клубом мы прилетели в последние дни декабря 1991 года, а потом снова — в самом начале 1992 года. Нашу делегацию возглавлял Пётр Авен, тогда министр внешней торговли. Парижский клуб возглавлялся заместителем министра финансов страны Жан-Клодом Трише, ставшим позже председателем Европейского центрального банка. В Париже работа шла круглосуточно. Более непосредственные представители стран-креди-

...Томаса Алибегова

торов в перерывах просто ложились на банкетки и дремали, но мы мужественно принимали перегрузки на ногах. Перерывов в работе не было: если мы были не на общем совещании, то сидели и работали с секретариатом Парижского клуба. Именно там Пётр Авен достаточно патетически заявил, ссылаясь на указ Ельцина о репатриации капитала, подписанный 30 или 31 декабря 1991 года: он надеется, что теперь-то владельцы российских денег переведут их туда, где сами находятся. На что я сделал замечание (это была вторая бессонная ночь): «А вы не опасаетесь, что они предпочтут перевести себя туда, где располагаются их деньги?!»

У наших партнёров это вызвало хохот: они помнили, каким фиаско закончилось решение Франции в 1980-х годах объявить амнистию на репатриацию незаконно вывезенных капиталов.

АЛЕКСАНДР СТЕПАНОВИЧ МАСЛОВ **Выпускник 1958 года**

В 1971–1975 годах работал директором, был членом правления Московского народного банка в Лондоне. В 1975–1986 годах перешёл на работу во Внешторгбанк СССР, где занимал руководящие должности. В 1991–1992 годах — первый директор — член правления от СССР и России в Европейском банке реконструкции и развития, созданном в 1991 году в Лондоне.

Если друг оказался вдруг...

В сентябре 1971 года, через полгода после моего приезда, в Лондоне разразился скандал. Под крышей советского торгпредства работал в Англии «боец невидимого фронта» некий подполковник Олег Лялин. Его однажды остановила полиция, когда он вёл машину в нетрезвом виде. Отпустить-то его отпустили, но прислали в торгпредство соответствующую бумагу. У нас, как положено, собрали профсоюзное собрание (заменяющее за рубежом партийное), проработали нарушителя, приняли решение выслать на родину. Парень загрустил — прощай, карьера, — но он «нашёл выход»: на следующий день ушёл с женой другого сотрудника торгпредства к «врагу». Чтобы придать себе вес, он составил список из 105 человек, сотрудников КГБ, работающих под прикрытием в Англии. Всем им английские власти дали 24 часа на сборы. Для справки скажу, что весь советский контингент составлял 500 человек. СМИ, конечно, не могли такое событие оставить без внимания. На первой странице «Таймс» были опубликованы организации, где работали наши разведчики. И среди перечисления представителей советских газет и внешнеторговых организаций было упомянуто имя нашего банка.

Нельзя было ступить и шага за порог дома, чтобы не оказаться в плену назойливых репортёров. В магазинах мою жену встречали и провожали насторожённые взгляды продавцов, хорошо знавших её в лицо. Не обходилось и без оскорбительных выкриков в адрес русских. Островитян обуяла истерия шпиономании. Складывалось впечатление, будто в ней они узрели новоявленную Мату Хари.

Мы дали опровержение. Оно было оперативно опубликовано, но не на первой странице, как сенсационная статья, а только на девятнадцатой и мелким шрифтом! В нём говорилось о снятии обвинений в адрес Московского народного банка и высказанной лояльности к его деятельности официальным Лондоном. После этого многие мои знакомые из английских банков звонили, поздравляли с тем, что банк оказался не замешанным в скандале. Дело в том, что уже некоторые стали размышлять, стоит ли продолжать работать с Моснарбанком!

В действительности банки за рубежом не использовались в столь деликатных целях. Слишком легко было потерять всё, лишившись лицензии.

Небумажная солидарность

В 1989 году произошло землетрясение в Спитаке. Впервые наше телевидение показывало подробные репортажи с места трагедии. Англичане восприняли её как собственную. Буквально на следующий день в Моснарбанк стали поступать деньги для пострадавших. Мы связались с юристом, и нам посоветовали оперативно открыть специальный фонд для аккумуляции средств. Руководителем фонда избрали меня. В результате мы собрали 5 млн фунтов. Даже мои соседи собрали деньги — 1000 фунтов, и подослали девочку передать их мне для Армении. Шло множество трогательных писем. Одна одинокая женщина написала, что у неё нет денег для пожертвования, но она посылает своё обручальное кольцо. Мы, конечно, его сразу с благодарностью вернули. Наш персонал работал на сборе и оформлении средств круглосуточно, включая выходные. И, что важно, никто, даже из английских служащих не попросил доплату за эту внеплановую работу. В выходные дни из соседних кафе нам бесплатно приносили обеды.

Все закончилось не очень хорошо. С армянским же руководством я дошёл до конфликта. Дело в том, что собранные средства мы переслали через Внешторгбанк СССР своим коллегам во Внешторгбанк Армянской ССР. И там они были потрачены... без соблюдения отчётности, скажем так. Мне как председателю фонда надо отчитываться, а никто не может сказать, на что они потрачены. Из Армении ни ответа, ни привета. Я подключил Абел Гезовича Аганбегяна. Он поехал в Ереван, но тоже, кроме отрывочных данных о строительстве какой-то сосисочной фабрики, ничего не привёз. Позже мне пришло письмо от одного из зампредов Совмина Армении: «Что вы выступаете, что-то ищете, выясняете, куда мы деньги потратили, когда у нас такая беда! Что вы какие-то бумажки требуете?!»

Я пожалел, что не нанял строительную компанию и сам не занялся строительством объектов в Спитаке. Но... С большим трудом я подготовил отчёт фонда.

Кстати, знаменитый английский универмаг «Харродс» и другие компании передали в Армению, минуя нас, много одежды, чуть вышедшей в Англии из моды. Говорят, что до населения не дошло ничего!

Не разглядели...

Ещё одна история, которую я хотел бы рассказать. После вторжения в Ливан израильской армии в 1982 году и захвата южной части страны встал вопрос о том, что делать с Бейрутским отделением Московского народного банка. Деятельность его фактически была заморожена в 1985 году, а в 1989-м оно было окончательно закрыто. Чтобы сохранить оставшиеся активы, клиентуру и кадры отделения, было принято решение открыть новое отделение Внешэкономбанка СССР уже на Кипре. Костяк его команды и составил наш банковский персонал из Бейрута. Руководителем туда поехал ливанский управляющий Тамбе. В связи с этим нас попросили поучаствовать в организации отделения. Вся работа была проведена оперативно, и в апреле 1990 года сразу же после открытия оно начало активно действовать. Но в процессе подготовки произошёл забавный случай. Как и положено, я написал вежливое письмо тогдашнему президенту Кипра Георгиосу Василиу. Когда письмо попало к нему, по словам людей из его аппарата, на президента нахлынули воспоминания. Оказывается, он в бытность молодым человеком приходил наниматься на работу в Моснарбанк, но его не взяли*. И президент заключил: «Тем не менее я уважаю этот банк и поддерживаю его желание открыть отделение у нас в стране!»

Перед моим отъездом из Лондона нам удалось разрешить и старый конфликт, возникший ещё в начале 60-х годов. Во время Карибского кризиса (октябрь–ноябрь 1962 года) американцы арестовывали все счета в долларах, связанные с Кубой. Моснарбанк также проводил с кубинцами операции, но не напрямую, а через третьи страны. Кто-то из английских сотрудников донёс о них в ФБР. Американцы заморозили 11 млн долларов банка, причём отказывались, совершенно естественно, выдавать свой источник информации. Они требовали от нас признания, что мы сотрудничаем с кубинцами, за это готовы были разморозить счета. Однако мы двадцать лет молчали, как партизаны.

Когда я приехал в Лондон, то решил также взяться за это дело. Я связался с американским адвокатом, с которым только что успешно сотрудничал. У него оказался знакомый из Госдепа, правда уже

* Исходя из того, что он 1931 года рождения, это было в начале 50-х годов, во время председательства А. А. Кузнецова (1950–1953. — *Прим. авт.-сост.*

ушедший на пенсию. Я переговорил с ним, и мне подтвердили, что нужно сделать то самое признание. Министром иностранных дел тогда стал Шеварднадзе, я написал ему письмо с предложением поставить вопрос о замороженных счетах на очередной встрече с американцами. Но кому это было надо?! Вновь мне пришлось идти на свой страх и риск — и я взял всю вину за помощь Кубе на себя! Начался процесс разблокирования, который закончился в 1991 году, уже при Александре Петровиче Семикозе.

*Александр Петрович Семикоз —
выпускник 1972 года*

Космонавт с Марса

В 1986 году в Москве по приглашению Президиума Верховного Совета СССР находилась делегация английского парламента. Тогда только что созданное Главное управление по созданию и использованию космической техники для народного хозяйства и научных исследований («Главкосмос») при Минобщемаше обратилось к английской делегации с предложением о реализации первого совместного полёта космонавтов Великобритании и СССР на советской станции «Мир». Англичанам идея понравилась. Переговоры велись в течение 1987–1988 годов. С английской стороны инициаторами выступали: Марк Рэггит, один из владельцев мелкой посреднической фирмы «Линмарк Лтд»; Джек Лемминг — глава бывшего Британского национального космического центра Великобритании; Питер Хауэрд — вице-маршал авиации; Хайнц Вулф — профессор Бруннелевского университета и ряд других лиц. Сразу выяснилось, что английское правительство бюджетные средства не даст.

В марте 1989 года Минобщемаш и МВЭС СССР по согласованию с ГВЭК Совета Министров СССР приняли решение во время официального визита Горбачёва в Великобританию (начало апреля 1989 года) подписать коммерческий контракт с английской компанией Britain in Space. Участники инициативной группы и фирма «Кайзер Баутекник Лтд» и были акционерами компании.

Для подписания контракта в Лондон в первых числах апреля 1989 года прибыли: А. Л. Дунаев, председатель «Главкосмоса» и за-

меститель министра общего машиностроения, В. В. Игнатов, председатель ВВО «Лизингторг» и В. А. Шаталов, начальник Центра подготовки космонавтов им. Ю. А. Гагарина, знаменитый лётчик-космонавт, генерал-лейтенант авиации.

Подписать договор, однако, не удалось — на заключительной стадии вдруг выяснилось, что английская компания не в состоянии предоставить нашей стороне необходимые финансовые и коммерческие гарантии реализации проекта. Тогда-то «Главкосмос» и обратился к нам в Моснарбанк с просьбой стать спонсором и финансовым советником проекта. Принимая решение, мы проконсультировались с рядом ведущих английских маркетинговых компаний, провели с ними необходимые расчёты ожидаемых поступлений и расходов, проанализировали рынок, опросили ведущие английские фирмы, и пришли к выводу, что проект может стать успешным.

В результате мы открыли финансирование затрат по отбору кандидатов в космонавты и научных экспериментов, рассчитывая на будущие поступления от спонсорских контрактов. Для финансирования, управления и координации работ была создана английская акционерная компания Antiquera Ltd.

Для работы над проектом, получившим наименование «Джунно» (Juno), были привлечены крупнейшие английские консультационные фирмы: Saachi & Saachi Group (маркетинг и спонсорство), Cameron Marckby (юридический советник), Ernst & Young (аудиторы), а также ряд других компании. К выполнению научной программы полёта был привлечён Бруннелевский университет.

Была организована широкая реклама проекта через средства массовой информации, произведён совершенно уникальный в истории мировой космонавтики отбор четырёх кандидатов в космонавты из 12,7 тысячи желавших.

Мне в процессе отбора кандидатов пришла идея: первым английским космонавтом должна быть женщина, всё-таки премьер-министр — дама, в стране — королева.

Кандидаты — Хелен Шарман и Тимоти Мейс — были отправлены в Звёздный городок для тренировок и с 12 по 24 ноября прошли обследование в ЦНИАГ и тренировки на центрифуге в ЦПК в Звёздном городке. Перед отъездом в СССР они были приняты премьер-министром Великобритании Маргарет Тэтчер.

Однако массового отклика со стороны британских деловых кругов, способных поддержать коммерческую программу проекта, достичь не удалось! Снова пытались найти помощь со стороны английского правительства, но вновь неудачно.

В марте 1990 года премьер-министр Маргарет Тэтчер ещё раз выразила свои симпатии к проекту «Джуно», однако отказалась предоставить ему государственную поддержку.

Надо сказать, что для реализации коммерческой программы проекта в Великобритании это было не самое удачное время. В стране начался спад деловой активности, сопровождающийся сокращением бюджетов компаний на рекламную деятельность. К тому же местные крупные научно-технические фирмы, связанные с военно-промышленным комплексом, действуют, как правило, с оглядкой на США — основного конкурента советских космических предприятий на международном рынке. Да и сориентировалась Великобритания тогда уже на сотрудничество в области космоса не с нами, а с Европейским космическим агентством (ЕКА). По сообщению газеты «Гардиан» (27.03.90 года), министр торговли и промышленности Дуглас Хогг заявил, что реализация совместной европейской программы запуска спутников связи в рамках ЕКА стоимостью около 32 млн фунтов стерлингов является более важной задачей для Великобритании в сравнении с одноразовым проектом «Джуно».

Единственное, что было сделано для нас английскими властями, — нас освободили от уплаты налогов на сумму, потраченную на финансирование полёта. Был ещё один плюс от реализации проекта. Для нас всегда был большой проблемой перевод средств в СССР, а здесь мы сделали это без проблем. Тем более что в СССР все равно был один карман для всех государственных компаний. Все обошлось нам тогда в 5 млн фунтов.

К сентябрю ситуация стала критической. Грозил аннуляция контракта и отзыв английских кандидатов в астронавты из Звёздного городка. Поэтому Моснарбанк был вынужден ради спасения проекта отстранить компанию Antiquera Ltd от работы над ним и взять исполнение проекта под полный свой контроль.

22 февраля 1991 года в Лондоне состоялся отбор английского кандидата в космонавты для экипажа № 1. Им стала химик-технолог кондитерской фабрики Mars confectionery Хелен Патриция Шар-

...Александра Маслова

ман (Helen Patricia Sharman). Тимоти Мейс был назначен дублёром. 22 апреля в Москве Госкомиссией был сделан окончательный выбор. С Хелен Шарман должны были лететь Анатолий Павлович Арцебарский и Сергей Константинович Крикалёв.

18 мая 1991 года Хелен Шарман стартовала на корабле «Союз ТМ-12» вместе с экипажем 9-й основной экспедиции. 20 мая «Союз» состыковался со станцией «Мир». После смены экипажа Хелен Шарман вместе с экипажем 8-й экспедиции (Виктор Михайлович Афанасьев, Муса Хираманович Манаров) совершила посадку на корабле «Союз ТМ-11». Продолжительность её полёта составила 7 суток 21 час 14 минут. По итогам полёта она написала книгу *Seize The Moment* (можно перевести на русский как «Лови момент»). Став 15-й женщиной-космонавтом, Хелен Шарман была награждена орденом Дружбы народов. Такую же награду получил и её дублёр Тимоти Мейс.

Фото Юрия Терещенко

АЛЛА ГЕОРГИЕВНА ГРЯЗНОВА **Выпускница 1959 года**

*Ректор Московского финансового института,
Финансовой академии (1985–2006), президент
Финансового университета (с 2006 года).*

О молодом авантюризме и находчивости

В то время, в середине 1970-х годов, я уже преподавала в институте. Надо было ехать в Берлин, получить профессиональную премию учёных ГДР. Лауреатов было четверо: мы с Мариам Семёновной Атлас и два членкора АН СССР — Геннадий Михайлович Сорокин (муж Мариам Семёновны), тогда директор Института экономики мировой системы социализма и Александр Ильич Ноткин из Института экономики.

Была отмечена подготовка большого учебника, монографии по национальному доходу в социалистическом обществе. Эту работу мы выполнили совместно с коллегами: из Болгарии — ректором Свиштовского финансового института Порязовым (потом он будет министром финансов) и ГДР — ректором Высшей экономической школы им. Б. Лейшнера Зибером.

Нам взяли билеты на поезд, и мужчины, получив паспорта (тогда заграничные паспорта давали только перед выездом), сумели обменять валюту. С нашими же документами возникла проблема: к отъезду мы их не получили — Министерство образования было в своём репертуаре: там забыли о дате нашего отъезда.

Церемонию награждения переносить, естественно, никто не собирался, поэтому нам оставалось только грустно провожать коллег на Белорусском вокзале.

Только мы вернулись в институт и стали решать, чем бы заняться, курьер принёс паспорта!

Так как билеты наши пропали, я сказала Мариам Семёновне обречённо: «Ну что сделаешь, не судьба!»

Следует отметить, что, рассчитывая несколько дней пробыть в отъезде, замену на ближайшие занятия мы себе нашли, поэтому текущих дел у нас не было.

И в этот момент Мариам Семёновна произнесла: «Послушайте, да мы с Вами свободные женщины! А если мы напряжём мозги?» — и продолжила: «Коллеги едут на поезде, а ведь мы можем прилететь в Германию на самолёте!» — «Да, но сегодня суббота и даже если мы пошлём телеграмму в Берлин, то там её никто не получит! Вуз не работает». С комитетом по награждениям у нас связи не было, да и о мобыльниках тогда ещё не помышляли.

— НУ ДО ВСТРЕЧИ В МОСКВЕ! ЧЕРЕЗ
ЧАС УЕЗЖАЮ

КНИГИ

— ЛЮБИМАЯ! КАК
ТЫ ЗДЕСЬ
ОКАЗАЛАСЬ?!
А Я, ГРЕШНЫМ
ДЕЛОМ, ДУМАЛ...

— ГОЛОВОЙ ДУМАТЬ
НАДО, А НЕ
ГРЕШНЫМ
ДЕЛОМ!

BERLIN

Геннадий Михайлович был шокирован увиденным:
«Мира, а ты-то как здесь очутилась?»

Но у моей подруги энтузиазм не затухал: «Ну кто-то получит же телеграмму и позвонит ректору! Хотя бы швейцар. Зато мы прилетим быстрее наших, — и заговорщицки добавила — Алла Георгиевна, давайте!» Вещи у нас были собраны, оставалось попросить кого-то привезти их в аэропорт.

Через час мы встретились, приобрели билеты на самолёт и дали телеграмму принимающей стороне. А вот деньги мы обменять не смогли — выходной. Так без немецких марок и улетели. У Мариам Семёновны была твёрдая уверенность, что всё будет хорошо, — в аэропорту нас встретят.

Но там нас никто не ждал. От предыдущей поездки у меня оставались какая-то мелочь. До города было далеко и из-за отсутствия денег, как туда добраться, было не понятно.

Я пыталась договориться с местными водителями, чтобы они сбросили нас хотя бы на до Карлсхорста. Естественно, бесплатно. Энтузиазма это ни у кого из них не вызывало — далеко.

Наконец, мы нашли немца, хорошо говорящего по-русски, работавшего когда-то в Советском Союзе, но и он отказался нам помогать, узнав, что мы не кредитоспособные.

Моя попутчица уже предлагала расположиться спать на лавочках в здании аэропорта. Делать было нечего, но, когда мы уже приноравливались, как удобнее лечь, вернулся наш новый знакомый и за мою мелочь предложил отвезти на железнодорожный вокзал, на который прибывал поезд Москва — Берлин. На этом и сговорились.

На вокзале было ещё пустыней. По расписанию поезд должен был прибыть в ближайшие полчаса, но встречающих на перроне не было. Это внушало недоверие к нашим расчётам, мы стали подозревать, что напутали с часовыми поясами и наши коллеги давно уже приехали и отдыхают. Однако на всякий случай мы прикинули, где должен остановиться восьмой вагон, в котором отбыли в Германию наши коллеги, и, сидя на лавочке, стали ждать чуда.

И оно произошло! Буквально за пять минут до прибытия поезда на перрон потянулись встречающие. Вот уж эта немецкая пунктуальность! Первыми мы увидели представителей Высшей школы с большими прекрасными букетами цветов. Обнаружив нас, они растерялись, стали расспрашивать, как мы здесь очутились. Мы их разыграли, сказав, что поезд пришёл раньше, чем по расписанию, и мы

терпеливо ждём встречающих. Коллеги ещё сильнее удивились: «Не может быть! Наши поезда всегда приходят вовремя!» И они были правы. Ровно в 20:00 появился приближающийся состав. Восьмой вагон остановился прямо напротив нас, и из него вышли Сорокин и Ноткин. Геннадий Михайлович был шокирован увиденным: «Мира, а ты-то как здесь очутилась? У вас же даже паспортов не было!» Оставалось их только заинтриговать: «Поехали! По дороге всё расскажем!»

Вот каким запалом молодого авантюризма и находчивости обладала наша Мариам Семёновна!

Марина Леонидовна Альпидовская об Алле Георгиевне Грязновой

В середине 1990-х годов я училась в аспирантуре в Финансовой академии на кафедре экономической теории, и Алла Георгиевна Грязнова была моим научным руководителем. Однажды она назначила мне встречу в субботу в 8 часов утра. Чтобы не опоздать я приехала заранее, на полчаса раньше, и решила встретить Грязнову на подходе. Но уже минуло назначенное время — руководителя не было. Я, зная её пунктуальность, решила зайти в приёмную и узнать, что случилось. Каково же было моё удивление, когда секретарь Аллы Георгиевны сказала мне, что она уже с 7 часов на месте и работает в своём кабинете с документами. Это обычное дело, как я убедилась позже...

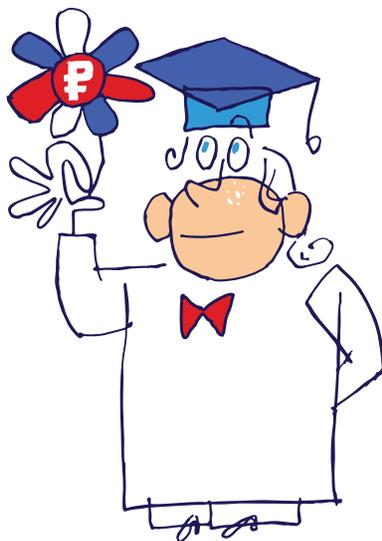
В тот же день я пожаловалась Алле Георгиевне, что тяжело идёт работа, посетовала на нехватку времени — ибо в сутках всего 24 часа. На что получила ответ, который хорошо запомнила: «Мариночка, зайка! Не всего, а целых 24 часа!» И вот уже я своим студентам, аспирантам привожу это высказывание как пример трудолюбия, упорства в достижении целей, в том числе и научных.

Накануне защиты я смогла попасть к своему руководителю лишь в половине одиннадцатого вечера. Её рабочий день, начинавшийся в 7 часов утра, ещё не заканчивался! Алла Георгиевна задала мне несколько, как мне казалось, важных вопросов по готовности к защите, при этом неожиданно сказала: «Хорошо, но это не главное!» Я заволновалась: «А что же главное?» — и услышала вопрос: «В чём ты будешь защищаться!» Я удивилась и переспросила: «В каком смыс-

ле?!» — «Что на тебе будет надето?» — продолжила Алла Георгиевна. Я начала рассказывать, какое купила для этого события платье, с какими шифоновыми рукавами... Ответ удовлетворил руководителя, но она дала мне указание: «Я завтра в связи с очень важной встречей не смогу присутствовать на защите, но ты должна после неё зайти ко мне и показать платье».

Защита прошла успешно, и, как только все мои волнения схлынули, я поспешила для отчёта к Алле Георгиевне. Она находилась в компании высокопоставленных женщин, не работавших в академии. Поинтересовавшись, как прошла защита, мой руководитель удовлетворённо сказала: «А теперь продемонстрируй нам, в чём ты защищалась!»

Когда я готовила докторскую диссертацию, порой не было времени элементарно поесть. Алла Георгиевна, понимая это, когда я заходила к ней в кабинет, задавала вопрос: «Обедала?» — после чего делила со мной предназначенный ей обед. Отдавая мне вилку, она добавляла: «Я ложкой люблю есть, как в армии». При этом умения виртуозно справляться с многочисленными столовыми приборами по всем правилам этикета на серьёзных приёмах ей не занимать.

ВИКТОР ВЛАДИМИРОВИЧ ГЕРАЩЕНКО Выпускник 1960 года

Один из старейших и известнейших представителей банковского сообщества, возглавлявший Госбанк СССР, дважды — Банк России, принимавший непосредственное участие в осуществлении исторических реформ и разработке важнейших законов. В банковских кругах ещё с начала 70-х годов имеет прозвище Геракл, которое, по его словам, образовано от его фамилии. Хотя ныне оно во многом созвучно его статусу и карьере.

Для того чтобы брать взятки!

Было чрезвычайно трудно, порой просто невозможно разъяснить далёким от банковской сферы людям сущностное отличие коммерческого банка от большинства других предприятий рыночной экономики. Это стало намного легче сделать потом, когда печальный опыт финансовых пирамид наглядно продемонстрировал чрезвычайную опасность бесконтрольности учреждений, привлекающих средства населения. Летом же 1990 года попытки наших представителей растолковать депутатам Верховного Совета, что к банковскому делу нельзя допускать людей, не имеющих профессиональной подготовки, что естественное для непрофессионала пренебрежение довольно сложной техникой современного бухгалтерского учёта до предела затруднит налаживание стабильной банковской отчётности и соответственно контроль за коммерческими банками, встречались буквально в штыки. Некоторые эпизоды могут показаться просто смешными. Но это был смех сквозь слёзы. Сотрудники рассказывали мне, например, случай, когда в ходе весьма оживлённого обсуждения в комиссии по банковскому законодательству проблемы разрешительного принципа регистрации один из депутатов вдруг заявил: «Хватит, прекратите! Хотите, я скажу, для чего это вам нужно? Для того чтобы брать взятки!»

Запомнилось мне и единственное посещение заседания Политбюро, продемонстрировавшее непонимание М. С. Горбачёвым азов экономики. Было это весной 1991 года, после бурного XXVIII съезда КПСС (прошедшего летом 1990 года), на котором членами политбюро выбрали всех главных коммунистов союзных республик. Добавили ещё дополнительно пяток VIPов, забыв, правда, включить в него предсовмина Н. И. Рыжкова. Глупость неимоверная! (Раньше такой же глупостью было то, что легендарный председатель Госплана СССР Николай Константинович Байбаков не был даже кандидатом в члены политбюро!) Так вот, обсуждался вопрос о земельной реформе, говорилось о новых формах собственности на землю. На заседание были

*Владимир Ефимович Орлов —
выпускник 1960 года*

приглашены представители экономических ведомств. От Минфина был Володя Орлов, от Минэкономики — Андрей Шаповальянц,

от Госбанка — я. Посадили нас на приставные стульчики. Заседание началось в 11 часов. Идёт обсуждение, Горбачёв, как всегда, демагогичен, демонстрирует новое мышление, говорит что-то о частной собственности. После него прошла ещё пара выступлений. В 12 часов объявляется перерыв. Мы с Орловым стоим, поглощаем выданные со-сиски, к нам подходит Ислам Каримов (ныне президент, а тогда ещё первый секретарь ЦК КП Узбекистана). Мудрый человек! Так вот, хорошо зная по Минфину Володю Орлова (Каримов — бывший министр финансов республики), Ислам Абдуганиевич подошёл к нам и после нескольких общих фраз сердито сказал: «Чего вы этого му...ка держите?!» Мы немного опешили: я столь близко видел Каримова впервые, а Владимир Ефимович, не в пример предшественникам Гарбузову и Павлову, был человеком деликатным. «Всё это хреново закончится!» — закончил свою образную речь узбекский лидер и пошёл дальше. Потом Каримов в своём выступлении обратился к генсеку: «Михаил Сергеевич, страна огромная, в каждом регионе свой ресурс земли. Везде разные традиции и обычаи. Не старайтесь вы для всей страны ввести одинаковые правила! У нас за участок земли в Ферганской долине люди будут убивать друг друга! У нас ведь разделение труда. На земле в республике работают узбеки, в торговле — таджики и евреи, в промышленности — славяне. Не лезьте вы к нам со своими идеями!» Вскоре появился проект нового союзного договора, который, видимо, был действительно необходим. Но с финансовой точки зрения там прописывались откровенно глупые вещи. По инициативе Горбачёва договор готовился втайне от руководителей всех экономических ведомств, включая правительство.

*Валентин Сергеевич Павлов —
выпускник 1958 года*

Никогда не звоните домой начальникам!

При председателе правления госбанка СССР Якове Ильиче Голеве первым замом был Александр Константинович Коровушкин, ставший в 1953 году заместителем министра финансов СССР. В 1958 году он вернулся в Госбанк уже председателем. Но продержался не очень долго, с ним произошёл курьёзный случай: в 1963 году он пьяным по-

звонил Хрущёву, чтобы согласовать оперативное изменение кассового плана и выдать какому-то региону зарплату. При этом пожаловался, что нет Косыгина и он не может собрать необходимую комиссию. Во время разговора Александр Константинович якобы перепутал имя и отчество генсека, Никита Сергеевич позвонил Брежневу, отвечавшему в ЦК КПСС за кадры, тот прислал к Коровушкину двух людей из соответствующего отдела. Тело председателя было освидетельствовано — оно оказалось не в кондиции. Вспомнили, что виновный к тому же во время визита во Францию без согласования с верхами заезжал в Монако с женой. В общем, глупостей было сделано много! Так, по совокупности вины Коровушкин был уволен с занимаемой должности. Было ему 54 года, карьера его пошла под откос. Заместитель министра финансов СССР В. Н. Семёнов рассказывал, что, как-то отдыхая в Сочи, на пляже встретил Коровушкина. Разговор, конечно, зашёл о работе. Виктор Николаевич спросил, действительно ли всё было так. Александр Константинович всё отрицал, объяснив опалу тем, что это Хрущёв сам во время разговора был в изрядном подпитии. Памятуя об этом случае, во время работы в министерстве Семёнов хорошо усвоил этику обращения с «высокими начальниками» и поэтому никогда не звонил своему министру домой.

Капиталистический общак

Начало моей работы в совзагранбанке Ost-West Handelsbank (Франкфурт-на-Майне) было осложнено некими обстоятельствами: именно в этом, 1974 году, в Германии лопнул небезызвестный Bank Herrstadt, слишком активно и рискованно спекулировавший на валютных рынках. Все банки без исключения после этого ввели жёсткие ограничения на объём спекулятивных операций. Многие иностранные банки сильно пострадали от прогоревшего банка, а Ost-West Handelsbank оказался в плюсе, заработав 22 млн марок, чему был, безусловно, рад. Но недолго. Немецкая банковская ассоциация приняла решение всем банкам скинуться на покрытие потерь наиболее пострадавших иностранных банков (а это были отнюдь не немецкие банки — в частности, много потерял Barclays Bank) и восстановить имидж германского бизнеса.

— ИВАН НИК... ОЙ... НИКОЛАЙ ИВА...
Я ВАС НЕ РАЗБУДИЛ?

В общем, глупостей было сделано много!

Помню, пригласил нас посол В. М. Фалин к себе домой и познакомил с крупнейшими банкирами. Был на этой встрече и возвращающийся на родину председатель нашего банка А. И. Дубонос. Когда ему предложили сдать в общак значительную часть заработанной на банкротстве прибыли, он возмутился: «Это же рынок! Мы честно заработали деньги!» Ему ответили: «Да, это рынок, но есть решение, одобренное большинством, и придётся ему подчиниться! Здесь же работать вашему сменщику...» Валентин Михайлович подтвердил: «Да, Андрей Ильич, придётся подчиниться!» Так что миллионов 15 тогда пришлось отдать.

Награда за неурожай

В последнее время моего нахождения в Англии я работал дилером Московского народного банка на финансовых рынках. В банке на этом направлении задействовали двоих — мой партнёр был англичанин. Дело было специфическое, для успешного занятия нам следовало много общаться с коллегами из других банков, в том числе выпивать с ними в пабах и не смущаться от отсутствия котелка в ситуациях, когда этот головной убор был водружён на собеседнике. Работали мы с представителями разных стран, в том числе и американцами, хотя значительно меньше. В первую очередь при больших закупках зерна (в 1963 и 1972 годах). Особенно большая работа была проведена в 1972 году, за что ряд работников внешнеторговых организаций и валютного управления Госбанка вместе с транспортниками были отмечены орденами и медалями. Один мой коллега гордо называл причину своего награждения: «За неурожай!» С этим, кстати, связана ещё одна забавная и одновременно грустная история. Во время стажировки в Лондоне в 1963 году, проходя кандидатский стаж в партию, я получил задание подготовить политинформацию на профсоюзном (а фактически партийном) собрании совслужащих торгпредства. Я бодро по материалам наших газет рассказал, как проходит уборка урожая на Родине и каких новых успехов достигло наше сельское хозяйство, а буквально через неделю прочитал в английских газетах о том, что зампред Внешторгбанка вылетел в Канаду договариваться о закупках зерна. Вот и верь после этого со-

ветским газетам! Неслучайно говорил профессор Преображенский: «Боже вас сохрани, не читайте до обеда советских газет!»

Клянусь Уставом КПСС говорить только правду

В 1976 году разорилось отделение советского Моснарбанка в Сингапуре. Меня послали туда спасать ситуацию. Долго ловили жулика Эймаса Доу, взявшего у нас кредитов на сумму свыше 250 млн сингапурских долларов. Доу создал и возглавил группу компаний «Мосберт» («Мос» — от Эймас, а «Берт» от имени его партнёра Роберта Та). Этот бывший малазийский почтовый служащий (ему в 1976 году было всего 32 года) достаточно быстро разбогател и активно приобретал недвижимость (особенно любил отели), землю и т. п. К моменту скандала оказалось, что Доу имел огромное количество фирм, в которых реальные активы только подразумевались. После этого он сбежал в США. Пострадали, кстати, от него не только мы, но и Hong-Kong and Shanghai Bank, Standard Chartered Bank. Все вместе партнёры по несчастью финансировали расходы по юридическому обеспечению процесса по его экстрадиции из США. Ловкий же малазиец начал разыгрывать карту КГБ: заявлять, что Моснарбанк — прикрытие советских карательных органов, охотится за ним. Пять лет английские власти не давали мне визы в Гонконг, где у нас было много должников, куда разыскиваемого должны были привезти. В конце концов в октябре 1981 года, незадолго перед возвращением на родину, я попал в эту английскую колонию за счёт английской королевы! Жулика вытащили из США и отдали под суд пострадавшие английские коллеги. Я же приехал на суд как свидетель и три дня жил в самой дорогой гостинице «Мандарин». Возник вопрос: на чём мне давать клятву в суде. Коммунисту подкладывать под руку Библию? Что толку от такой клятвы? Я предложил поклясться на Уставе КПСС, но, видимо, английское правосудие его оперативно не нашло. Обошлись словами, после чего я три с половиной часа давал показания.

«Да, это рынок, но есть решение, одобренное большинством, и придётся ему подчиниться!»

Как Геракл затмил Мадонну

Я привык говорить что думаю и никогда не был тем, кто берёт под козырёк: «Yes, sir!» Правда, иногда это выходит для меня боком. В определённой степени для целого ряда представителей истеблишмента я был неудобным человеком. Что же касается моих суждений, то они иногда достаточно долго преследуют меня. Однажды был на приёме в словацком посольстве, там во время фуршета обсуждали приезд в Москву Мадонны. И вдруг я слышу, что кто-то говорит: «Да что там Мадонна! Вы бы слышали, что Геращенко на радио “Эхо Москвы” сказал». Меня, конечно, Алексей Венедиктов немножко подвёл. Я 27 июля 2006 года пришёл к нему после долгого и душевного мужского разговора с членом совета директоров ЮКОСа, директором Института нефтегазовой геологии и геофизики Сибирского отделения Академии наук академиком Алексеем Канторовичем, который, зная, о чём говорит, ругал современную ситуацию в геологоразведке. Действительно, есть у нас Западная Сибирь. Но она ещё 10–15 лет будет снабжать страну нефтью из тех запасов, которые разведаны сегодня. А что потом? Вот в таком настроении я и приехал на радио «Эхо Москвы». Когда первый раз во время передачи сказанул лишнее слово, то спросил у Венедиктова: «А у вас тут его, как на телевидении, “запикать” можно?» — «Можно!» — уверенно ответил мне Алексей. Ну, раз меня уверили, я дальше особо не стеснялся в выражениях. Потом оказалось, что это был прямой эфир. Приехал домой, а жена меня встречает: «Ты что же там наговорил?!» Выяснилось, что к нам домой уже звонят знакомые слушатели. Хотел потом позвонить Венедиктову, сказать, что меня к суду привлекают за публичное использование ненормативной лексики, а его радио собираются закрыть. Но не стал, а то вдруг он шутку не поймёт, перепугается.

Студенческие хитрости

Вспоминаются, конечно, и студенческие шалости. Помню, например, как меня научили периодически прогуливать лекции. После поступления в институт я ежедневно, кроме воскресенья, добирался на трамвае № 5 от остановки «Палиха», что рядом с Бутырской

тюрьмой, до остановки «Дом обуви», где неподалёку находился институт. С интересом посещал лекции и семинарские занятия. Но однажды, в начале октября, по причине столкновения трамвая с легковой машиной на улице Образцова в районе МИИТа, минут на двадцать опоздал на лекцию по политэкономии капитализма профессора А. Я. Лифшица. Не желая прерывать рассказ лектора о разоблачениях К. Марксом язв капитализма, решил скоротать первую половину лекции чтением «Комсомолки» на втором этаже, не имея понятия, что там же расположен кабинет всеми уважаемого ректора В. В. Щербакова. И вот, заканчивая чтение спортивной полосы, услышал вопрос: «Почему не на лекции? Где ваш студенческий билет?» Передо мной стоял Владимир Васильевич. На моё лепетание о трамвае он провозгласил: «Вы позорите факультет и отца тоже!»

Вот тогда старшие товарищи по баскетболу объяснили: «Если опоздал, то приходи к началу следующей пары и никогда не болтайся в институте, а особенно на втором этаже!» Так я иногда и делал в последующие три года.

Как я потерял замечательные ботинки

В Лондон на практику в 1963 году я приехал кандидатом в члены КПСС. И за прохождение кандидатского стажа очень волновался. Дело в том, что во время практики меня более опытные товарищи повели на стриптиз. Отказаться было нельзя — отобьюсь от коллектива. Но не меньше боялся, что выйдем с мероприятия, а у дверей работники консульства стоят, нас встречают. И с практики под жопу, и из партии под жопу! Но обошлось, вроде, выпили по пиву, посмотрели на толстых голых тёток, ничего особенного не увидели. Когда вышли, было поздно, около часа ночи, домой отправились на такси. Утром один из сообщников (который вёл наш общак) потребовал с меня пять (!) фунтов за сомнительное удовольствие. Вот тогда я по-настоящему расстроился — столько тогда стоили новые кожаные итальянские ботинки!

И ещё одно воспоминание юного практиканта.

В это время (в марте 1963 года) произошёл, вероятно, самый крупный в прошлом веке в Британии скандал с министром обороны Ве-

ликобритании Джоном Профьюмо, стоивший консерваторам власти. Этот министр, как говорят, под напором неопровержимых доказательств признался в том, что он поддерживал любовную связь с call girl Кристин Килер, которая, в свою очередь, была в близких отношениях с помощником нашего военного атташе в Лондоне Евгением Ивановым. Я с интересом следил за развитием событий по английским газетам.

Как достигнуть хорошего английского

Шофёром в Моснарбанке работал очень славный и уже пожилой мистер Мэк по кличке Анкл Джо, поскольку был похож на Сталина, всю жизнь проработавший на индивидуальном такси. Дубонос, приехав в Лондон, попросил сотрудницу банка коммунистку г-жу Фейген, начальницу кассового отдела, найти ему надёжного водителя. И она порекомендовала своего родственника.

Мэк научил водить не одно поколение советских работников Моснарбанка. Была у него лишь одна необычная для нас привычка: в положенное для англичан время five o'clock, куда бы он ни ехал, останавливал машину и медленно, вдумчиво в течение получаса пил чай. А не дай, бог, спросить его: «What about the beer?» («Как насчёт пива?»). Мэк всегда соглашался, тем более что в Англии это не возбранялось, до тех пор, пока министром транспорта не стала дама, у которой был муж любитель выпить. Водители в пабах стали называть томатный сок Bloody Barbara (министра звали Барбара) по аналогии с популярным коктейлем «Кровавая Мэри».

Кстати, до прихода нового министра полицейский в Англии не мог тебя остановить на дороге, если ты не нарушил правила.

Ещё одна особенность лондонских пабов того времени в том, что барменов наказывали, если их клиенты выходили пьяными и они не могли доказать, что не наливали клиенту, пришедшему уже в этом состоянии в бар. Запрещено у них было и наливать после 23 часов. Без двух минут хоть три порции виски бери, но как часы показали указанное время — всё! Как не вспомнить и наши 11 часов утра («час волка»), когда в советское время начинали продавать крепкие спиртные напитки.

...Виктора Геращенко

Однажды Мэк приехал в Москву, и на встречу с ним собрались все его ученики, растрогав старого водителя. Я как-то спросил, докучали ли ему специальные службы, и Мэк ответил: «Конечно, но я напраслины никогда не возводил, ребята вы хорошие, а когда выпьете, и английский язык у вас perfect, и вы не стесняетесь в использовании чисто английских выражений!» Рассказал он и забавный случай: один из наших начальников (не первое лицо), крепко выпив, стал требовать у него ключи от машины, чтобы отправиться за новыми приключениями. Мэк понимал, чем это может закончиться, и, чтобы не искушать загулявшего, на его глазах выбросил ключи подальше в заросли кустарника, сказав при этом: «Ищите!» Утром перед Мэком извинились.

Кстати, именно в Лондоне я приобрёл любовь к хорошему виски, да и пиву тоже.

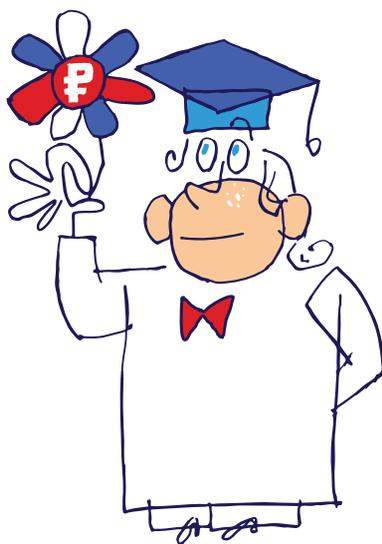

Фото Юрия Терещенко

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВИЧ РЫЖКОВ **Выпускник 1961 года**

В 1969–1971 годах — директор, член правления Моснарбанка (Лондон), в 1971–1976 годах — генеральный управляющий отделения Моснарбанка в Сингапуре.

Русские пати — всем патам пати

Я поехал на практику в Лондон, сменив там Геращенко. Холостых сотрудников больше чем на полгода за границу не отпускали, так что я пробыл в Моснарбанке с августа 1964-го по февраль 1965 года. Занимался документарными, кредитными, депозитными операциями, прошёл практику и в других отделах и познакомился со всеми остальными делами банка. Но всё-таки основной упор делал на валютные операции, с которыми был связан в Москве.

По итогам практики я написал отчёт о практике работы дилинга на английском языке, который в Лондоне защитил, потом его приняли и во Внешторгбанке. К практикантам лондонские коллеги относились серьёзно, понимая, что в ближайшее обозримое время им нужно будет возвращаться в Москву, а именно мы займём, возможно, их рабочие места.

А перед началом практики удалось принять участие в работе специальной банковской школы International banking summer school, организуемой Английским институтом банкиров. На неё ежегодно съезжаются молодые специалисты со всего мира. В нашем случае были представлены 55 стран.

Пятнадцать дней мы слушали лекции, посещали семинары и жили в стенах старинного и хорошо известного Крайстчерч колледжа Оксфорда. Нашу делегацию из 5 человек, сотрудников Госбанка и Внешторгбанка, возглавлял Николай Васильевич Никиткин, бывший в то время зампредом ВТБ СССР.

Во время практики ежедневно проходили и национальные party — презентации стран. Так как средств у нас, естественно, было мало, мы объединились для проведения своего мероприятия с коллегами из других соцстран. Помог нам и Моснарбанк, из него подвезли ящики с национальным напитком. Социалисты тоже привнесли свои пищевые достопримечательности. А фантазии нам было не занимать! В результате мы так завели публику, что даже на следующий день на немецкой презентации коллеги пели «Подмосковные вечера»!

Но не это было главным. Убеждён, что участие в работе школы, встречи с новыми людьми, беседы, обмен впечатлениями и сувенирами, несомненно, способствовали сближению представителей разных стран, помогали лучше узнать и понять друг друга. Впоследствии

в разных странах мне приходилось встречать коллег по той памятной школе, и мы быстро находили общий язык, что, естественно, шло на пользу и в работе.

Терпение и труд...

В конце 1980-х годов в Лондоне меня подключили к работе над кредитными соглашениями. Я начал осваиваться и знакомиться с подобными документами. Это, очевидно, не осталось незамеченным руководством. В результате после возвращения в Москву меня перевели в отдел банковских кредитов управления иностранных банковских кредитов. Через год я был уже начальником отдела. Заключать договоры с различными банками стал самостоятельно, выезжая для этого в Лондон по поручению Внешторгбанка. И таких переговоров было много. Особенно запомнилась поездка в августе 1968 года. 15 августа мы прибыли в Лондон с председателем в/о «Станкоимпорт» Игнатьевым. Он должен был подписать большой контракт. Я отвечал за финансовую его часть. Но случилось так, что во время этих переговоров, а точнее 21 августа, войска стран Варшавского договора вошли в Прагу. И Англия, в отличие от многих других стран, восприняла эту акцию чрезвычайно воинственно. Даже американцы вели себя тише. Начались заморочки. Я звоню в хорошо уже мне знакомый Midland Bank, мне отвечают, что нужного сотрудника нет — болеет. В следующий раз он оказался сильно занят, потом уехал в командировку. Причём накануне все вопросы мы с ним проработали. Посылаю шифровку в Москву: «Что делать?» Получаю указания: «Сиди и жди!» Так в Лондоне пришлось просидеть до 30 сентября, когда контракт и моё соглашение были таки подписаны. Дожали мы их!

Как Ротшильд был мне должен

Среди интересных деловых встреч, переговоров и бесед, в которых мне приходилось принимать участие, запомнились встречи с Хаммером, Рокфеллером и в особенности с представителем лондонской ветви Ротшильдов — Леопольдом. Позднее он познакомил меня и с ба-

роном Ротшильдом, а также Альбертом, представителем в прошлом их германской ветви. С Леопольдом Ротшильдом у нас сложились практически дружественные отношения, так как он приезжал к нам особенно часто. Его банк «Ротшильд и сыновья» занимался в том числе и фиксингом золота. Леопольд водил меня на экскурсию в знаменитую комнату в своём банке в Лондоне, где это происходило ежедневно.

Не могу не рассказать один любопытный случай. Приехал в очередной раз Ротшильд в Москву. Заключался кредитный договор на 5 млн фунтов. Остановился он в «Национале», чуть ли не в номере, где жил Ленин. Что, кстати, очень понравилось гостю. После завершения его работы Свешников поручил мне проводить Леопольда и его партнёра в аэропорт, но по дороге привезти их на заключительную встречу с председателем Внешторгбанка. Рассчитаться в кассе Ротшильд решил своими карманными фунтами, на что получил решительный отказ — у советских собственная гордость — только рубли! Находящийся в гостинице обменный пункт оказался закрытым на обеденный перерыв. Звоню в приёмную Внешторгбанка, объясняю ситуацию. Мефодий Наумович приказывает мне: «Делай что угодно, но через десять минут англичане должны быть у меня!» С большим трудом удалось договориться с администратором под письменную гарантию банка подождать перевода денег от ВТБ. А за иностранцев в те времена советским организациям можно было платить только по спецразрешениям самых высоких инстанций!

Гостей к рейсу я успел доставить вовремя. В аэропорту Ротшильд, уже понимавший наши реалии, пообещал оперативно перевести нам деньги за гостиницу. Однако проходит неделя, другая — денег нет. Меня начинает атаковать бухгалтерия. Пишу письмо компаньону миллиардера, благодарю за встречу и аккуратно напоминаю о долге. В конце концов деньги пришли. Но больше месяца я был заложником Ротшильда. Сумма была не фантастическая, 400 или 500 фунтов, сейчас даже смешно о ней говорить, но тогда дело было серьёзным.

ИЛЬЯ КОНСТАНТИНОВИЧ ЛОМАКИН **Выпускник 1966 года**

Директор (1973–1978) Русско-Иранского банка в Тегеране, заместитель управляющего (1983–1988 и 1992–1995) отделения Моснарбанка в Сингапуре. В настоящее время — главный исполнительный директор «ЕврофинансМоснарбанка».

Дело Ленина живёт и побеждает...

Осенью 1982 года я был направлен в Тегеран в составе специальной правительственной комиссии. Возглавлял её зампред Внешторгбанка СССР Альберт Родионович Макеев. В неё входили Альберт Георгиевич Воронин и юрист банка Дмитрий Леонидович Иванов.

Альберт Родионович Макеев — выпускник 1949 года

После иранской революции было принято решение о закрытии в этой стране всех иностранных банков. Мы должны были провести переговоры с Центральным банком Ирана о судьбе активов работавшего здесь с 1924 года Русско-Иранского банка. Пробыли мы для этого в Иране три месяца. Хорошо помню первую встречу в Банк Маркази Иран (местном Центральном банке). В зале с одной стороны стола расположились мы шестером, с другой стороны — человек 20 иранцев. Среди них были представители высшего духовенства, надзиравшие над процессом, и новые экономические лидеры страны. В переговорном зале висел огромный плакат, нарисованный гуашью. На нём была изображена огромная толпа иранцев, которые подняли вверх руки, и все они сливаются в один общий кулак, который держит за горло и душит Брежнева и Картера. Далее председатель Центрального банка предложил нам начинать все свои речи со слов: «Бис миля э ля рохман э рохим!» — что означало «Во имя Аллаха, милостивого и всемогущего!» Макеев уверенно заявил, что не будет это повторять. Последовала реакция руководителя иранской делегации: если мы не будем это говорить, то переговоры невозможны. Мы покинули Центральный банк и три недели бодались с иранцами на всех уровнях — от посольства до главного банка. Руководитель нашей делегации Макеев тем не менее наотрез отказывался произносить эту фразу: у советских собственная гордость! Нашей делегации выделили небольшую квартирку в посольском жилом доме. Всё это время мы и сидели в ней. Выходить было просто некуда, все учреждения были закрыты, в 1982 году началась война с Ираком, обострявшая и без того напряжённую обстановку. В довершение всего исламскими властями в стране сразу был объявлен сухой закон, за употребление спиртных напитков можно было поплатиться головой. Единственным нашим занятием была игра в преферанс. Все при этом нервно курили, и в комнате было нечем дышать, так как окна открывать тоже не раз-

решалось — в городе ввели светомаскировку, по вечерам не включался свет, чтобы авиация противника не обнаружила важные объекты. Где-то в других кварталах падали бомбы, благо не рядом с нами. За три месяца, пока велись переговоры, мы перенесли налёт на наше посольство. Произошёл он в конце декабря в годовщину ввода советских войск в Афганистан. Как говорили впоследствии работники посольства, нападение было хорошо разработано и не было спонтанным действием. Сотни тысяч людей в 9 часов утра окружили посольство и начали в мегафоны что-то скандировать. Крик стоял часа три или четыре. Мы сидели внутри, как кролики, так как выйти было невозможно. В два часа дня начался штурм посольства и прилегавших к нему жилых зданий. Через забор полезли люди с палками. Осаждавшие, ворвавшись внутрь здания посольства, разбили всё, что им попало под руки, включая красивейшую люстру, оставшуюся ещё со времён Александра Грибоедова. Один из мародёров пытался в актовом зале разбить мраморный бюст Ленина, бюст упал и сломал вандалу ногу. Погром продолжался примерно час. Во время него никого не убили, но некоторые сотрудники попали в больницы из-за серьёзного шока, получив инфаркты. Собаки посольские спаслись, так как предусмотрительно попрятались по щелям. Только часам к пяти или шести прибыли работники правопорядка, поставили пулемёт на крышу посольства и стали стрелять вверх голов беснующихся, чтобы разогнать толпу. В комнате мы сидели вшестером и, когда всё закончилось, достали из шкафов разные «успокаивающие» напитки из неприкосновенного запаса и принялись снимать стресс. Альберт Георгиевич Воронин вызвал доктора, так как у него болела голова. Когда измерили давление, оно у него оказалось сто девяносто на сто двадцать. Я ещё над ним пошутил по этому поводу, ну и для интереса тоже померил давление, оно оказалось повышенным для здорового человека: сто восемьдесят на сто десять. Такой мы пережили психологический стресс.

Как я чуть было не обрушил советско-польские отношения, а Иран заговорил по-арабски

После окончания института в начале 70-х годов меня взяли на работу в Главное валютное управление Государственного банка СССР.

Поручили заниматься протокольной работой. Управления внешних связей в банке ещё не было. Практически одному приходилось заниматься организацией встреч и проводов иностранных делегаций, прибывающих в банк, в связи с этим случались досадные недоразумения. Однажды в Москве проводилась сессия Совета экономической взаимопомощи (СЭВ). В ней участвовали министры финансов и председатели центральных банков стран-участников. И вот мне поручили приобрести билеты в Большой театр для нашего министра В. Ф. Гарбузова, председателя Госбанка М. Н. Свешникова и их польских коллег. А давали в тот день в Большом оперу «Иван Сусанин». Билеты нам достались хорошие, мы сидели во втором ряду партера, я ловил любые пожелания начальства: покупал программки, готов был в любой момент принести воды... И вот спектакль начался, зал, как говорят, утих. Но когда со сцены донеслось: «О, вы, проклятые поляки...» (или что-то подобное) — я понял, что совершил ошибку. И убедился в этом, когда услышал громкий голос Василия Фёдоровича, известного своей резкостью и строгостью: «Какой м...ак брал билеты?» Я был уверен, что пришёл конец моей карьере! Но обошлось. Более того, видимо, я сумел проявить себя на этом участке, и через два года, меня направили учиться на специальный факультет Института восточных языков при МГУ — изучать арабский язык. В арабском мире у нас был один банк — в Ливане (отделение Моснарбанка в Бейруте). Именно там были нужны выпускники этого спецфакультета. По сокращённой программе я отучился два года, но после обучения меня направили на работу... в Тегеран!

А получилось это так. В 1971 году меня вызвал начальник управления кадров Матвеев, поздравил и сказал, что по представлению Госбанка СССР и решению ЦК КПСС я поеду работать в Иран. Моему удивлению не было конца: «Как в Иран? Я же учил арабский язык!» — «А на каком там говорят?» — спросил Матвеев. Пришлось объяснить, что у персов и арабов один Коран, а язык разный и в Тегеране надо знать фарси. Надо сказать, что тогда попасть за границу было очень сложно. Поэтому начальник управления кадров мне посоветовал, чтобы я помалкивал и ехал в Иран. Иначе вычеркнут из списков, и бог знает, когда я вновь попаду за рубеж! В итоге в 1972 году я успешно уехал в Иран при полной уверенности ЦК, что в Иране говорят на арабском языке.

В середине 70-х годов Русско-Иранский банк возглавлял Павел Дмитриевич Николаев — незаурядный человек, командир роты штрафников во время Великой Отечественной войны. Хороший, правильный, убеждённый коммунист, жёсткий и властный. Прежде он работал помощником председателя Госбанка СССР, кажется М. Н. Свешникова. По своему предыдущему опыту и образованию, конечно, человеком в системе совзагранбанков он был чужим. Николаев не знал английского языка (и всех других, кроме русского) и выходил из положения следующим образом: когда в банк прибывали иностранные делегации, он спрашивал коллег: «Ду ю спик инглиш?» И если ему отвечали утвердительно, то отвечал с сожалением: «Ай спик джоман!» В то время в банке внедрялась малая механизация учёта. В 1957 году корпорацией NCR был выпущен первый специализированный бизнес-компьютер под названием NCR304, чуть сложнее используемых ранее арифмометров. Банк приобрёл одну машину, и мы радовались, что некоторые наши ведомости теперь печатает она. С гордостью показывали приобретение новому руководителю и ждали поощрения за то, что оказались наряду с крупнейшими мировыми банками в первых рядах технического прогресса. За три месяца с момента её установки люди были обучены работе на ней, и мы убедились, что машина серьёзно сокращает затраты труда банковских служащих. Павел Дмитриевич попросил показать, как работает компьютер, выяснил, что в его работу может вмешаться любой знающий принципы управления машиной. Мы объяснили, что за NCR304 налажен строгий контроль и тем самым обеспечена безопасность получения правильного результата. Наши объяснения не оказали должного воздействия на начальника. Он заявил: «Илья Константинович, немедленно уберите эту штуку! Разворуют банк!» После этого у нас вновь появились забытые счёты, а мы вернулись к записям в Главной бухгалтерской книге.

Работал у нас в середине 70-х годов в Русско-Иранском банке некий заместитель председателя. В его ответственности было составление официальных отчётов на «большую землю». В те времена существовали неписанные правила: нельзя было такие послания начинать непосредственно с конкретики, предварительно следовало подготовить политическую преамбулу «в свете решений...» и только после этого можно было переходить к теме повествования. Здесь следует

сделать необходимое пояснение: в иранском календаре летосчисление ведётся от хиджры (переселение пророка Мухаммада из Мекки в Медину в 622 году). Естественно, работая в Иране, мы для внутренней переписки с коллегами пользовались их исчислением. А в Советском Союзе была своя система счёта: годы наименовались «определяющими», «решающими», «завершающими», в зависимости от начала очередной пятилетки. И вот однажды в Москву ушла следующая идеологически выдержанная депеша: «Выполняя решения Пленума ЦК КПСС в решающем 1353 году наш банк...» Далее шли его показатели работы за отчётный период. Причём речь шла не о смерти Великого князя московского владимирского и новгородского Симеона Гордого, а о прозаических прибылях и убытках, объёмах кредитных операций Русско-Иранского банка.

Как на плотях сплавиться в отделение Госбанка СССР

Поступив на финансово-кредитный факультет Московского финансового института, я сразу понял, что получение знаний определяет дальнейшую мою судьбу, и все годы в институте уделял большое внимание учёбе. Это позволяло мне чувствовать себя уверенно и быть достаточно успешным студентом. Делал я это без напряжения — учиться мне было интересно.

Однако безоблачной жизнь не была. Причём все сложности я создавал себе сам! В 1966 году, будучи на пятом курсе, незадолго до завершения учёбы в институте, написав диплом, поехал в тайгу в поход сплаваться на плотях. Надо сказать, что на протяжении всего времени учёбы меня не покидал интерес к геологии, открытию новых, неведомых мне просторов нашей страны. В тайгу я выезжал каждое лето, сдав экзамены, на два — два с половиной месяца. Причём мне не нравился обычный отдых. В походах мне было интересно общаться с местными людьми, живущими в этих краях, заниматься вместе с ними рубкой просек, сплавать по реке лес на плотях. Насколько это было тяжело и опасно, настолько же интересно. Это была проверка настоящих мужских качеств. В таких экстремальных условиях вырабатывалось умение коллективных действий, взаимовыручка,

И вот спектакль начался, зал, как говорят, утих.
Но когда со сцены донеслось: «О, вы, проклятые поляки...»

понимание необходимости полного доверия друг другу. То, что потом очень понадобилось во «взрослой» работе!

Итак, написал дипломную работу, я с чистой совестью отправился в тайгу, «за туманом»... уверенный в том, что успею вернуться и сдать госэкзамены. Тем более мне готовиться к ним особо не было необходимости! И в результате на одно из важнейших событий в моей жизни опоздал. На три недели! Из-за проливных дождей в районе, где мы сплавливались, произошло наводнение и наши плоты затонули.

Представляете моё состояние, когда я возвращался в Москву, когда входил в институт? К этому моменту, конечно, приём экзаменов уже закончился. Каково мне было смотреть в глаза преподавателям, родителям, однокурсникам? Нашим деканом был Игорь Васильевич Левчук. Позднее я постоянно взаимодействовал с ним по работе: он был

*Игорь Васильевич Левчук —
выпускник 1950 года*

освобождённым секретарём парткома Госбанка СССР, работал в ЦК КПСС, курируя вопросы кредитных учреждений Советского Союза. На пенсию же ушёл с должности заместителя председателя правления Госбанка СССР. Мы с ним поддерживали хорошие отношения.

А в тот раз он проставил мне за неявку на экзамены двойки по всем предметам и исключил из института. Вот так пять лет учиться, быть без пяти минут дипломированным специалистом и так всё разрушить!

Пришлось идти работать в Первомайское отделение Госбанка СССР в Измайлове. Работал простым инспектором в кредитном отделе в команде с восемнадцатью женщинами. Для меня это было большим ударом, так как мои сокурсники Юра Полетаев и Валерий Телегин были распределены в это время во Внешторгбанк СССР.

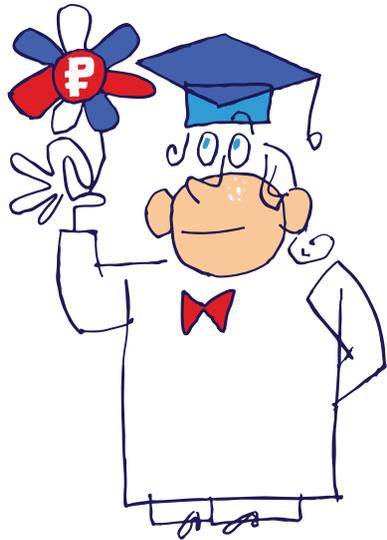
*Юрий Владимирович Полетаев,
Валерий Михайлович Телегин —
выпускники 1965 года*

Через шесть месяцев меня всё-таки допустили до дипломной работы и сдачи государственных экзаменов, которые я сдавал с международной группой (они учились на полгода дольше). Но при этом прежде я должен был написать заявление, покаяться. Это был хороший урок для меня, по сей день я очень требователен к себе.

Ещё вспомнился случай уже из 1990-х годов. На дне рождения Герашенко в столовой Центробанка мы мирно беседовали с пенсионе-

Байки от...

ром, советником какого-то банка Игорем Васильевичем Левчуком. К нам подходит президент банка «Возрождение» Дмитрий Орлов и иронично спрашивает меня: «Илья, а ты что с ним пьёшь?! Он ведь нас из института исключал!» Дело в том, что у нас действительно оказались очень похожие студенческие судьбы.

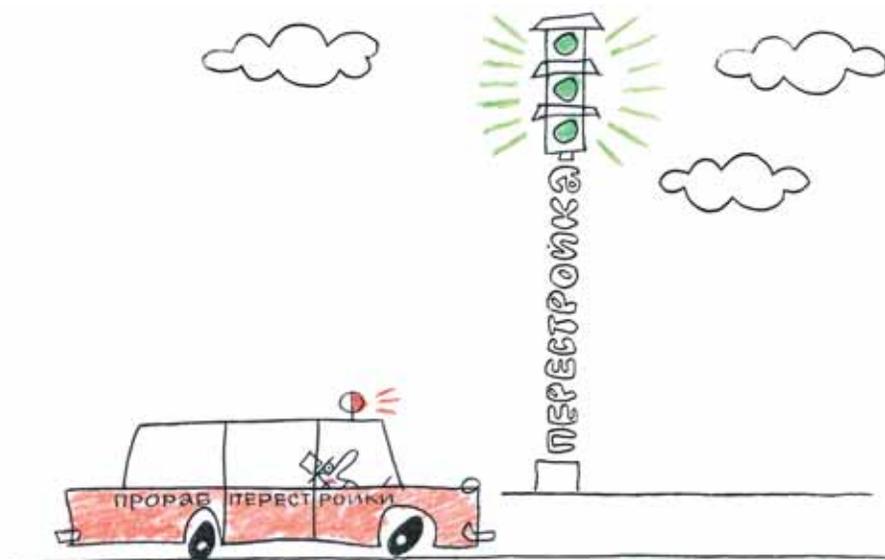

ДМИТРИЙ ЛЬВОВИЧ ОРЛОВ
Выпускник 1968 года

В конце 80-х годов — управляющий Московской областной конторы Госбанка СССР и начальник Московского областного управления Агропромбанка СССР. В 1991 году создал банк «Возрождение».

Перестройка как средство продвижения

Николай Травкин и Михаил Бочаров как «прорабы перестройки» и будущие деятели демократической России олицетворяли собой систему советских починов (инициировавшихся Московским областным комитетом КПСС и исполкомом). Тогда любили с определённой периодичностью искусственно, сверху, абсолютно на пустом месте создавать «передовые» предприятия, с точки зрения реальных хозяйственных успехов ничего из себя не представляющие. Так, у Михаила Бочарова был дохлый, полностью убыточный кирпичный завод в Бутове. Как-то нас, начальника Мособлстройматериалов Бориса Крекова, начальника областного финансового управления Якова Хесина и меня, вызвал секретарь партийной организации Московской области Новиков и сказал: «Ребята, нужно что-то делать, завод совсем сдыхает!» Решили: Бочаров и так практически не платит аренду, так давайте снизим арендную плату ещё — фактически до нуля. А областное финуправление простило ему безнадежные налоги (всё равно ведь не платит!). После этого предприятие за два или три месяца стало «рентабельным», а Бочаров начал всюду выступать с речами о перестройке. Михаил Александрович был членом КПСС, стоял на учёте в Московской областной партийной организации (по производственному принципу), хотя жил в Москве. В 1989 году он сам себя выдвинул кандидатом на первых альтернативных выборах, стал народным депутатом СССР. На тот момент район Бутово присоединили к Москве и Михаил Александрович вошёл в мощную московскую группу народных депутатов. И когда формировались руководящие органы I съезда, Бочаров стал секретарём съезда, а потом и большого комитета по строительству с Ельциным во главе. После этого Бочаров, как «успешный рыночник», замелькал на экранах телевидения, вошёл в Высший экономической совет России. Вроде бы даже сыграл какую-то важную роль в избрании Б. Н. Ельцина главой Верховного Совета РФ. Другой пример удачливого демагога-карьериста из «назначенных передовиков» и «маяков перестройки» — Николай Травкин. Запомнил я его, ещё работая в Госбанке Московской области, когда он возглавлял захудалую ПМК-27 (проектно-монтажная компания) Шаховского района. Тогда Н. И. Травкин «построил» в своём районе и пытался сдать досрочно шесть или семь домиков. Комиссия банка обнаружила, что

Причём не было ясно, куда они потом девались.

Байки от...

в этих домах температура зимой не поднималась выше 4 градусов. Однако тогда областному начальству приспичило найти своего «строителя-новатора» (не хуже Николая Злобина из Зеленограда). Выбор пал на Травкина. Надо выполнять задание партии! Нашли выход: принципиального инженера-обмерщика, не желающего принимать «работу» Николая Ивановича, перевели на лучшее место (из Шаховской в Загорск) и дали квартиру. В отсутствие этого инженера «новый передовик» смог свои дома сдать. После чего перевели Травкина управляющим 18-м строительным трестом в Волоколамском районе. Стали давать по звонку из Московского областного комитета без ограничений строительные материалы, чтобы Николай Иванович мог перевыполнять план. И действительно, о его «успехах» заговорили. Когда же мы в Госбанке проверили «передовика», то выяснили, что из 800 тыс. рублей прибыли 1 млн (!) был получен в счёт штрафов, начисленных за возврат обратно на ДСК бракованных стройматериалов! А причина возврата банальна: у треста не было достаточного количества кранов, а за простой он должен был платить неустойку. То есть в то время, когда все остальные стройки снабжались стройматериалами по остаточному принципу, «передовик», получавший любые ресурсы вне очереди, попросту под разными предложениями браковал поставляемые материалы и на этом строил свой успех. Причём не было ясно, куда они потом девались. В общем, чистой воды афера! Когда я тогда возмутился, мне в комитете КПСС сказали, что я «неправильно понимаю политику партии» в области перестройки хозяйственного механизма... Потом Травкин обслуживался в Агропромбанке и опять выделялся «инициативностью» и «сообразительностью». Так что он всегда был больше политиком, чем хозяйственником. Сейчас, кстати, кажется, стал либералом.

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ ЗЛОБИН **Выпускник 1969 года**

После окончания института в течение 10 лет работал в валютно-экономическом управлении Госбанка СССР. В 1979–1997 годах трудился в департаменте полевых учреждений Госбанка СССР и Центрального банка РФ. В течение этого периода служил шесть лет в Группе советских войск в Германии, три года — в Афганистане, три года служил на Сахалине, остальное время возглавлял ревизионную службу департамента полевых учреждений Центробанка.

В 1997 году, после увольнения в запас в звании полковника, вернулся в Центральный банк, где работал в должности заместителя директора департамента по работе с его территориальными учреждениями.

Имеет много наград, включая зарубежные (ГДР и Афганистан),

Язык не только до Киева, до Вены доведёт

Первый мой рассказ о товарище
Игоре Котове. Мы вместе с ним окон-
чили Московский финансовый ин-
ститут и получили специальность

*Игорь Евгеньевич Котов —
выпускник 1969 года*

«экономист по международным экономическим отношениям». Для того чтобы поступить в институт на наш факультет в 1964 году, требовалось набрать на пяти экзаменах 23 балла. Игорь успешно сдал четыре экзамена, и ему оставалось не провалить испытание иностранным языком. Однако на экзамен по английскому он не пришёл. Это была его беда, жил он в Химках и постоянно всюду опаздывал. В общем, когда он всё-таки появился в институте, оказалось, что экзаменационная комиссия уже разошлась. Ему выразили сочувствие и предложили прийти в следующем году. Однако абитуриент оказался настырным, стал спрашивать, когда принимают экзамен по французскому языку, ему ответили, что он был вчера. «А по немецкому?» — допрашивал Игорь. Ему ответили, что экзамен завтра. Пришло время поинтересоваться лаборантке кафедры иностранных языков Лидочке: «А вам что, всё равно, какой экзамен сдавать?» Получив утвердительный ответ, дама позвонила заведующей кафедрой Милюшиной и рассказала о пришедшем феномене. Та попросила передать трубку Игорю и, зная пять или шесть языков, стала его тестировать. Скоро выяснилось, что он владеет ими лучше. За всю историю МФИ не было больше случая, чтобы всю кафедру собирали для того, чтобы проверить знания одного абитуриента, только претендующего получать знания. Это было сделано в тот же вечер — Милюшина лично обзвонила своих коллег.

Полностью проверить Котова им не удалось. Оказалось, все преподаватели кафедры знают меньше языков, чем Игорь. Он знал 12! Удивлённая педагог по испанскому языку задала вопрос: «Как же вы выучили этот язык? Ведь испанские самоучители в СССР давно не издавались». И получила ответ: «По учебнику, изданному в Польше». Этот язык он знал хорошо. «А не лучше ли вам пойти в филологический институт?» — спросили его. «Я хочу иметь специальность!» — ответил полиглот. И в дальнейшем он создавал много неудобств кафедре. Лучший преподаватель английского по-

стоянно выгонял его с занятий, так как Игорь поправлял его, делал замечания, указывал, как используется то или иное слово в современном английском языке или в его американском варианте. Ныне Игорь Евгеньевич Котов председатель правления Sovfracht International Holding AG, главный офис которого расположен в Вене.

Кресло как инструмент кадровой политики

Работал я в самом начале 70-х годов в валютно-экономическом управлении Госбанка СССР. В управлении было принято 1 апреля подшучивать друг над другом. Иногда розыгрыши были не очень гуманные. Начальником отдела развивающихся стран (мы называли его отделом недоразвитых стран) у нас был Вадим Николаевич Жёлобов, аккуратист невероятный — его огромный стол, обитый зелёным сукном, всегда был чист. И ещё у него был огромный старинный чёрный стул, скорее даже трон, из резного дерева. Никто не знал, где он его достал.

Василий Иванович Морсин — выпускник 1952 года

Василий Иванович Морсин, возглавлявший управление, занимался до этого отраслевыми финансами. Все, в том числе и он, понимали, что начальник попал к нам случайно. Все, в том числе и он, ждали, когда Василия Ивановича заменят. Начальник ВЭУ даже иностранных языков не знал, но очень боялся, что его попросят освободить место. Когда в управлении объявляли о проведении собрания, сотрудников просили захватывать с собой стулья — у начальника в кабинете их для всех не хватало. Этим я и воспользовался и 1 апреля часов в 12, когда все коллеги пошли на обед, сообщил Жёлобову об общем сборе, посоветовав ему поторопиться, так как все уже собрались. Вадим Николаевич со своим треном ввалился к Морсину, чем вызвал у того предынфарктное состояние. Василий Иванович решил, что смена всё-таки пришла (дело в том, что Жёлобов был в резерве на его должность). Долго мне не могли простить ту «безобидную» шутку. А В. И. Морсина в 1973 году отправили генеральным директором Донау-банка в Вену.

Нарукавники от Юдашкина

Когда-то я был замначальника полевого учреждения на Сахалине. Командующим нашей армии в этом военном округе тогда был Герой Советского Союза Евгений Васильевич Высоцкий*. Человек он был замечательный, с отличным чувством юмора, закреплённым за пять лет службы в Одесском военном округе. Героя Евгений Васильевич получил за участие в рейдовых операциях по разгрому бандформирований в Афганистане. Я также прилетел в Южно-Сахалинск после трёх лет службы в Афгане. Также наши отношения укрепились благодаря ежедневным тренировкам в гарнизонном бассейне — он был кандидатом в мастера по плаванию, а я мастером спорта по ватерполо. Однажды мне пришлось полететь на острове Итуруп с проверкой — там находился наш дивизионный полевой банк. Структура полевых отделений была следующая: в Хабаровске была контора военного округа, у нас в Южно-Сахалинске — отдел, а на местах — отделения. Следует заметить, что военные банкиры (как и медики, и юристы) занимали промежуточное положение между собственно военными и штатскими. Часто я даже бродил по части в гражданке, о ношении сапог вообще речи не было. На Курилы я прибыл в военной форме, но в «параллельных» брюках навыпуск, предназначенных для ношения их с ботинками. На мою беду, на Итурупе в то же время проходили учения, и я сразу попался на глаза комдиву. Генерал, увидев майора, одетого не по уставу, без полевой формы, затрясся от бешенства: «Кто тут смеет в юбке ходить?! Срочно одеть его в сапоги!» Так как мы подчинялись Госбанку СССР, я приказ проигнорировал. Когда у меня заканчивалась ревизия, на остров прилетел Высоцкий. Обмениваясь приветствиями, я со смехом рассказал, как меня пытались приодеть. Посмеялись, и я вернулся в свою часть. Потом мне рассказывали, что произошло позже. На «разборе полётов» Евгений Васильевич раздал всем сёстрам по серьгам, а закончил своё повествование следующими словами: «А больше всего меня расстроило незнание генералом, командиром дивизии, приказов министра оборо-

* Генерал-лейтенант Е. В. Высоцкий с 1989 по 1991 год был командующим общевойсковой армией в Краснознаменном Дальневосточном военном округе. — *Прим. летописца.*

ны! — При этом комдив, кажется, поседел. — Неужели вы не знаете, что по приказу № 065212 от 15 сентября 1959 года всем банкирам вместо сапог выдают нарукавники?»

Знал бы он насколько окажется провидцем!

Как Геращенко за язык поймали

Как-то в 90-е годы в Центральном банке принялись бороться с семейственностью. Как всегда, здравого смысла в этой кампании не было. Однажды в моём кабинете раздался звонок, и меня попросили выявить все родственные связи сотрудников департамента левых учреждений. На это я бодро ответил: «А что время тянуть, списки составлять, я и так помню, записывайте. Механик Геращенко Константин Викторович». На той стороне поперхнулись и больше

нам не звонили. Виктор Владимирович Геращенко в тот момент был председателем банка. А Костя до этого служил в десант-

Виктор Владимирович Геращенко — выпускник 1960 года

но-штурмовой бригаде морской пехоты в Заполярье, где до ближайшего населённого пункта было километров 80. История, о которой я сейчас расскажу, происходила зимой, 23 февраля: пурга, 30 градусов мороза, полярная ночь, построение на плацу в честь праздника, объявляют благодарности. Досталась она и младшему сержанту Геращенко. Получивший в наследство от отца чувство юмора, Константин шепчет соседу: «На что нужна благодарность, лучше бы увольнительную дали!» Заявление услышал командир и объявил: «Всем разойтись, младшему сержанту Геращенко зайти в канцелярию». Там остряк получает приказ об увольнительной на трое суток! Исполнять приказ следовало немедленно. Взял Константин бумагу и растерялся — что делать, куда идти? Транспорта никакого! Вышел он за проходную и стал применять навыки выживания в трудных природных условиях: сделал себе некое подобие иглу (жилища коренных жителей Крайнего Севера). Заночевал в нём, а наутро с опущенной головой вернулся в часть проситься в тёплую казарму. Так юмор Геращенко натолкнулся на армейский юмор, а он непобедим.

Наши учителя

В нашей международной группе училось много ярких, успешных впоследствии личностей. Назову хотя бы Толю Носко, будущего руководителя ВЭБа, Валеру Сумарокова — проректора Финансовой академии.

*Анатолий Петрович Носко,
Валерий Николаевич Сумароков —
выпускники 1969 года*

В Московском финансовом институте работала в наше время блестящая плеяда преподавателей.

Вот, например, Алексей Дмитриевич Карбышев — завкафедрой бухучёта, он читал курс бухучёта во внешнеторговых организациях.

Впрочем, нам, международникам, этот бухучёт казался предметом практически ненужным.

Важно ещё отметить, что институт был маленький, аудиторий не хватало, и мы занимались в лингафонном кабинете. Видимо, для охраны вверенного им имущества на наших занятиях постоянно присутствовала лаборант кафедры иностранных языков симпатичная блондинка Лидочка и её подружка.

Помню, что удивлению девушек не было конца, они не могли понять, когда же мы начнём заниматься делом. Как только профессор входил в класс, к нему кто-то обращался с провокационным вопросом типа: «А вот американцы во Вьетнаме... как нам к этому относиться?» Темы выбирались произвольно, ими могли стать даже летающие тарелки. Алексей Дмитриевич легко загорался и увлечённо начинал делиться своими взглядами на посторонний предмет. Если же вопрос касался футбола и его любимой команды — московского «Динамо» — остановить учителя было вообще невозможно!

Меня он выделял не за то, что я был сыном замнаркома финансов, преподавателя МФИ Ивана Даниловича, а за то, что я играл в водное поло в его любимом клубе.

Несмотря на то что в абстрактных обсуждениях проходило большинство занятий, предмет мы знали хорошо.

Но однажды в конце семестра Алексей Дмитриевич пришёл в аудиторию очень серьёзным и с порога заявил: «Носко, на первую парту! Решите задачу — всей группе ставлю зачёт! Нет — у всех буду принимать экзамен с пристрастием!» Особые репрессии он обещал Володе

Шуму, тоже болевшему за «Динамо», но, к его беде, киевское. Выбор Толи объяснялся тем, что он был старостой группы.

*Владимир Иванович Шум —
выпускник 1969 года*

После этого положил перед ним условие задачи, добавив: «Первый ход с семёрки тref!» Оказалось, что задача была в ловле мизера в преферансе.

Судя по всему, староста нас не спас, потому что я помню, как ходил на сдачу зачёта. Он тоже был непростым. Первый делом Карбышев распорядился: «Злобин, Носко и Котов, зачётки мне на стол!» Я успокоился — видимо, будет всё хорошо. Я посещал, как и Игорь, кружок бухучёта, а Толя был отличником и мог претендовать на автомат.

*Игорь Евгеньевич Котов —
выпускник 1969 года*

Вася Лахов тоже решил приобрести к «халяве» и заявил: «А я со Злобиным на одной лестничной клетке живу!» Алексей Дмитриевич в этот раз был снисходителен: «Хорошо, тоже давайте зачётную книжку».

*Василий Борисович Лахов —
выпускник 1969 года*

После такого начала профессор осмотрел оставшихся и произнёс: «А с остальными мы поговорим, а с вами, Шум, в конце, особенно!»

Захватывающие лекции читал преподаватель истории экономических учений Абрам Лазаревич Реуэль с его сакраментальным: «Я и Маркс». Когда мы поступили в 1964 году, то сразу услышали: «Ребята, сдать ему экзамен невозможно!» Надо обязательно участвовать в работе его кружка. Что я оперативно и сделал, решив, что буду непременно записывать все его лекции.

Первое впечатление о Абраме Лазаревиче было следующее: в класс вошёл монумент — седовласый, похожий на Маркса, но миниатюрный, почти карманный. Подготовленные предварительными рассказами, мы уже трепетали, когда услышали: «Коллеги, в мировой экономической мысли были три вехи: Маркс, Энгельс и ваш покорный слуга профессор Реуэль!» После этого я положил ручку и больше его лекции не конспектировал.

Абрам Лазаревич был автором учебника-путеводителя, предметного и именного указателя к первому и второму томам «Капита-

ла» Карла Маркса, поэтому лучше него Маркса, наверно, не знал никто.

Подшиваленко Г. П. Профессор А. Л. Реуэль во время лекции упал с кафедры куда-то вниз. Смотрим — никого нет. По молодости, конечно, хихикаем. Но профессор со словами: «Профессор упал, а вы смеётесь» — возник опять над кафедрой и продолжал читать лекцию, как ни в чём не бывало.

Студентка Алла Георгиевна Мухина, ставшая впоследствии Грязновой, рассказывала, что в тот момент она сидела на второй парте и выставила руки вперёд, чтобы поймать учителя, но этого не понадобилось делать.

Посещавшие кружок Реуэля получали зачёты автоматом, я же стал ещё и старостой кружка. Таким образом три или четыре человека в группе могли быть спокойны. Но, как оказалось, не я. Меня Абрам Лазаревич на экзамене вызвал к доске и заявил: «А от Вас я хочу услышать высший пилотаж!» После чего поручил изобразить на доске таблицу Кенэ — общую схему кругооборота товаров и денег внутри национального хозяйства. Для её написания не хватало аудиторной доски. Проще было китайский язык выучить, чем её запомнить!

Хорошо, что ребята вовремя подсунули мне шпаргалку, и для воспроизведения задания мне пришлось исписать ещё и полстены.

Как с пользой бить баклуши

Уже после окончания первого курса в 1964 году нас отправили в стройотряд. Отмазаться удалось только самым хитрым. Я от работы никогда не уклонялся, да мне и отец не позволил бы это сделать. Жить пришлось в убогом недостроенном здании без водопровода и канализации.

Но мы в деревне Пешково Чеховского района мужественно возводили курятник. Все специализировались на разных работах. Кто-то, как в забое, работал отбойным молотком, кто-то таскал кирпичи, другие пытались их укладывать... Нам с Женей Брагиным (бывшим тогда ещё Штейнбергом) поручили заготавливать двуручной пилой по образцу деревянные чурки. За работу платили сущие копейки. У тружеников умственного руда быстро на ладонях появлялись кровавые

мозоли. Нароботав на рубль, мы поняли, что эта деятельность не для нас. Плюнув на будущие заработки, я пошёл гулять по стройке и наткнулся на сарай, полностью заполненный вожделенными чурками.

Вернувшись к напарнику, я поручил ему искать носилки. Не понимая, зачем это делать, Валера спорить со мной не стал. Остальную часть рабочего дня мы доставляли на своё рабочее место добычу. Когда там образовалась значительная куча, мы задумались: «Никто не поверит в наше трудолюбие, если рядом с результатом труда не будет соответствующей горы опилок». Их на стройке найти было ещё проще. В результате к вечеру достоверность была обеспечена.

В конце дня подводились итоги рабочей смены: разбитые непривычным трудом товарищи получили от 3 до 5 рублей, а мы с Брагинным на двоих сотню!

Возмущению не было конца: «Во, два филона блатную работёнку нашли!» Стали требовать производить регулярную ротацию. Моё предложение делать это ежемесячно было отвергнуто, порешили делать это каждые три дня.

Ближайшую пару дней мы продолжали показывать стахановские рекорды, затем лафа закончилась. Сменили нас два Володи — Шум и Воронков. Они были уверены, что если уж такие сачки, как мы, заработали по полтиннику, то эти трудяги получат по столынику! Жизнь разбила их расчёты — каждый получил по четыре пятьдесят.

*Владимир Иванович Шум,
Владимир Алексеевич Воронков,
Евгений Валентинович Брагин —
выпускники 1969 года*

Другой облом произошёл на nive пропитания. Дирекция совхоза обеспечивала нас едой, но предупредила: стоимость проеденного будет вычтена из нашего итогового заработка. Я не сильно рассчитывал разбогатеть на такой работе и, увидев размеры порций, рассудил, что для моей комплекции одного обеда будет мало, поэтому попросил предоставлять мне и второй. Здоровый Шум поступил так же, остальные решили экономить.

В конце нашей смены сельчане, довольные нашей работой, решили сделать нам приятное — взять расходы на наше питание на себя. То есть те, кто имел усиленное питание, оказались в двойном выигрыше.

Советский ответ на восточные хитрости

В 1977 году волей судеб я оказался главным диспетчером управления капитального строительства (УКС) объектов инопредставительств. Занимался я всей протокольной частью, совмещая эту деятельность с работой переводчика.

Оказался я там благодаря протекции другого выпускника нашего института и условия у меня, включая зарплату, были замечательные.

В то время строилось много зданий посольств, в частности КНДР, Болгарии, Кувейта. С последним и связана моя история.

В то время у СССР не было дипотношений с Саудовской Аравией, но то, что они будут установлены, ни для кого не было секретом — крупный нефтеэкспортёр не мог не входить в сферу интересов нашего руководства.

Строить посольство этого королевства решили загодя хитрым способом. Договорились, что мы возводим второе здание посольства Кувейта, а когда все формальности с саудитами будут решены, оно перейдёт к ним.

Поэтому на переговоры в Москву приехал специалист-строитель из Саудовской Аравии Мохаммед. Было ему 72 года. В традиционном бурнуса в двумя ободками на голове он выглядел как привидение.

Ежедневные переговоры длились не меньше месяца, за это время, не смотря на разницу в возрасте (мне был 31 год), мы подружились. Тем более что Мохаммед хорошо говорил по-итальянски (т. к. в своё время строил посольство в Риме), я его осваивал, поэтому мы договорились вне официальных переговоров, которые проходили на английском языке, для практики говорить на итальянском.

И всё было бы хорошо, если бы мы не столкнулись с одной проблемой. По нашим правилам, всю работу по слабым токам (куда входили, в частности, системы пожарной безопасности, охранной сигнализации и, главное, телефония) обязательно должна была выполнять советская компания «Каскад». Все понимали, откуда она и что делает на новостройке, поэтому, въезжая в новое помещение, все иностранцы сразу демонтировали сделанное ими и вновь заказывали ту же работу своим проверенным специалистам.

Перед встречей саудит предупредил меня,
что мои хитрости бесполезны, работать с фирмой
«Каскад» они не будут!

Сделать то же для саудитов не было проблем, страна богатая, но мой новый друг упёрся! Из-за этого пункта мы не могли подписать всё соглашение.

Вызвал меня начальник УКС Сергей Иванович Нечаев и дал два дня на решение вопроса, пообещав при этом в случае благоприятного исхода неделю отгулов, а в противном случае пригрозил объявлением неполного служебного соответствия.

Выход я решил найти в валютном баре гостиницы «Космос», там у меня работал друг Виктор, уговорив Мохаммеда провести там свободный субботний вечер. То, что он вполне пьющий, я убедился ранее. Мой партнёр сливал первую каплю из бокала (которая по мусульманским правилам ведёт в ад) и с чистой совестью выпивал оставшееся.

Перед встречей саудит предупредил меня, что мои хитрости бесполезны, работать с фирмой «Каскад» они не будут!

Но и я подготовился, предупредив Виктора, чтобы он мне наливал не столь крепкий коктейль, как привидению, которое я приведу. Для уверенности начальство выдало мне две секретные таблетки, видимо, созданные специально для советских Джеймсов Бондов.

В два часа ночи мой Мохаммед уже почти в невменяемом состоянии сдался и подписал «случайно» оказавшийся в моём портфеле договор. Секретарь моего собутыльника развёз нас.

С трудом я проснулся в 11 утра, первая мысль была: «А жив ли Мохаммед?» Человек-то немолодой. За этой крамольной пришла другая мысль: «А если он помер, будет ли действительна его подпись под документом?!»

Оправдал своё святотатство я словами и популярной песни: «Прежде думай о Родине, а потом о себе!»

Звоню в «Метрополь», где жил наш друг. Трубку поднял секретарь после некоторой паузы и пошёл за своим начальником. Минуты через три я услышал знакомое: «Buongiorno!» («Доброе утро!»). Впрочем по голосу я понял, что и для него оно не очень доброе. Но меня интересовало, не откажется ли он от своей подписи. Мохаммед успокоил меня, что делать это не в его правилах.

Только после этого я, грешен, поинтересовался о его самочувствии. И услышал, теперь известную многим присказку, а тогда неизвестную мне: «Вчера ночью боялся, что умру, а утром пожалел, что выжил!»

На открытие посольства Мохаммед пригласил меня с женой и посадил рядом с собой на самое почётное место. Все танцы он танцевал с моей Еленой, видно было, что увлёкся ей, и в середине вечера неожиданно предложил: «Сержио! Продай мне свою жену!» Сделка была предложена вполне серьёзно. Сказав, что я подумаю, стал решать, как спасти страну, — этот богатый, влиятельный человек мог, обидевшись, какую-нибудь гадость сделать.

После окончания очередного танца (вновь с моей пока половиной) я сделал саудиту ответное предложение: «Я решил! Я продам тебе жену, но только с одним условием — вместе с тётцей!» Замешкавшись мой партнёр по сделке ответил: «А можно теперь я подумаю?»

Хитрость сработала, на следующий танец Мохаммед пригласил другую даму. В конце вечера он мне сказал: «Сержио, я раздумал покупать твою жену!» Но я решил поиграть дальше: «А что так, не понравилась? Я с ней уже договорился!» И на это несостоявшийся жених разразился ещё одной восточной мудростью: «Понимаешь, женщина, как колодец в пустыне, никогда не знаешь, что на его дне: чистый родник или мёртвый верблюд».

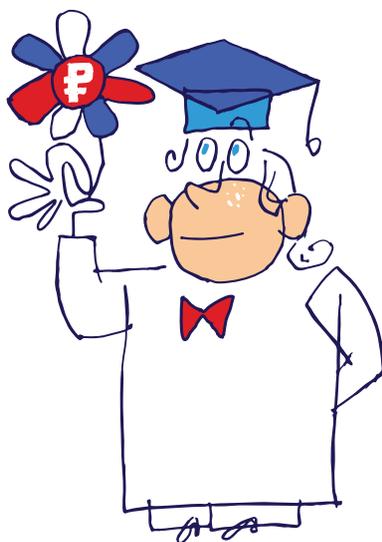

Фото Юрия Терещенко

ВАЛЕРИЙ НИКОЛАЕВИЧ СУМАРОКОВ **Выпускник 1969 года**

С 1975 года работает в родном вузе, где прошёл все ступени служебной лестницы: ассистент, старший преподаватель, доцент кафедры политэкономии, проректор по вечернему обучению, проректор по научной работе, проректор по вечернему обучению. Заведовал кафедрой.

Остается на своём посту.

О совместной трудовой деятельности

В 1968 году мы с Сергеем Злобиным были распределены в валютно-экономический отдел Госбанка СССР. В те годы активно внедрялось в организациях любого профиля движение наставничества. К каждому молодому специалисту прикреплялся более опытный коллега.

Сергей Иванович Злобин — выпускник 1969 года

Каждые полгода на общем собрании наши наставники отчитывались о нашем профессиональном росте.

В нашем подразделении работала два мастодонта — две легендарные личности: Михаил Григорьевич Поляков и Кира Алексеевна Штром. Оба проработали в Госбанке всю жизнь, с 1920-х годов!

Я стал учеником М. Г. Полякова.

На очередном отчёте Михаил Григорьевич начал свою речь так: «Мы с товарищем Сумароковым проработали в Госбанке 51 год. Из них пятьдесят с половиной я, полгода — он».

После таких слов проснулись даже те, кто спал, хохот стоял невероятный. После этого наш начальник Юрий Сергеевич Балагуров решил больше такие показушные, формальные мероприятия не проводить.

Болтун — находка для шпионов

Придя на работу в Госбанк и узнав, что можно получить 10 % за знание языка, мы с Сергеем уселись за повторение изученного в институте английского и вскоре успешно сдали необходимые для вспомоществования экзамены. Довольные, мы поделились новостью с отцом Сергея — легендарным Иваном Даниловичем Злобиным, бывшем замнаркома финансов, участвующем в 1944 году в Бреттон-Вудской конференции. В 1960-е годы он преподавал в нашем институте.

Зная, что Иван Данилович свободно говорит по крайней мере по-английски и по-немецки, мы спросили его, сколько он получал «за язык» в сталинском Наркомате финансов, и получили ответ: «Нам платили “за язык” — за то, что мы его держали за зубами!»

Беззлые стихотворцы

С Сергеем Злобиным на втором курсе мы написали поэму, оканчивающуюся так:

Вам поэму для остратки,
Иногда сгущая краски,
Но зато без всякой злобы,
Без насмешек и упрёков
Написал Серёжа Злобин и Валера Сумароков.

В ней мы вспомнили про всех окружающих друзей, но договорившись не упоминать друг друга.

Люди знают: золотишка
хорошо б иметь излишки.
Для страны огромной нашей
У Канады купим каши.
Если что не уродится,
Будет рожь, овёс, пшеница.

Только хитрая Канада,
Проучить её бы надо!
Не нуждается рублями,
Ох, вдоль ж...ы ей б граблями!
Подавайте-ка ей золото,
Но России-то утрата.

Но, страна моя, не бойся!
Ни о чём не беспокойся,
Хоть, конечно, нелегко.
Но ведь в группе есть Носко.
Он-то золотце добудет,
Злато было, есть и будет!

Здесь следует сделать комментарий: жена Носко (он женился у нас первым) была очень молча-

*Анатолий Петрович Носко —
выпускник 1969 года*

ливая, и мы её прозвали Золотцем. Однако, если учесть, что в дальнейшем Анатолий занимался государственными внешнеторговыми операциями во Внешторгбанке и Внешэкономбанке, в том числе по покупке зерна, стихотворение превращает нас с Серёгой в Нострадамусов.

Или вот ещё. Был у нас молчаливый Володя Воронков, ставший

*Владимир Алексеевич Воронков —
выпускник 1969 года*

впоследствии полковником, возглавлявший валютный отдел одного нашего очень серьёзного органа.

Описать вам Воронкова
Очень трудно, хоть и ново.
Даже нам не по себе!
Может, он из КГБ?

А вот, что было сказано про Игоря Котова, знавшего более десяти

*Игорь Евгеньевич Котов —
выпускник 1969 года*

языков. Жил он в Подмосковье, в посёлке Павшино и один из первых купил мотороллер:

Кто в зелёном пиджаке
С поллитровкой в руке,
Кто с закуской в кармане,
Верный друг для всякой пьяни?
Вечно он в хмельном угаре.
Угадали? Котов Гарик!

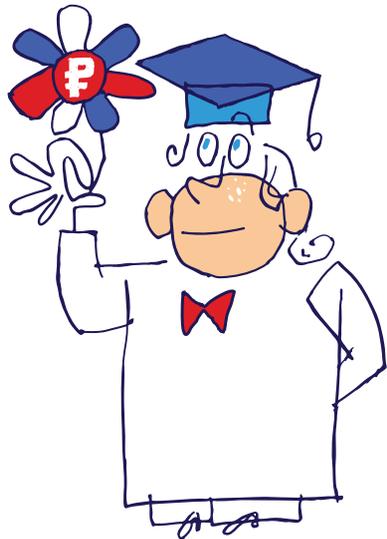
Он сегодня в новой роли —
Объезжает мотороллер.
Ближе стали магазины —
Всё ж со скоростью машина.
Бабкам стало жить опасно
При зелёном свете, красном.

Ну, прощай, жена, золотка,
В мотороллер сядет ловко

Байки от...

И с ухмылкой во взоре
Укатит. Memento mori.

Это, конечно, самые безобидные опусы, большинство я публиковать не решаюсь. Все преподаватели знали про поэму и обещали нам поставить автоматы за экзамены, если мы её прочтём. Но мы этим не злоупотребляли.

БЕЛЛА ИЛЬИНИЧНА ЗЛАТКИС
Выпускница 1970 года

Начинала карьеру в Министерстве финансов РСФСР, затем — Российской Федерации, пройдя путь от экономиста до заместителя министра (2000–2004). Ныне — заместитель председателя правления Сбербанка.

Как вести себя с этим мальчиком-министром я ещё не знала...

Заниматься акционерными обществами в Минфине РСФСР поручили нашему управлению. Законодательных актов ещё было недостаточно, и даже зарегистрировать акционерное общество было практически невозможно. В это время 14 июля 1990 года, сразу после провозглашения суверенитета республики, к нам назначили нового министра финансов РСФСР — Бориса Григорьевича Фёдорова. Узнали мы об этом по телевизору накануне, в выходные дни. Нас тогда потряс его возраст — 32 года. В Минфине молодым считался 50-летний сотрудник, и даже мы, 40-летние, на фоне Фёдорова казались зрелыми.

*Борис Григорьевич Фёдоров —
выпускник 1980 года*

16 июля, в понедельник, бывший руководитель Игорь Николаевич Лазарев собрал в зале коллегии всех начальников управлений. Представлять нового министра пришёл заместитель председателя Совета министров РСФСР Григорий Алексеевич Явлинский. Оба больших чиновника были неформально одеты, без пиджаков. Хотя этому и способствовало чрезвычайно жаркое лето, тем не менее в наших стенах выглядели они необычно. Представление длилось недолго, но только я успела спуститься в управление и начать рассказывать о своих впечатлениях с нетерпением ожидавшим меня коллегам, раздался звонок телефона прямой связи с министром. Незнакомый голос приглашает меня подняться к нему. Я, привыкшая к вызовам старого начальства, сразу не поняла, кто мне звонит, и несколько бестактно спросила: «А кто это?» До сих пор помню чувство своей неловкости, когда услышала в ответ: «Борис Григорьевич Фёдоров». Как вести себя с этим мальчиком-министром, я ещё не знала, вошла к нему в кабинет и вместо приветствия получила вопрос: «Это вы занимаетесь в министерстве акционерными обществами?» Получив положительный ответ, министр продолжал: «У меня есть идея! Надо за неделю написать Законы «Об акционерных обществах», «О рынке ценных бумаг» и «О государственном долге»! Нужно ещё несколько,

*Игорь Николаевич Лазарев —
выпускник 1961 года*

– ВЫ БЫЛИ ПЕРВЫМ
РАЗРАБОТЧИКОМ ЗАКОНА О
ГОСУДАРСТВЕННОМ ДОЛГЕ, А КАКАЯ
СПОСОБНОСТЬ У ГОСУДАРСТВА

ЦЕНИТСЯ БОЛЬШЕ ВСЕГО?

– ПЛАТЁЖЕСПОСОБНОСТИ!

...и вскоре появился новый проект закона,
страниц на пятнадцать.

но эти первыми. Впрочем, я уже их написал!» При этом он вытащил несколько страничек, на первых трёх несколько небрежно было написано Закон «Об акционерных обществах», на ещё четырёх — Закон «О рынке ценных бумаг и фондовых биржах» и наконец две странички содержали Закон «О государственном долге». Об акционерных обществах я слышала последний раз в аспирантуре, сразу после института. Моих коллег рассказ о новом задании привёл в ещё большее замешательство. Что это за общества — они знали меньше меня. Чтение проектов законов произвело на меня тягостное впечатление — значения половины используемых слов я вообще не понимала. Однако глаза боятся, а руки делают! Из библиотеки мне принесли массу литературы, я погрузилась в её изучение. Через три дня Фёдоров поинтересовался, готовы ли документы к внесению в законодательные органы. Из лучшей профильной библиотеки Минфина СССР сочувствующие коллеги принесли мне аналогичные законы времён НЭПа, а американец, тогда советник Явлинского Питер Дерби, принёс распечатки американских законов по той же теме. Для помощи мне был приставлен Явлинским его пресс-секретарь Серёжа Зверев (позже президент и акционер «Группы “Мост”», заместитель председателя правления ОАО «Газпром», заместитель руководителя Администрации Президента РФ). Он оказывал нам организационно-техническое содействие. Работа по акционерным обществам шла легче, и вскоре появился новый проект закона, страниц на пятнадцать. Тогда

Фёдоров познакомил меня с Дмитрием Тулиным, работавшим в Госбанке СССР.

Дмитрий Владиславович Тулин — выпускник 1978 года

Кстати, Минфин РСФСР, как и Госбанк СССР, находился на улице Неглинка, так что далеко идти знакомиться не пришлось. Вопрос о рынке ценных бумаг Дмитрия интересовал уже тогда. На вторую встречу он привёл с собой совсем молодого сотрудника Андрея Козлова. Как ни странно, но уже через две недели после получения задания появились варианты всех законов, напечатанные на машинке (компьютеров в нашем управлении не было). В их подготовке было задействовано множество людей.

ЮРИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ ПНОМАРЁВ

Выпускник 1970 года

В конце 1980-х годов — член правления, начальник главного валютно-экономического управления Госбанка СССР. В 1989–1998 годах — работал генеральным директором и председателем правления Коммерческого банка для Северной Европы (Евробанк) в Париже. В 1998–1999 годах — председатель правления Московского народного банка в Лондоне; в 1999–2002 годах — президент-председатель правления Внешторгбанка. В 2002 году вновь был командирован за границу, где стал председателем совета директоров, а также управляющим директором российского East-West United Bank в Люксембурге, проработав на этом посту до 2005 года. С 2010 года стал председателем правления калининградского «Энерготрансбанка».

Лондонские банкиры должны уметь не вязать лыка

В декабре 1973 года я впервые попал в советский банк за границей. Меня направили на три месяца на практику в лондонский Моснарбанк. Председатель правления Внешторгбанка СССР Ю. А. Иванов попросил руководителя этого банка С. А. Шевченко организовать мне как можно больше контактов в лондонском Сити. Сергей Андреевич выполнил пожелание, и в результате я тогда больше времени провёл в других банках, чем в том, где должен был формально проходить практику. Было очень интересно и полезно находиться в дилинговых залах крупных лондонских банков во время активных торговых сессий, видеть разницу в уровне технического оснащения, в количестве торгуемых финансовых инструментов, в общей организации бизнеса. Много времени пришлось проводить и в ресторанах. Некоторые стандарты поведения западных коллег отличались от внешторгбанковских. Например, в то время в Сити долгие ланчи со спиртными напитками были скорее правилом, чем нарушением распорядка дня английского банкира. Это относилось и к валютным дилерам, специфика работы которых требовала временных сильных концентраций внимания при принятии на себя серьёзных рисков, с последующими расслаблениями в пабах. Деловой центр тогда после обеда на ногах стоял не очень устойчиво. Но сейчас это уже в прошлом.

Желания финансировать французскую компартию у меня не было

В ноябре 1989 года я стал генеральным директором, членом правления Евробанка. Это была вторая по значению должность в банке. Первую в то время традиционно занимал французский коммунист. Мой приезд совпал с огромными изменениями в Советском Союзе. Обстановка там была совершенно не такая, как при моих предшественниках — Юре Полетаеве, Владимире Пономарёве и предыдущих поколениях руководителей. ЦК КПСС определял уже далеко

Юрий Владимирович Полетаев — выпускник 1965 года

не всё, а скоро и вообще перестал что-либо контролировать. Я, конечно, был тогда членом партии (она была, как помните, одна), не диссидентствовал, а, будучи профессиональным банкиром, на ситуацию смотрел прагматично. После моего появления во Франции, после появления первых противоречий по вопросу кредитования приближённых к партии коммерческих организаций (таких, как компания «Интерагра», издательство «Юманите» и десяток других) мне предложили встретиться с главным казначеем партии, а когда я отказался, то и с главой французских коммунистов Жоржем Марше. Я не видел смысла в таких встречах и не принял приглашения. Французские коллеги были в шоке. Для них двусмысленно звучала моя фамилия, а не дальний ли я родственник секретаря ЦК Бориса Николаевича Пономарёва? Эту версию, как мне говорили, поддерживали и соотечественники из посольства. Я же не опровергал и не подтверждал их догадки, мне было всё равно. Никакого отношения к однофамильцу я не имел. Много в банке надо было менять, что-то создавать заново. У меня желания финансировать французскую компартию, как и любую другую партию, не было. И я стал блокировать сделки, имевшие не коммерческую, а политическую основу. Здесь были обидные потери, причём в основном по причине того, что обанкротившиеся в дальнейшем компании этой группы (в частности, занимавшиеся торговлей сельскохозяйственной продукцией) были слишком зависимы от контрактов с СССР. В 1989–1991 годах они потеряли свой бизнес не по своей вине, хотя справедливости ради надо сказать, что и получили этот бизнес не по своим заслугам. Однажды ко мне в кабинет вошли 20 активистов профсоюза и объявили, что секвестрируют меня (то есть берут в заложники) и что не выпустят из кабинета, пока я не дам указание повысить им зарплату. Если служба безопасности банка вызовет полицию, они с помощью других сотрудников будут биться до конца, и посмотрим, какой материал появится в газетах. Я предложил им чай и бутерброды, а сам принялся разбирать скопившиеся на столе документы. Работая, я обычно полностью отключаюсь и не реагирую на внешние помехи, так что быстро почти забыл о посетителях. В результате часа через четыре захватчикам надоело сидеть без дела и они ушли, ворча, что «это так не оставят». Оставили, так как было очевидно, что необходимость поддержки банка надо было ещё доказать нашим акционерам, самим находившимся в крайне сложных условиях, а наличие социального конфликта эту задачу лишь осложняло.

Как это было

В начале 1970-х годов страна стала более открытой для международного сотрудничества, и тогдашнему поколению сотрудников Внешторгбанка СССР повезло — мы были первопроходцами в проведении многих финансовых операций, уже ставших рутинными для западных банкиров, и в выстраивании отношений с коллегами в иностранных банках. Можно отметить оптимизацию структуры валютных резервов и валютных обязательств Внешторгбанка СССР и страны в целом, установление контроля за стоимостью кредитов, привлекаемых внешнеторговыми организациями под гарантию Внешторгбанка СССР (право «первого отказа», заставлявшее иностранных поставщиков информировать нас о дисконте, с которым они продают выставленные в их пользу векселя, и их обязанность продать эти векселя на тех же условиях нам по нашему требованию, если мы сочтём этот дисконт слишком высоким), открытие счетов Внешторгбанка в сотнях банков по всему свету. Список интереснейших проектов, большинство из которых мы придумывали сами и согласовывали с назначенным в ноябре 1969 года новым председателем правления банка Юрием Александровичем Ивановым, можно продолжать почти до бесконечности. Меня приняли на работу во Внешторгбанк СССР в декабре того же года.

Валютные активы страны, которые почти все находились на балансе Внешторгбанка СССР и которыми он управлял, уже тогда составляли более 1 млрд долларов США и быстро росли. В то время это были очень большие деньги, и доходы от их размещения давали заметный вклад в валютный план СССР. В дополнение к долгосрочным кредитам, связанным с закупками за границей оборудования, требующегося для модернизации советской экономики, в 70-х годах мы начали привлекать долгосрочные чисто финансовые кредиты, необходимые для выравнивания платёжного баланса страны в условиях нестабильности цен на нефть и другие экспортные товары. В 1975 году было проведено привлечение первого синдицированного кредита от группы иностранных банков во главе с парижским «Лазар Фрер», который открыл дверь для целого потока таких кредитов, привлекавшихся нами как от консорциумов банков, так и на двусторонней основе.

Менялись не только отношения с внешним миром, но и организация работы в самом банке. Если до передачи Внешторгбанку СССР работы по управлению валютными резервами страны для размещения трёхмесячного депозита, например, в «Сосьете Женераль» нужно было получать подпись зампреда Госбанка СССР, на что могло уходить несколько дней, то теперь условия размещений определялись отделом валютных операций Внешторгбанка, исходя из текущих рыночных ставок на момент заключения сделки. Меня назначили начальником отдела в апреле 1973 года, у нас было 16 сотрудников, затем отдел, конечно, разросся. Так как суммы были большие, наши дилеры напрямую или через брокеров, вели переговоры с дилерами иностранных банков об их улучшении. «Рейтерс-дилинга» ещё не было, и установленные в отделе телексные аппараты, на которых мы печатали со скоростью речи используя профессиональные сокращения, в пиковые часы работали не переставая. Выезжая в командировки, в которых нас уже не сопровождали представители спецслужб, мы добивались установления на Внешторгбанк СССР очень крупных лимитов на проведение валютных, депозитных и других операций, связанных с принятием рисков. Этому способствовала, конечно, высокая степень доверия к платёжеспособности СССР вообще и Внешторгбанка СССР в частности.

Мы все были молодые. Юрию Александровичу Иванову при его назначении председателем в конце 1969 года исполнился ровно 41 год,

*Виктор Владимирович Геращенко —
выпускник 1960 года*

Виктору Геращенко — 32, мне и моим однокурсникам, принятым во Внешторгбанк в том же году —

по 23 года. Так как до 70-х годов страна была в значительной степени закрыта в течении многих десятилетий, общению с иностранными коллегами надо было учиться. И нас отправляли на различные курсы и семинары за границу, что вносило большое разнообразие в профессиональную банковскую работу. Вот несколько историй из жизни того периода.

Спасение жизни людям, находящимся в опасности

В 1974 году меня и небольшую группу моих коллег из Госбанка СССР и совзагранбанков направили на ежегодно проводившийся двухнедельный семинар «Международная летняя банковская школа», название которого среди западных банкиров часто звучало как International summer drinking school. Мероприятие проходило в мае в 100 километрах к северу от Хельсинки на большой вилле на берегу красивого и очень холодного озера. 250 участников со всех стран мира, из них 249 мужчин и 1 женщина. Это была Житка Немцова из словацкого банка. Она не очень хорошо говорила по-английски, но почти свободно — по-русски, и у нас сложились с ней хорошие отношения.

Кроме прослушивания лекций, ежедневно устраивались национальные вечера, на которых представители соответствующих стран подправляли интерьер огромного зала под страновую тематику и цвета и угощали участников национальными блюдами и напитками. За бразильским вечером следовал французский, потом корейский, потом советский с участием болгар и некоторых других стран блока, потом южноафриканский и т. д. До этого в перерыве между занятиями на ланч подавали вино, затем перед национальным вечером был коктейль, потом дегустировались национальные напитки, наконец наиболее стойкие разбивались на группы по интересам для того, чтобы закончить рабочий день достойно. Один раз группа, состоявшая в основном из англичан и австралийцев, а также меня, после очередного национального вечера отправилась в зал с игровыми автоматами, чтобы поиграть и выпить пива. И тут я выиграл джекпот, автомат начал выдавать мне огромное количество купонов. Народ собрался вокруг, и под общие крики я все эти купоны получил, наконец, из автомата. Стали думать, как их использовать. Каким-то образом все пришли к выводу, что надо немедленно идти купаться в озере. Я сбегал, надел плавки, позвонил Житке и уговорил её идти с нами, и мы собрались у выхода. В парке было темно и холодно, но всё-таки мы двинулись к плохо освещённой сауне, рядом с которой был маленький помост для спуска в воду. Все встали на берегу и начали раздеваться. На мне уже были плавки, Житка была в купальнике, мы вышли на помост, сомневаясь, что делать

дальше. Но когда мы решили вернуться на берег и Житка обернулась, она увидела, что сзади неё у схода с помоста, в полумраке человек десять в меру трезвых мужчин стоят совершенно голые. Ни на ком не было написано, что он банкир и поэтому безопасен. Она вскрикнула, прыгнула в воду и стала в панике плыть на другую сторону довольно большого озера. Я прыгнул за ней, догнал, схватил за руку, и, как смог, убедил её плыть назад на берег, в том числе силой и криком, чтобы вернуть ей способность соображать. Вода была 13 градусов, но мы в воде ожесточённо боролись, так как сначала она не понимала моих действительных намерений, и поэтому холода не чувствовала. Никуда она доплыть, конечно, не смогла бы. Мы вышли на берег на некотором отдалении от группы банковских коллег, поражённых нашим с Житкой примером, однако решивших в воду не ходить. Она дрожала, я сходил за её одеждой, лежавшей около группы голых банкиров, было смертельно холодно. Вернулись в отель, и Житка пошла к себе в номер. Я точно спас ей жизнь. В течение нескольких лет мы обменивались новогодними открытками.

Международная солидарность и отпор буржуазной морали

В августе 1975 года я участвовал в двухнедельном семинаре в учебном центре крупнейшего тогда датского банка в городке Ордруп недалеко от Копенгагена. Занятия были довольно интересные. От учебного центра до набережной на велосипеде, которые были в учебном центре для использования студентами, ехать было минут десять. Утром я просыпался до завтрака, доезжал до набережной, перелезал через ограждение и, перебираясь по большим камням, добирался до воды. В один из дней я подъехал к всегда безлюдной набережной и, стоя на валунах, начал надевать плавки. В самый неудачный момент, как назло, через ограждение перелезли четыре молодые девицы и расположились рядом. Я не знал, что делать. Оказалось, однако, что проблем не было. Девушки скинули с себя всю одежду, и грациозно перескакивая с валуна на валун, со смехом погрузились в воду. Чтобы не смущать моло-

дых девчонок, я тоже не стал ничего на себя надевать и в таком виде рядом с ними поплавал, позагорал и вернулся в учебный центр, одевшись, конечно. Проявил с ними солидарность, можно сказать.

Во время этой двухнедельной сессии нас посадили на небольшой самолёт, и доставили на север страны для осмотра основного вычислительного центра этого банка, а также для знакомства с работой его самого удалённого от центров жизни отделения. Меня предупредили, что самолёт сядет на военной базе НАТО, и чтобы я там не демонстрировал, что из Советского Союза, так как они не стали согласовывать моё появление на этой базе. В результате никто ничего и не заметил.

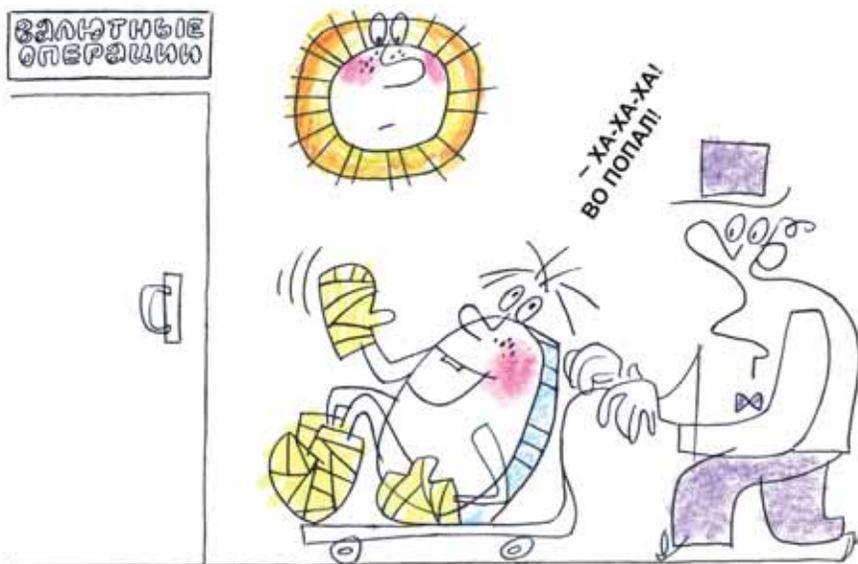
После осмотра вычислительного центра нас пригласили в ресторан, вход в который был рядом с входом на местный пляж. Было жарко, мимо проходили по пути на пляж и с пляжа отдыхающие, причём женщины далеко не всегда были одеты так, как это было принято в более консервативных странах. В ожидании основной группы два банкира из небольшого города на юге США, я и директор местного отделения банка остановились у входа на пляж. Американцы всё больше и больше возмущались видом проходивших на пляж женщин, говоря, что такое совершенно невыносимо у них в штате. Датчанин пытался им что-то ответить, но они его не слушали. В какой-то момент один из них показал на приближающуюся к нам молодую женщину, топлес, которая имела совершенно восхитительные формы тела вообще и обнажённой груди в частности. «Вот, посмотрите, что вы можете сказать на это?» — гневно спросил провинциальный американец. Директор отделения банка покраснел, жалобно посмотрел на меня, ища поддержки, и сказал по поводу подошедшей женщины: «Кстати, я хочу вам представить мою жену». — «Рада с вами познакомиться», — сказала жена директора. Американец в ужасе повернулся ко мне с немым вопросом. «А что здесь неправильного? — сказал я американцу. — Очень рад познакомиться с Вами. У вас прекрасный загар», — обратился я к женщине, тем самым показывая, что смотрю на неё только для того, чтобы оценить действительно замечательный загар. «Да это же русский», — почему-то отреагировал на мои слова другой американец, и они оба ушли. Так мы их победили.

Интересные встречи

Жизнь банкира, занимавшегося международными операциями, была наполнена встречами с большим количеством коллег из внешнего мира. Некоторые из них особенно запомнились.

Председатель совета директоров, главный исполнительный директор и самый крупный акционер Чейз Манхэттен Банка Дэвид Рокфеллер присутствовал на открытии представительства этого банка в Москве в мае 1973 года. Это было первое представительство американского банка в СССР. В ходе визита Д. Рокфеллер посетил и Внешторгбанк СССР, для которого Чейз был основным банком-корреспондентом в США, и через который проводилась основная доля расчётов СССР в долларах. Ю. А. Иванов взял меня на беседу с ним, где с нашей стороны было несколько человек, а моя роль состояла в ведении записи беседы.

В начале 1976 года Юрий Александрович направил меня на курсы кредитной работы, которые Чейз Манхэттен Банк предлагал представителям своих банков-корреспондентов. Вообще это были шестимесячные курсы, на них готовили руководителей отделений банка, которые несли ответственность за развитие клиентской базы на своей территории и имели право принимать единоличные решения о предоставлении кредитов в пределах довольно больших лимитов. Я был единственным участником из стран социалистического блока. Хотя для нас длительность курса сократили до трёх месяцев, преподаватели говорили нам, что программа осталась та же самая. Просто после окончания занятий в 5 часов дня нам давали письменные задания для закрепления пройденного за день и печатный материал для подготовки к следующему дню. Работа с этими материалами у меня заканчивалась не ранее 12 часов ночи, и с утра надо было опять ехать на Чейз Манхэттен плаза. Половина учащихся могла выдерживать такой ритм и была в состоянии понимать объясняемое на очередных занятиях, другая половина через некоторое время потеряла эту способность. Нам, продолжавшим участвовать в гонке, было нелегко, зато польза в формировании из нас настоящих кредитных работников была феноменальная. После окончания курсов нашу группу представили Дэвиду Рокфеллеру и вручили дипломы, подписанные самим Дэвидом и главным операционным директором банка В. Бутчером.

Жизнь банкира, занимавшегося международными операциями, была наполнена встречами с большим количеством коллег из внешнего мира.

Приблизительно через 10 лет после этого, когда я подходил к ВИП-залу в Шереметьеве, я увидел, что навстречу мне движется группа людей во главе с Дэвидом Рокфеллером. Неожиданно он остановился, пристально посмотрел на меня и сказал: «Господин Юрий Пономарёв! Я очень рад встрече с Вами». Я был потрясён его профессиональной памятью. Человек видел меня давно, два раза, в составе групп банкиров. Он очень много ездил по всему миру и встречался с сотнями людей ежегодно, но мозг его работал как компьютер. Позже из его автобиографии я узнал, что во время войны Дэвид служил офицером разведки, оперируя во Франции и других странах Европы.

Сотрудники отдела валютных операций находились в постоянном контакте со своими коллегами в иностранных банках и брокерских конторах. Одним из таких контактов был работавший в женевском отделении английской «Маррей-Джонс Интернэшнл» Фернандо, который начал посещать Москву и приглашать нас в лучшие рестораны — «Прагу», «Берлин», «Метрополь». Придя на первую такую встречу, мы увидели, что столы были завалены самыми дорогими блюдами, стояли ведёрки с чёрной икрой и много бутылок импортных коньяков и вин. Всё это в основном так и осталось не употреблённым. История повторилась и во второй раз. После встречи я спросил Фернандо, зачем он это делает, ведь проявление такой щедрости нас подставляет, нам могут начать задавать вопросы представители спецслужб. Фернандо мне ответил, что всё просто. Он покупал рубли на чёрном рынке по цене в 8 раз дешевле, чем официальный курс, оплачивал ими счета, а в офисе эти расходы ему компенсировали в швейцарских франках по официальному курсу, публикуемому Госбанком СССР. Поэтому из суммы счёта, эквивалентной по официальному курсу 1000 франков, ему в карман шло 875 франков, так как его фактические расходы были только 125 франков. Со счёта, эквивалентного по официальному курсу 2000, ему в карман шло 1750 франков и так далее. Поэтому чёрная икра шла ведрами. Такого откровенного жульничества мы, по своей наивности, от швейцарского гражданина не ожидали. В результате я сказал ему, чтобы он прекратил такие застолья, если не хочет серьёзных проблем.

При обсуждении проекта организации первого синдицированного еврозайма Внешторгбанка СССР я встретился в Париже с одним из партнёров инвестиционного банка «Лазар Фрер». Его личное со-

стояние превышало в начале 70-х годов 250 млн долларов, что было очень много по тем ценам. На финансовой карте мира группа «Лазар Фрер» занимала тогда гораздо более высокое место, чем сегодня. Встреча происходила утром недалеко от офиса «Лазар Фрер», в холле отеля на бульваре Османн, где я остановился. Мы выпили по чашке кофе, которые по настоянию моего партнёра он оплатил наличными. Общая сумма во французских франках была около одного доллара США. Официант взял деньги, поблагодарил и исчез. Никто к нам не подходил, и совладелец банка «Лазар Фрер» стал нервничать, затем устроил очень громкий скандал, вызвав менеджера, за то, что ему не принесли счёт на эти 5 франков 60 сантимов. Он говорил мне с огромным возмущением, что без счёта он не сможет предъявить эти расходы своему банку. Из-за того что не мог поступиться принципами, он в конце концов опоздал на какую-то важную встречу. Юрий Александрович, когда я докладывал ему о результатах этих и других переговоров в Париже, резюмировал: «Именно поэтому братья Лазары такие богатые!»

Польза от изучения состояния иностраных рынков

После нескольких десятилетий самоизоляции постепенно становилась доступной информация о том, что происходит в зарубежной экономической жизни. Однако прямого доступа к информации ещё не было, за исключением той, которую мы стали получать от наших зарубежных коллег в ходе контактов с ними при проведении операций по телефону и телексу. Нас в отделе валютных операций всегда интересовали новости и мнения о тенденциях на международных финансовых рынках и на рынке драгметаллов, так как нам надо было конкретно продавать и покупать валюты, определять сроки и способы размещения управлявшихся нами средств, принимать риски на контрагентов. В то время до настоящего контроля за рисками Внешторгбанк СССР ещё не дорос, даже лимиты на принятие рисков мы устанавливали сами. По операциям нашего отдела не было потерь в результате банкротств ни банка «Херштат», вошедшего в учебники, ни итальянских или других банков. Повезло.

Для повышения информированности членов высшего руководства банка о происходящих событиях, влияющих на операционную среду Внешторгбанка СССР, новый председатель правления организовал проведение у себя в большом кабинете ежедневных утренних десятиминутных совещаний, в ходе которых начальник конъюнктурного отдела зачитывал поступающие из ТАСС материалы ограниченного пользования, прямо или косвенно относящиеся к нашей работе. Это была информация двухдневной давности с рынков золота и серебра, нефти, с валютных и денежных рынков, о событиях в банковской сфере. После этого Юрий Александрович Иванов просил меня по возможности дополнить эту информацию.

Мой трюк, позволявший мне блистать на этих информационных совещаниях, состоял в следующем. Я жил недалеко от банка, находившегося тогда рядом с Большим театром. Совещания начинались в 8:50, а с 7:50 до 8 часов на коротких волнах по Би-би-си на английском языке давался обзор самых свежих экономических новостей. Я никогда не слушал передачи иностранных станций на русском языке, которые готовились специально для промывания мозгов жителям социалистических стран. Но передачи на английском и французском языках, направленные на аудиторию соответствующих стран, я слушал регулярно. В том числе ежедневно, за завтраком, десятиминутный экономический обзор. В 8:10 я выходил из дома, и в 8:50 я уже был у председателя в кабинете, где говорил о том, что произошло уже после событий, включённых в обзоры ТАСС двухдневной давности, в том числе в текущий день на азиатских рынках, открывавшихся раньше нас. Это производило на членов правления банка впечатление о моей непонятно откуда берущейся осведомлённости и создавало мне реноме очень информированного человека. К моему мнению стали прислушиваться и по другим вопросам.

Это иллюстрирует не мои таланты, а плачевный уровень информированности и квалификации большинства руководителей старшего поколения, сформированных в годы правления Иосифа Джугашвили (Сталина). У меня до сих пор есть ощущение того, что моя успешная банковская карьера на первом этапе была следствием использования не совсем честного приёма, состоявшего в умении и желании слушать десятиминутные утренние передачи экономических новостей по радио на английском языке на коротких волнах. До начала работы Интернета оставалось 25 лет.

Байки от...

Юрий Александрович стал направлять меня для участия в совещаниях в Госплане СССР по валютному плану страны. Разные ведомства могли весьма квалифицированно доложить, какие объёмы товаров будут поставлены, в какие страны, за какие валюты, что и где будет закупаться, какие суммы в каких валютах надо будет платить в погашение ранее полученных кредитов, какие свободные валютные ресурсы появятся у страны. Но ни Конъюнктурный институт Минвнешторга, никто другой не давал прогнозов в отношении будущего движения курсов валют, в которых образовывались избытки или недостатки, и в отношении процентных ставок, определяющих ожидаемую сумму доходов на валютные резервы, размещаемые на краткосрочной основе. От Внешторгбанка СССР эти прогнозы приходилось делать мне. В значительной мере я полагался просто на форвардные курсы и на рыночные ожидания, но приходилось делать и собственные прогнозы. Наш председатель правления, как правило, интересовался моими прогнозами, так как он в какой-то мере нёс за них ответственность, когда их предоставляли внешним организациям. И я научился, конечно, убедительно излагать вероятные показатели рынков и валют на предстоящий плановый период, понимая при этом, что могу так же убедительно обосновывать и прогнозы противоположного направления. Все при этом кивали головами в знак согласия. Через какое-то время меня стало тошнить от этой роли гуру и прогнозиста. Была в этом доля цинизма, но ничего другого делать было нельзя.

ВЛАДИСЛАВ БОРИСОВИЧ СУДАКОВ
Выпускник 1970 года

В конце 90-х годов — генеральный директор Евробанка (Париж). С 1989 по 1996 год — председатель правления Международного московского банка.

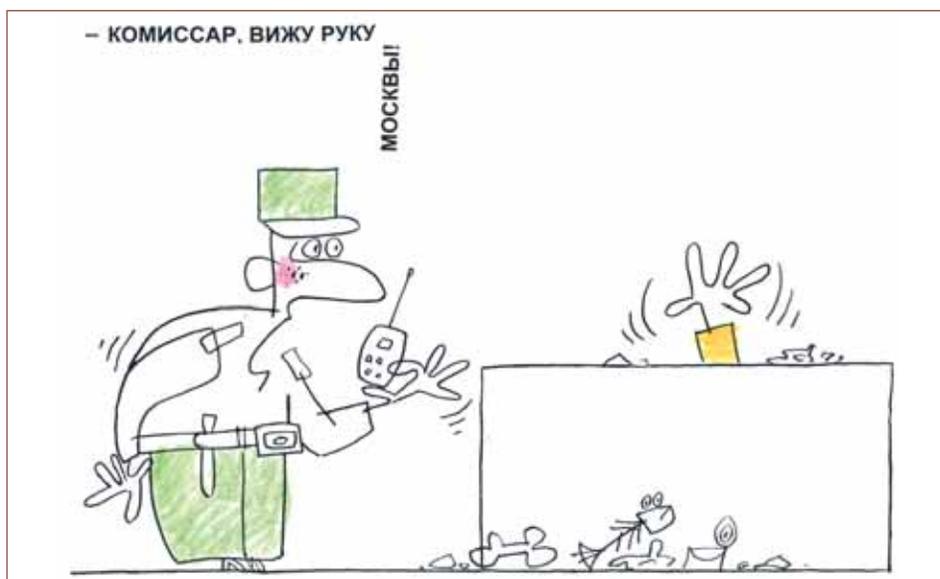
Рука Москвы в мусорном мешке

В 1979 году во Франции вокруг советского Евробанка произошёл большой скандал. От нашего здания унесли восемь мешков с документами, предназначенными для уничтожения. Мешки с мусором, как обычно, выставили во дворе. Но в то время проходила забастовка мусорщиков, и мешки вовремя не забрали. Буквально за три месяца была подготовлена и напечатана книга «Тайна советских банков — рука Москвы», как бы по найденным в этих мешках документам. Я могу с уверенностью сказать, что документы, которые были в мешках, больших секретов не содержали (в банке не было секретного отдела, как и некоммерческих секретов) и материалы этой книги во многом были взяты из других источников. В частности, в книге фигурируют отчёты о визитах советских делегаций во Францию, их не могло быть в бумагах, которые мы выбрасывали. Много было додумано. Например, могу сказать: в этой книге говорилось, что через банк и советских представителей осуществлялась связь с компартией Франции, — этого тоже не было. Я тогда отвечал за клиентуру банка и знал наверняка, какие французские фирмы и предприятия принадлежат компартии Франции. В основном это были издательства, газеты, мелкие сельскохозяйственные компании, книжные магазины и т. п. Из крупных можно выделить только сельхозкомпанию «Интерагра». Местная компания «Петросян» торговала советской икрой и держала счёт у нас. Но мы, советские сотрудники, с ними никаких контактов не имели, тем более политических. Это были чисто коммерческие отношения.

Строгих оргвыводов тогда не последовало, хотя в банке выделили людей, ответственных за уничтожение мусора. Они стали сопровождать этот, как оказалось, важный груз до места его уничтожения. В этом были заинтересованы и наиболее лояльные французы, которые после скандала тоже имели много головной боли.

Цена вопроса

В 1991 году мне приходилось несколько раз летать в Санкт-Петербург, где мы открывали отделение ММБ. Однажды наша делегация приехала в аэропорт с уже купленными билетами. Нам заявили, что

Строгих оргвыводов не последовало, хотя в банке выделили людей, ответственных за уничтожение мусора.

самолёт, который принадлежал Пулковским авиалиниям и на котором мы должны были вылететь, отказываются заправлять, потому что компания задолжала большую сумму за топливо и поэтому вылет не состоится. На наши доводы, что мы уже купили билеты, авиационное начальство не реагировало. Наш специалист по деликатным вопросам куда-то сходил, вернулся и говорит: «Нужно 100 долларов». Я ему их, естественно, дал, он отлучился на некоторое время и, вернувшись, сказал: «Всё нормально, сейчас заправят и полетим». Оказывается, необходимо было заплатить эту сумму, чтобы заправить самолёт топливом и отправить его в следующий рейс. Такова тогда была цена вопроса о вылете самолёта.

Золото опасно для здоровья

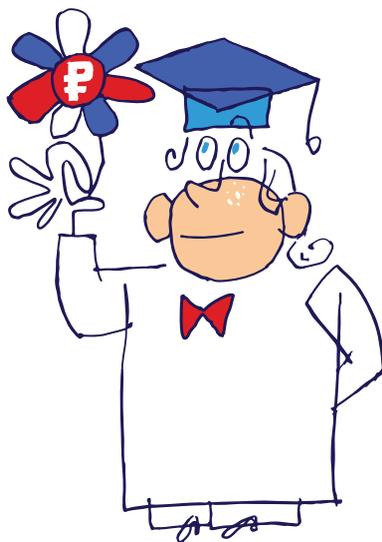
Тогда же страна активно начала готовиться к проведению Олимпийских игр в Москве. Была запущена программа выпуска олимпийских юбилейных монет. Уполномоченным по олимпийскому проекту нами был назначен крупнейший французский инвестиционный банк *Lazard Freres*. Ответственными за проведение этих операций с советской стороны были председатель Внешторгбанка СССР Юрий Александрович Иванов и зампред Госбанка СССР Евгений Михайлович Кузькин.

Во время московской Олимпиады мы отправили 20 ящичков с платиновыми монетами за рубеж. Через день получили телеграмму, что поступило 19 ящичков. Срочно организовали проверку маршрута и всех причастных к этой операции сотрудников. Оказалось, что этот ящик лежал забытым в инкассаторской машине под креслом водителя. Кстати, сами ящички имели стандарт под вес пяти 12,5-киллограммовых слитков, делались из специальной породы дерева без сучков, чтобы нельзя было высверлить и что-то изъять. Так вот однажды этот ящик упал на аэродроме и разбился. Сообщили нам. Мы приехали и, чтобы исправить ситуацию, оперативно вывезли его содержимое в обычной легковой автомашине. Получили за это большой нагоняй, но всё обошлось.

Из воспоминаний Г.С. Емельяновой, сотрудницы Внешторгбанка СССР. История Внешэкономбанка. М., 1999. С. 145.

...Владислава Судакова

С Lazard Freres договаривались о продаже золотых монет. В связи с этим вспоминается нелепый случай, когда были уже согласованы все вопросы и подписаны документы, а через несколько дней цена на золото неожиданно серьёзно повысилась. Тогда Иванову и Кузькину высокие московские руководители дали задание провести новые переговоры, с целью увеличения цены на уже проданные партии монет. Мне было поручено сопровождать нашу делегацию, хотя в переговорах непосредственного участия я не принимал. Переговоры были тяжёлыми, однако в итоге оказались удачными. Но из-за огромного напряжения и эмоциональных перегрузок у Евгения Михайловича с правой стороны головы выпала прядь волос. То, что через два месяца они у него вновь выросли, чрезвычайно удивило врачей. Я рассказал об том эпизоде, чтобы ещё раз подчеркнуть, насколько нелёгким и даже опасным для здоровья может быть труд банкира.

МИХАИЛ КИМОВИЧ БЕЛЯЕВ
Выпускник 1972 года

Работал в серьёзных, научных журналах «Мировая экономика и международные отношения», «Внешняя торговля» пока в 1990 году не был призван в Банк России, где проработал до 2011 года.

Об учёных и их влиянии на банковское дело

*Константин Борисович Шор —
выпускник 1973 года*

Как-то начальник Главного управления ЦБ РФ по г. Москве Константин Борисович Шор на одном из совещаний поделился с руководством мыслью, что исследовательское подразделение должно стать ведущим в составе вверенного ему учреждения. Понятно, что это предложение мало у кого нашло позитивный отклик. Пару дней спустя я, бывший в то время заместителем начальника управления, и мой коллега, тоже заместитель управления, а заодно доцент Финансового университета, прогуливались по коридору, вынашивая план очередной статьи для «Банковского дела в Москве». Вдруг за нашими спинами образовалась стайка возвращавшихся с обеда сотрудниц бухгалтерии во главе с начальницей. Мы услышали шёпот, но на том уровне громкости, чтобы гарантированно достичь нашего слуха: «Девочки, смотрите! Теперь вот эти двое будут у нас главными!» Смешок они даже не дали себе труда подавить.

Сидим мы как-то в столовой для руководства. Мы относительно молодые, лет по 45. К нам подсел практически бессменный первый зам Константина Борисовича Шора и начал рассказывать, как он недавно съездил в ФРГ и какие впечатления оттуда привёз. Для меня — международного по образованию и по работе в Институте мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО АН СССР) — его откровения были не более чем банальности. Я позволил себе заметить: «На все ваши вопросы давно даны ответы». Он как будто того и ждал. Последовала мхатовская пауза, вверх был поднят указательный палец и под его равномерное покачивание была произнесена тирада: «Я знаю, что ты ответишь. Ты ответишь с точки зрения науки. А значит — НЕПРАВИЛЬНО!»

В другой раз в беседе о роли исследований он спросил: «А вот ты можешь назвать курс доллара на завтра до второго знака?» Я, естественно, дал отрицательный ответ. «Тогда на кой чёрт твоя наука нужна!»

Наше подразделение написало большую записку по положению дел в банковском секторе. Записка была толстая, написана по всем правилам научного аналитического труда. На дворе была весна

1998 года, и вывод был неутешительный, а именно: дело к кризису идёт. К. Б. Шор записку одобрил и направил её в Центральный аппарат. Через некоторое время получили короткое (на треть странички), но обескураживающее письмо за подписью С. В. Алексашенко. Смысл пересказываю по памяти, но близко к первоисточнику, поскольку такое не забывается: ребята забыли, кто им деньги платит, а, если ещё раз такое повторится, то он поставит вопрос о целесообразности нашего подразделения в составе Московского главка.

Кое-что о происхождении слов

А есть и поучительный рассказ для молодёжи. О том, что надо стремиться к вершинам и неуклонно идти к своей цели, и тогда сбудутся даже самые несбыточные мечты. В ИМЭМО Георгий Гаврилович Матюхин был главным исследователем в отделе стран Западной Европы. Практически на всех совещаниях он говорил об ответственности главы Центрального банка в разных странах, о регулярных выступлениях перед людьми, и любил повторять, что во многих странах даже на банковском билете стоит подпись главы национального (центрального) банка. В то время дистанция между научным сотрудником и главой Госбанка была космическая. И его рассуждения воспринимались не более, чем просто желание поделиться знаниями о предмете. Но прошёл всего десяток лет, и Георгий Гаврилович возглавил Банк России и выпустил купюру номиналом 5000 рублей со своей подписью.

А вот ещё из тех же времён. Георгий Матюхин и его заместитель Сергей Родионов пытались всеми силами наладить эффективный контроль за банковским сектором. Понятно, что среда сопротивлялась. На определённом этапе в Центральный банк пришёл работать замом некто Владимир Петрович Рассказов. Был он депутатом из приморского города и носил кожаный пиджак. В общем, очень революционная фигура. После его очередного выступления газета «Деловой мир» опубликовала полосу статью с критикой жёсткой (по мнению автора) политики Банка России. Заголовок был броский «Комиссар из Центробанка». По-журналистски статья была написана очень неплохо. А главное, построена на ассоциациях: Центро-

банк — Центробалт, зампред ЦБ — матрос Железняк и ещё по мелочи. Статья была воспринята как оскорбление, даже обсуждалась на совете директоров. Мне, отвечавшему за связи с прессой, было поручено съездить в редакцию и добиться опровержения. Понятно, что результата это не дало, но название Центробанк прижилось, и сейчас воспринимается совсем нормально. Кстати название Банк России обязано Георгию Матюхину. Он очень уважал Банк Англии и хотел, чтобы у нас было аналогичное учреждение.

О вечном и проходящем

Если войти в Московский главк (на Житной) и сразу посмотреть налево наверх, то на серой мраморной стене можно заметить что-то типа плаката. А появился он при таких условиях.

На мраморе золотыми буквами высечена цитата В. И. Ленина о роли банков при социализме с факсимильной подписью вождя. В перестроечные времена это было недопустимо. Связались с Московским союзом художников, и они нам с удовольствием привезли какую-то мозаику точно в тон серой стенке. Я пригляделся к сюжету и заметил, что изображает она бегущих по талому снегу матросиков в чёрных бушлатах с винтовками наперевес. Винтовки со штыками были замазаны гуашью. Видимо, художники решили, что эти банкиры ничего не смыслят в искусстве и им можно впарить что угодно. Надо ли уточнять, с какой ненавистью они на меня посмотрели. Но сказали, что вмиг исправятся, что у них недавно был какой-то концерт в клубе, что по этому случаю сохранился сценический задник, написанный на холсте, что они его временно повесят, а через недельку заменят на что-нибудь более долговечное. Холст повесили. Вернулся я в это здание с интервалом в десять лет. И каково же было моё удивление, когда увидел этот холст, который уже практически прирос к стене. Провисел он там ещё десяток лет. И только недавно был заменён.

*Алексей Юрьевич Симановский —
выпускник 1978 года*

Когда Симановский уходил из московского главка в Банк России, чтобы заняться пруденциальным надзором, две

любимые замши Шора — Панкратова и Павлюченко, — вместо того чтобы залезть в словарь и узнать, что это за зверь, с которым придётся теперь иметь дело их коллеге, бегали по главку и рассуждали о непонятности слова, пытаюсь найти смысловое созвучие с прудовым хозяйством.

Об учителях

Бухгалтерский учёт во внешней торговле международникам читал Алексей Дмитриевич Карбышев. Мы гордились тем, что нам преподаёт сын легендарного героя. Поэтому не могу не заметить с грустью, что, когда я сам преподавал и рассказывал о нём своим студентам, немногие из них вспоминали о подвиге его отца.

Алексей Дмитриевич был элегантный, подтянутый, в прекрасных костюмах, неспешный в разговоре. Аудиторию закрывал на щеколду, закуривал, а последние 15 минут лекции посвящал преферансным задачам. Но науку преподавал, что называется, «без дураков». Он старался объяснить методологию, содержание, а не заставлял заучивать счета и проводки.

Теперь о том, почему решил поделиться воспоминаниями. Эпизод вроде бы забавный, но на самом деле содержательный. Преподаватель видит студента, как под рентгеновскими лучами. По своему опыту участия в государственных экзаменационных комиссиях (15 лет заместитель или председатель) могу сказать, что я знаю, что поставлю, когда студент только подходит к столу. Но слушаю, поскольку того требует регламент. Объяснить, как это получается, не могу, но ошибаюсь редко.

Мы с приятелем схватили по четвёрке. Оценка нас не устраивала, потому что у моего товарища Александра отец занимал серьёзные бухгалтерские позиции в Министерстве внешней торговли, и его четвёрку дома бы не поняли, ну а мне просто нужна была «отличная» сессия.

Пересдачи в те времена не приветствовались, но нам разрешили. Пошли искать Карбышева. Нашли в одной из аудиторий — он только что завершил занятия. Наш визит его не обрадовал, но всё-таки он согласился принять пересдачу, выдвинув условие, что потратит

на нас не более трёх минут. Поскольку других вариантов не было, мы согласились.

После этого состоялся следующий диалог.

Карбышев: «Александр, задайте вопрос Беляеву».

Саша помялся, видимо, соображая, на что я могу гарантированно ответить, но что-то из себя выдавил.

Карбышев: «Беляев правильно ответил?»

Александр: «Да».

Карбышев: «Задайте второй вопрос. А теперь Беляев правильно ответил?»

Александр: «Да».

Карбышев: «Ваши зачётки».

Педагогические приёмы наших учеников

И ещё об отношении преподавателей к студентам. Иногда маска суровости и повышенная требовательность — педагогический приём. Английский нам преподавала Людмила Петровна Гусева. С виду суровая, очень требовательная. Английский она буквально вбивала в лоб, как мелкие гвозди. Теперь понимаю, что для нашей же пользы.

Так, мы ежедневно должны были готовить на английском языке подбор текущих новостей (current events) — минуты на три каждый. При этом следовало в нём употребить, как минимум, три новых слова и новые конструкции. На наши вопли, что эти конструкции применить нельзя, что они искусственные, Людмила Петровна неизменно отвечала: «Это значит, что вы их не усвоили. Как только усвоите, будете применять без труда». В соответствии с образом, её оценки наших выступлений бывали резкими, если не сказать больше. Мои нередко классифицировались, как childish, то есть «детский лепет». И вообще она меня, видимо, за румянность лица называла baby.

Прошло много лет (стандартная фигура речи для мемуаров), у меня в подразделении оказалась дама, которая училась на год позже меня. Как-то за чаем пустились в воспоминания о студенческих годах. Вспомнили и Людмилу Петровну. И вдруг эта дама выдаёт: «Михаил Кимович, я вас тогда не знала, но фамилия ваша мне из-

вестна. Гусева вас нам постоянно в пример ставила: на курс старше вас учится Беляев, вот он язык знает так знает!»

Профессор Михаил Бор преподавал «Планирование народного хозяйства». Предмет малоразвлекательный, да и читал уважаемый профессор своеобразно. Представьте монументальную фигуру, которая абсолютно ровным голосом без особых интонаций (правда, на безупречном русском) излагает принципы планирования. Он начинал точно по звонку и точно так же лекцию завершал, прерываясь хоть на полуслове. При этом следующее выступление он умудрялся начинать с того самого места, на котором останавливался прежде.

Учебника толкового у нас не было, конспектировать такие лекции было трудно, если не сказать, невозможно. Однако профессор нашёл способ заставить студентов хотя бы познакомиться с предметом. Курс был короткий, и Бор появлялся у нас раз в две недели. Но к каждому занятию требовал от всех студентов принести реферат по теме прошедшей лекции в объёме школьной тетрадки в клеточку, написанный непременно от руки. На следующем занятии он их возвращал с каким-то загадочным значком в конце нашего повествования. Значки у всех всегда были разные. Нашей классификации они не поддавались. При этом рефераты писали все, поскольку от этого зависела оценка на экзамене. От студентов предыдущих курсов мы знали, что сдать экзамен без принятых рефератов практически невозможно, поэтому и писали. Тем более что билетов он не признавал и подготовиться во время сессии к испытанию было сложно, даже если бы эта сумасшедшая идея кому-нибудь и пришла в голову.

Экзамен проходил очень просто. Профессор всех приглашал в аудиторию и объявлял трясущимся студентам, кому он ставит «отлично» без вопросов на основании рефератов. Подписав зачётки, объявлял «четвёрочников». Но при этом информировал, что если кто-то не согласен, то он готов задать вопрос. Всего один. Правильный ответ — оценка на балл выше, неправильный — на балл ниже. Смельчаки находились и даже повышали оценку, хотя бывали и неудачи. Троечники, как правило, никаких довопросов не требовали, а со вздохом облегчения протягивали зачётки.

Видимо, профессор, для себя вёл нормальную ведомость оценок, а значки ставил, чтобы не расслаблять студюозусов.

Иногда маска суровости и повышенная требовательность — педагогический приём.

Экономическую географию нам преподавал Борис Павлович Супрунович — человек высочайшей эрудиции и энциклопедических знаний. Лекции читал очень интересно. Слегка грассируя, он, возможно, даже отдавал предпочтение словам с буквой «р». Например, комментируя какой-то имевший место в прошлом конфликт, мог, вместо того чтобы произнести простую фразу «Франция высадила десант», сказать «Франция выбросила парашютистов». Студенческий фольклор приписывал ему фразу «в Рангуне крыши кроют не черепицей, а рубероидом». За достоверность не ручаюсь. А вот про «три трансаравийских трубопровода, которые перекачивают сырую нефть к портам Средиземного моря» слышал лично.

Историю экономических учений мы сдавали в форме зачёта Абраму Лазаревичу Реуэлю. Это была колоритнейшая личность, типичный старый профессор со снежной шевелюрой, носивший двубортные костюмы с широкими галстуками. Знал он «Капитал» практически наизусть. Был фанатом этого труда и от нас требовал того же (спасибо ему большое!).

Абрам Лазаревич, как бы это поделикатнее сказать, не возражал против комплиментов в свой адрес. Если он их не слышал от других, то делал их себе сам. Как-то сидим мы в кабинете политэкономии в ожидании семинара, входит Реуэль и обращается к одному из преподавателей: «Коллега, вы вчера были на заседании кафедры? Напрасно, напрасно. Был очень интересный доклад. Я делал».

Зачёт по истории экономических учений студентам с неокрепшим экономическим разумом сдать было непросто. Предстояло столкнуться с таблицами Кенэ, Смитом, Рикардо, Марксом... Словом, как-то сидим мы в первом запуске и готовимся. Первым почему-то рвётся практически без подготовки отвечать Володя Ш***. Ранее за ним такое не замечалось.

Начинает ответ. Идёт пара фраз из переставленных слов вопроса, чтобы получилась утвердительная форма. А далее обращение к Реуэлю: «Абрам Лазаревич, я хочу процитировать Маркса, но не уверен в точности. Если я ошибусь, вы меня поправите? Ведь вы входите в десятку лучших знатоков "Капитала"». Лицо профессора светлеет, но сохраняет маску суровости. «А как вы узнали, что я вхожу в десятку лучших знатоков?» — «Марьям Семёновна Атлас на одной из лекций нам так и сказала, что, мол, Реуэль — лучший знаток "Ка-

питала". — «Да-а-а? Пряма так и сказала?» — «Ну да, конечно. Даже не в десятку, а в пятёрку!» — «Марьям Семёновна очень знающий человек, и я полагаю, что она отвечает за свои слова. Вашу зачётку!» Дверь за Володей закрывается, а Абрам Лазаревич, обращаясь к нам, произносит: «Блестящий студент! И "Капитал" отлично знает!»

Марьям Семёновна Атлас в нашей группе вела семинары по политической экономии капитализма. В то время кое-что в экономической теории пересматривалось. В частности, проблема производительного характера сферы услуг. Для нас этот вопрос был политический. Американцы уже включали услуги в расчёт ВВП, а мы нет. Этим объясняли отчасти, почему у американцев валовой продукт больше нашего. И поэтому должны были считать услуги непроизводительными.

Итак, идёт семинар по услугам. Мы начитались всяких зарубежных книжек, и, естественно, горим желанием сдвинуть науку с мёртвой точки. Затеваем дискуссию с Марьям Семёновной. Она твёрдо стоит на позициях, что услуги ничего не производят, а только перераспределяют произведённый в сфере материального производства продукт. Мы свои аргументы — Атлас свои. И дискуссия интересная, и время потянуть можно. В конце концов пассионарная Марьям Семёновна говорит: «Товарищи, вы уже взрослые. Поэтому позволю такой аргумент — по-вашему и проститутка в публичном доме создаёт прибавочный продукт?» С нашей стороны ответа, естественно, не было. Но в перерыве между лекциями, мы уже, будучи вполне подкованными марксистами-ленинцами, решили, что, если услуги оказываются пролетариату, то прибавочный продукт создаётся, а если капиталисту — то нет.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ДЕРЯБИН
Выпускник 1972 года

В советское время работал во Внешторгбанке СССР, с 1979-го по 1983-й был директором советского Евробанка в Париже. Позже возглавлял правления Югорского банка и других финансовых компаний и банков.

У советских собственная гордость

Помню, как однажды приехал к нам во Внешторгбанк СССР на переговоры президент Chase Manhattan Bank Дэвид Рокфеллер. Банк тогда находился в Копьёвском переулке, возле Большого театра. Кстати, до революции в этом доме находилось что-то вроде увеселительного заведения для мужчин. В банке было две двери. Одна только для иностранцев и высоких гостей, а вторая обычная, для рядовых сотрудников. Так вот, утром, ровно без пяти минут девять к нашему парадному подъезду подъезжают два шикарных лимузина, и из одного выходит Рокфеллер. У нас рабочий день начинался в девять, поэтому все сотрудники в это время бежали на свои рабочие места, боясь опоздать, попасть в какой-нибудь «Комсомольский прожектор», получить выговор и лишиться премии. Поэтому на высокого гостя они не обращали внимания. Дальше самое интересное. Члены свиты Рокфеллера подошли к «иностранной» двери, дёрнули за ручку и обнаружили, что она закрыта. Сделали ещё несколько попыток — с тем же успехом. Начали стучать — безрезультатно. Наконец минут через пять дверь открылась, в щель высунулась заспанная физиономия нашего милиционера. Было видно, что его разбудили. Недовольный милиционер спросил: «В чём дело? Кто вы такие?» Ему объяснили, что в банк прибыл Рокфеллер. Милиционеру это имя ничего не говорило, и он лишь ответил: «Сейчас проверю». И полез в книгу записи гостей. При этом он бдительно вновь захлопнул дверь перед членами высокой делегации. Сказать, что те были в полном недоумении, значит, не сказать ничего. Но это продолжалось недолго, дверь распахивается, из неё вылетает разъярённый полковник Низенко, возглавлявший в банке отдел внешних сношений. Он оттолкнул недружелюбного заспанного милиционера в сторону и стал пропускать гостей. Оказывается, Низенко поручили лично встречать Рокфеллера, но он банально опоздал на работу. Вечером Рокфеллер устроил для нас приём в американском посольстве. Гвоздём программы стал фильм о том, как его принимали в различных странах мира. Мы увидели, как встречают гостя первые лица государств. В странах Азии и Африки с гирляндами цветов, с оркестрами банкира везли по улицам, где Рокфеллера приветствовали толпы людей. И вдруг видим — на экране наше здание в Копьёвском переулке, закрытая

дверь, заспанный милиционер и вся последующая сцена встречи. Оказывается, при Рокфеллере всегда присутствует личный оператор с камерой, который снимает для истории каждый его шаг. Можете себе представить, какой гомерический хохот стоял в зале.

Дым над Парижем

Одним из самых ярких эпизодов моей работы в Евробанке стал приезд в Париж в конце 70-х годов заместителя начальника валютного управления Внешторгбанка СССР Федосьи Петровны Евсеевой. Мы все её ученики, а я — самый прямой, так как пришёл к ней на работу во Внешторгбанк. Евсеева приехала в Париж с секретным заданием. Ей поручили урегулировать долг Чили Советскому Союзу. Ситуация осложнялась тем, что там незадолго до этого, в 1973 году, случился военный переворот, коммунистического президента Сальвадора Альенде свергли, и к власти пришёл генерал Пиночет. А мы в Чили поставляли много чего, в том числе и по военной линии. Наши специалисты сели, посчитали долги и вывели определённую сумму, которая, по мнению руководства страны, нас бы вполне устроила. Где-то порядка 58 млн долларов. Но оставались опасения. Во-первых, новые чилийские власти могут с нашими подсчётами не согласиться и вообще сказать, что они за долги коммунистического президента не отвечают. И во-вторых, что мы сами не сможем собрать все подтверждающие поставки документы. К тому же некоторые товары были ещё в пути, когда в стране сменилась власть. Дошли они до получателя, не дошли, мы не знали. Да и часть поставленного оружия, очевидно, была уничтожена, поскольку там всё-таки шли серьёзные боевые действия. Но самое главное, что нас беспокоило, — с Пиночетом у Советского Союза не было дипломатических отношений. Именно поэтому в качестве посредника в урегулировании долгов был выбран Евробанк. Всё-таки он считался французским, и ему легче было поставить точку в этой истории. И вот что мы придумали. Одним из директоров в Евробанке был некий мсье Понс. Ему поручили вести переговоры с чилийцами, которых специально пригласили в Париж. Федосья Петровна сидела в соседней комнате, в которой было слышно каждое слово переговорщиков. Я стоял рядом

с Федосьей Петровной и шёпотом переводил ей, о чём говорилось. При этом мы предусмотрели каждую мелочь. Например, разработали целую систему условных знаков, с помощью которых вызывали Понса. Например, мы определённым образом постукивали в стенку, не просто так входила в зал переговоров и секретарь с чашкой кофе. Понс сразу понимал, что ему необходимо зайти к нам и получить ценные указания. Переговоры продолжались несколько дней. Чилийцы прислали заместителя министра финансов и заместителя председателя правления национального банка. Уже новых, назначенных Пиночетом. Понс показывал им сборные ведомости, где все задолженности были расписаны по позициям. Например, такое-то внешнеторговое объединение подписало такие-то контракты на следующую сумму... А Федосья Петровна под каждую поставку привезла с собой реальные бумаги, подтверждающие наши претензии. Все документы пришли в Париж диппочтой, они заняли в банке половину комнаты. Понс их демонстрировал и предлагал подтвердить каждую позицию. Показывал печати, подписи таможи, всё было на месте. Так же как и сверка расчётов и обоснований. Мы ведь в Москве не знали, как сложатся переговоры, а деньги требуют точности. Что же происходит дальше? К нашему изумлению, партнёры соглашались с запрашиваемой нами суммой. К счастью, они не стали глубоко копать. Только попросили сделать несколько уточнений. Потом связались с руководством, чуть ли не с Пиночетом, и тот им дал указание подписать соглашение об урегулировании долга. Федосья Петровна отправила в Москву шифровку, что переговоры успешно закончились и следует ждать поступления денег. Но подписать — это одно, а получить деньги — совсем другое. Поэтому Евсеевой велено было остаться в Париже ещё на несколько дней, чтобы убедиться, что средства в Москву поступили. Ведь ей нужно было довести дело до конца и отчитаться перед правительством. Федосья Петровна отдыхала после трудной работы, я показывал ей Париж. Наконец из Москвы приходит шифровка, что деньги получены. Мы перевезли всю кипу финансовых документов в наше торгпредство, чтобы оттуда переправить их в Москву. Федосья Петровна купила билет на обратную дорогу. Но в самый последний момент с «большой земли» приходит шифровка с указанием создать государственную комиссию по уничтожению всех документов, касающихся переговоров. То есть

той массы, теперь уже бумаги, которая лежала в торгпредстве. Причём в состав комиссии должны войти только те, кто имел прямое отношение к операции, То есть председателем комиссии могла стать Федосья Петровна Евсеева, а единственным членом комиссии — я. Причём уничтожать всё следовало по описи, и нам нужно было предъявить начальству акты о том, что мы уничтожили документы всех внешнеторговых объединений. И тут мы с Федосьей Петровной слегка приуныли, не представляя, как можно вдвоём уничтожить такую грудку макулатуры. Повторяю, знать о содержимом документов не имел права никто, кроме нас. Пришлось искать выход. Нас спасло то, что советское торгпредство во Франции находилось в здании, где во время оккупации было гестапо. Естественно, там были и подвалы. Видимо, с пыточными камерами. До войны здание тоже было советским, и немцы выбрали его потому, что под ним оказалась целая система подземных ходов, которые они переделали под камеры. Чтобы всё это подземное хозяйство топить, фашисты установили там печь. Федосья Петровна составляла акты уничтожения, указывая, какой документ отправлять в печь, а я работал истопником, таская пачки с документами в подвал, и, вооружась кочергой, шуровал в топке. Не старушке же кочегарить! Мы жгли документы три дня, практически не вылезая из подвала; еду нам носили прямо туда. Парижане, наверное, обалдели — из трубы над советским постпредством, должно быть, трое суток валил чёрный густой дым. Наконец всё сгорело. Наш заключительный акт занял несколько десятков страниц, и мы, члены государственной комиссии из двух человек, его подписали. Кстати, после этого за успешно проведённую операцию Федосью Петровну наградили орденом Ленина, а меня в качестве вознаграждения, да ещё по просьбе французов после стажировки оставили в Евробанке. Вот и всё.

АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ НИКОНОВ **Выпускник 1972 года**

20 лет работал в системе Госбанка СССР, завершив свою работу в 1985 году в должности начальника управления в правлении Госбанка СССР. С 1977-го по 1984 год избирался освобождённым секретарём парткома Госбанка СССР. В годы перестройки работал в экономическом отделе ЦК КПСС и первым секретарём Дзержинского РК КПСС города Москвы. В начале 90-х годов — заместитель председателя правления Сбербанка СССР, генеральный директор ассоциации сберегательных банков СНГ.

Эпикурейская самокритика

Это было в 70-е годы теперь уже прошлого века. Как-то по служебной необходимости я зашёл в кабинет заместителя председателя правления Госбанка СССР Григория Андреевича Трифонова, который в то время курировал работу управления кадров. Он, как всегда, сидел за ворохом служебных бумаг, но что-то в этот раз его так веселило, что ему приходилось отчаянно бороться с подступающим смехом. Моё появление явно принесло ему некое облегчение, так как теперь он мог спокойно поделиться с кем-то причиной своего веселья. Молча он протянул мне лист бумаги, который оказался фирменным бланком, сейчас уже точно не помню какого отделения Внешторгбанка, с соответствующей подписью руководителя и печатью. Поскольку это направление не входило в мои полномочия, я с удивлением посмотрел на него, не зная, что делать. «Читай», — коротко произнёс Трифонов и на его лице предательски затрясся подбородок — верный признак невозможности долгого сдерживания открытого хохота. Так оно и случилось, как только я опустил бумагу и уставился на Григория Андреевича непонимающим взглядом. «Каков?» — только и сумел произнести он и залился громким смехом, периодически прерываемым кашлем заядлого курильщика. Я поднял лист и снова перечитал достаточно короткий, но ёмкий текст. В нём чёрным по белому было написано, что я, такой-то, такой-то, уже давно руковожу этим отделением, мне это изрядно надоело и хочется на покой, что из-за нежелания работать меня постоянно тянет к рюмке и женщинам, а мой послеобеденный сон постоянно пытаются прерывать разными документами. Затем следовала официальная просьба об отставке и, конечно же, дата и подпись.

В этом изложении я, конечно же, допускаю свободную интерпретацию письма, но смысл был именно такой. За долгие годы, как сказал успокоившийся через некоторое время Григорий Андреевич, ему приходилось встречаться со многими жалобами, анонимками, разными наговорами, но чтобы вот так бескомпромиссно оценивать свою деятельность, так это впервые. Он попросил секретаря разыскать телефон указанного в письме отделения и соединить его с руководителем. Через некоторое время разговор состоялся, но получить внятный ответ, подписывал ли тот письмо в Москву, получить

не удалось. Оставалось одно — назначить проверку и разобраться в ситуации. Финал этой истории я узнал по прошествии времени. Мы в очередной раз обсуждали текущие рабочие вопросы и я, вспомнив вдруг эту тему, поинтересовался её итогом. Всё оказалось банально просто. Неплохой, в общем-то, руководитель имел склонность не читать часть документов, которые ему приносили, а имеющиеся в любом коллективе «добрые» люди, решая, конечно же, свои проблемы, решили воспользоваться его небрежностью. Говорят, он был в шоке, когда увидел тот опус, якобы им подписанный. Вычислить инициатора такого письма было делом не трудным, но принимать какие-либо меры к нему не потребовалось, так как сразу по приезде комиссии он решил уволиться и сделал это достаточно быстро.

Дан приказ: ему — на Запад, ей — в другую сторону...

Другая кадровая история, но уже по-настоящему байка, достаточно хорошо известная и ходившая среди банковских работников, могла бы касаться любого руководителя, но её приписывали председателю Внешторгбанка СССР Юрию Александровичу Иванову. О нём можно рассказывать много интересного, так как коллеги его по-настоящему уважали как специалиста, порядочного человека, наделённого чувством юмора. Думаю, что ему стоило бы посвятить отдельное повествование. Поскольку он хорошо знал эту шутку, я позволю себе рассказать её так, как слышал сам. Как-то после очередного решения партии о необходимости смело выдвигать на руководящие должности молодые кадры, Юрий Александрович пригласил к себе руководителя кадрового подразделения и попросил его принести личные дела сотрудников, которые, по мнению кадровика, могли бы хоть сейчас заменить его на посту председателя банка. Тот, серьёзно поработав, принёс пять дел. Отличные специалисты, общественники и, главное, молодые и перспективные. Полистав дела, Иванов убедился, что кандидатуры действительно подходящие и в любое время

готовы к назначению. Подумав ещё немного, он поручил подготовить приказ о переводе этих специалистов в самые территориально отдалённые подразделения банка. «Да, это, пожалуй, будет правильное решение, — сказал он, — им ещё надо набираться опыта руководящей работы!» Напевая про себя известную песню: «На Запад поедет один из вас, на Дальний Восток — другой», он отправился по своим служебным делам с глубоким чувством исполненного долга.

Р. С. В. В. Геращенко считает произошедшие события вполне реалистичными, но сомневается, что они произошли с Ю. А. Ивановым. Причём исключительно по «техническим» причинам. В 1980 году во Внешторгбанка было 17 отделений, и одновременная смена 5 руководителей была бы слишком заметной операцией, о которой бы долго говорили. Виктор Владимирович, не последний человек в банке, не помнит ничего подобного. — *Прим. летописца.*

Кто не рискует, тот не продвигается

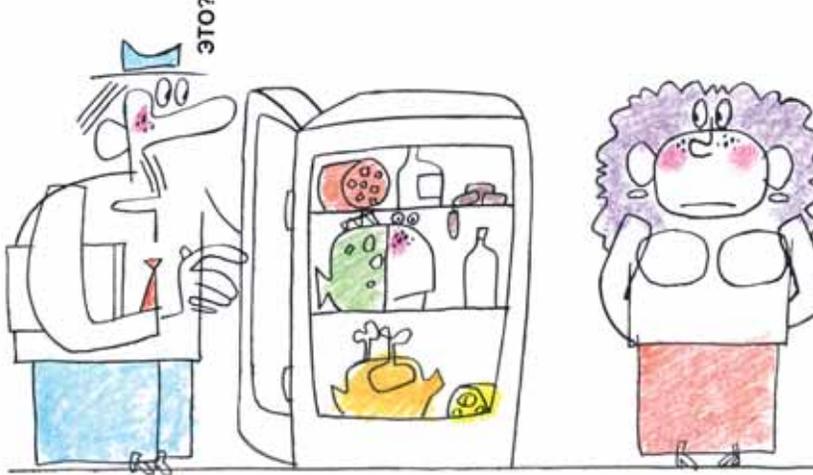
Однажды управляющего Куйбышевской областной конторой Госбанка СССР* (теперь это Самарская область) вызвали с отчётом в обком партии. Это всегда был серьёзный экзамен для любого руководителя. Редко когда удавалось выходить после такого отчёта без оргвыводов, поэтому готовились тщательно, заранее ожидая любого исхода. На этот раз по ходу заседания всё шло вроде бы нормально: показатели были на уровне, кассовый план — вечная болевая точка для региона, — хоть и с трудом, но выполнялся. У управляющего потихоньку начали успокаиваться нервы. Когда приступили к обсуждению вопроса, тоже как будто всё шло нормально. Нет, конечно, была критика, но ведь каждый понимал, что проверяющие при подготовке вопроса должны что-то найти, и поэтому развитие событий было вполне удобоваримым. Напрягало только одно — первый секретарь поче-

* Мефодий Наумович Свешников был председателем правления Госбанка СССР с 1969-го по 1976 год, преподавал в Московском финансовом институте. Во время происшедшей истории самарскую контору возглавляли Валентин Иванович Крашенинников (1962–1974) и Владимир Васильевич Ребровский (1974–1988). — *Прим. летописца.*

му-то сидел напряжённым и до сих пор не сказал ни единого слова. И вот уже почти в конце заседания он вдруг со сталью в голосе задаёт вопрос: «Если всё так хорошо, почему же наши люди живут так трудно»? Управляющий понимает, что этот вопрос задан не только ему, но и всем участникам заседания, но он также понимает, что слушают-то не всех, и именно ему придётся отвечать. Тем более что головы всех участников почему-то дружно повернулись в его сторону. Ничего не оставалось, как встать и ответить: «Конечно, люди живут пока непросто, но они сыты, одеты, у них есть работа, а это уже немало». Тема сытости очень заинтересовала первого секретаря, и он намекнул, что при полупустых холодильниках говорить об этом не совсем корректно. Но тут уже в бой пошёл управляющий, утверждая, что сведения первого неточны. «Давайте, — предложил он, — выберем по адресному списку любую из квартир и посмотрим в ней содержимое холодильника». Зачем он это ляпнул, сказать трудно, как рассказывал позже наш герой, просто так получилось сгоряча, но предложение вдруг прошло. Заседание было прервано, и весь состав бюро обкома направился по выбранным адресам. Можете себе представить состояние хозяйки квартиры, в которую нагрянуло высокое начальство и без особо долгих обсуждений полезло в её холодильник. И представьте себе: он оказался полон! Пошли в другую квартиру — результат тот же. Итогом похода была положительная оценка работы Областной конторы, а управляющий был позже выдвинут на повышение. Когда об этом докладывали на правлении Госбанка СССР, председатель правления Мефодий Наумович Свешников поинтересовался у управляющего, не слишком ли он рисковал, делая такие заявления на обкоме. Но тот объяснил, что заседания партийного комитета проходило обычно в начале недели, а утром в понедельник весь Куйбышев возвращался из Москвы с набитыми всякой снедью сумками, и он понадеялся, что к этому времени сделанные запасы ещё не поредеют. Риск, конечно, был, но кто, как говорится, не рискует, тот не выдвигается.

**Кинутся люди искать свои мебели,
а где они мебели? Вот они где!**

— Я ПРЕДСТАВИТЕЛЬ КУЙБЫШЕВСКОЙ
АДМИНИСТРАЦИИ.
ОТКУДА У ВАС

— ДОРОГАЯ, МОЯ-Я СТОЛИ-И-
ЦА, ЗОЛОТА-А-АЯ МОЯ-Я-Я
МОС-КВ-А-А-А!

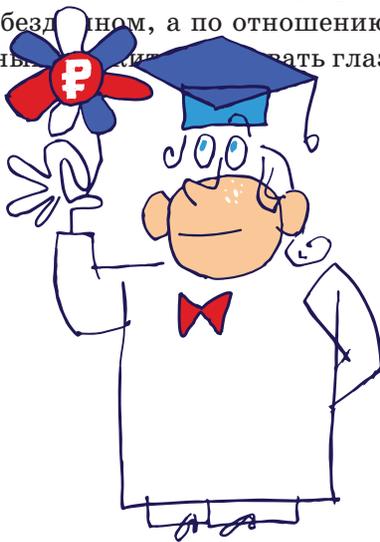

В понедельник весь Куйбышев возвращался из Москвы
с набитыми всякой снедью сумками.

В начале 70-х годов прошлого века я поступил на службу в только что созданное тогда управление механизации правления Госбанка СССР. В управлении был отдел, который занимался внедрением оргтехники. Именно ему было поручено, вместе с соответствующими институтами, заниматься разработкой мебели для служащих системы Госбанка. Вместе с тем, нашим вполне добросовестным хозяйственникам было также поручено обновить устаревшую, как тогда казалось, мебель в самом аппарате правления банка. В общем одни занимались разработкой исходных требований, технических заданий, проектов, а другие осваивали выделенные лимиты средств, как тогда называли этот процесс. А надо сказать, что в самом управлении хранилось неизвестно откуда взявшееся, неизвестно как сохранившееся и неизвестно кому принадлежавшее кресло времён дореволюционного царизма. Это было деревянное, скорее всего, из дуба, с кожаным сиденьем и спинкой, довольно увесистое сооружение. Завершения опорных стоек кресла были украшены искусно вырезанными из массива дерева головами львов, подлокотники завершались лапами, по-видимому, этих зверей, а все открытые деревянные поверхности были покрыты тонкой резьбой, где цветочного, а где геометрического орнамента. Уникальную красоту этому шедевру добавляла потёртая с годами чёрная кожа, которая, скорее всего, сохранилась с тех незапамятных времён, и гвозди с почерневшими от времени широкими медными фигурными шляпками. Конечно же, об этом произведении мебельного искусства ходили всякие легенды. Говорили, что оно принадлежало некоему действительному статскому советнику, который никак не хотел открывать банковский сейф с важными государственными бумагами, когда этого требовал вронённый ствол маузера какого-то человека в чёрном бушлате. Была вероятность, что именно оно было основой для плодотворного труда при подготовке документов о денежной реформе в СССР в 1947 году. Кто-то вспоминал, что именно в него присел отдохнуть назначенный на пост председателя правления Госбанка Николай Александрович Булганин, когда обходил все подразделения банка и приветствовал каждого сотрудника пожатием руки (кстати, этого никто и никогда не делал ни до ни после него). Скорее всего, никто не знал правдивой версии, чьи же «задницы» награждали своим прикосновением заслуженную поверхность этого кресла, но была какая-то уверенность, что

с его «помощью» в нашем учреждении рождались только хорошие мысли и подписывались только умные документы. Подтверждением являлся тот факт, что: во-первых, каждый, кто заходил в помещение и видел его, слёзно просил дать ему возможность хоть несколько секунд посидеть в нём и сразу же как-то преображался, добрел, что ли; во-вторых, всё, что задумывалось и писалось в нём, почему-то успешно реализовывалось. В той своей ипостаси оно досталось нашей сотруднице, очень симпатичной и доброй женщине. Возвращаясь от «гимна креслу» к прозе жизни следует признать, что обновление мебели в аппарате с помощью хозяйственников проходило куда успешнее. Назначались инвентаризации, выносилась старая и устанавливалась новая мебель, звучала критика её качества, но главное, что процесс шёл и продолжал идти успешно. Иногда в его плавном движении наступали некоторые трудности, связанные с «несознательностью» отдельных индивидуумов, не желающих вносить в свою жизнь обновление, но всегда находилась какой-то компромисс и всё снова шло своим чередом. Прошёл более чем десяток лет. Уже будучи первым секретарём райкома партии, я появился в кабинете ректора Архитектурного института для решения каких-то текущих вопросов. Кстати говоря, окна его обширного кабинета как раз выходили на здание Госбанка СССР. Первое же, что бросилось мне в глаза, была мебель, которая заполняла его кабинет. Я с восхищением оглядел обстановку и удивился, как современно и гармонично смотрелась весьма старинная мебель в общем интерьере. Его большой рабочий стол с зелёным сукном представлял собой шедевр искусства резьбы по дереву. Его никак не портил громоздкий монитор компьютера, который даже терялся в размерах стола. У приставного столика стояли два огромных мягких кожаных кресла, которые можно было увидеть в некоторых кадрах фильмов, показывающих содержимое рабочих помещений Кремля. Середину кабинета занимал стол для совещаний с окружающими его высокими стульями, которые мне напоминали обстановку в кабинете председателя правления Госбанка СССР. Тот инкрустированный разными породами дерева гарнитур нравился мне своей строгостью и лаконичностью. Шкафы и комоды, стоявшие вдоль стен, тоже были знакомы: они стояли во многих кабинетах чиновников и отличались только своим содержимым. Завершал этот апофеоз деревянного творчества уголок для гостей, выполненный

из карельской берёзы в стиле позднего барокко. Ректор, зная, где я работал прежде, с какой-то хитрецей посмотрел на меня и, убедившись, что я достаточно оценил увиденное, показал рукой на двор Госбанка, откуда, по его словам, ему и досталось всё это. «Я, — сказал он, — не мог спокойно наблюдать, как в вашем дворе разрушалось всё это богатство». Пришлось как-то остановить машину, выезжающую из ворот банка и поговорить с водителем. Он честно признался, что не всегда возит содержимое кузова на помойку, а иногда и продаёт его дачникам для растопки печей. Моё предложение продать мне одну-две машины такого «топлива» его особенно не смутило, но он долго не соглашался с тем, что содержимое мне необходимо не в разобранном виде. Единственное, с чем он согласился, это проследить, чтобы мебель разбиралась, а не ломалась, а некоторые части, если ему удастся договориться, вовсе не разбирались. На него, видимо, подействовало моё предложение платить дороже за целые вещи. «Не знаю уж, — закончил ректор, — как они там решали эту проблему, но многое я получил практически в целостности и сохранности, конечно, много пришлось потрудиться над реставрацией, но результат вы можете оценить сами». Признаюсь честно, в тот момент мне стало как-то стыдно, что я участвовал в, казалось бы, вполне прогрессивном процессе обновления, но таком бездумном, а по отношению к красивым и добротным вещам, способным прослужить столетия, даже варварском.

ИГОРЬ ГЕОРГИЕВИЧ СУВОРОВ
Выпускник 1972 года

С 1991 по 1997 год был управляющим Сингапурским отделением Московского народного банка, затем стал председателем — главным исполнительным директором Московского народного банка в Лондоне. Ныне — президент Межгосударственного банка.

«Сингапурский след» Виктора Геращенко

Виктор Владимирович
Геращенко, став в 1977 го-
ду, после кризиса, управ-
ляющим Сингапурским

*Виктор Владимирович Геращенко —
выпускник 1960 года*

отделением Московского народного банка, несмотря на указания из Центра поскорее ликвидировать проблемы любыми средствами, пытался всеми силами поддерживать и развивать бизнес банка. И итоговые потери благодаря такой политике и упорной, кропотливой многолетней работе были значительно уменьшены. Правда, Геращенко всё это время неоднократно критиковали за «неэффективное выполнение указаний ЦК КПСС». Но факт остаётся фактом: политика Виктора Владимировича привела к тому, что потери банка были сокращены почти в три раза! А некоторые кредиты возвращаются до сих пор. В частности, хотелось вспомнить о его «самоуправстве» в работе с крупным бизнесменом Энг Тенг Фонгом. Тот по-крупному занимался недвижимостью и, конечно, сильно пострадал от кризиса 1976 года. Много он был должен и нам. По правилам, установленным в Москве, его следовало «добывать»! И уж тем более не помогать выдачей новых кредитов под залог недвижимости. В самом престижном районе Сингапура, в самом его центре, на пересечении главных улиц Orchard и Scots Road, находится знаменитый отель Good Wood Park Hotel, построенный англичанами ещё в XIX веке. В большинстве фильмов, сюжет которых происходит в Сингапуре, он присутствует. Так вот, у Энг Тенг Фонга рядом с отелем было два участка под строительство. Один из объектов финансировался нами ещё до кризиса. Как я уже говорил, бизнесмен стал самым большим нашим должником. Кризис дожал его до предела. Он был вынужден прекратить все свои работы и стоял на грани банкротства. Должен Энг Тенг Фонг был и другим банкам. И вот, в 1979 году он пришёл к Геращенко и предложил план, после исполнения которого он готов был расплатиться с нами, и не только с долгами, но и с процентами по ним. И даже заплатить все штрафные проценты. Но предварительно ему необходимо было купить небольшой участок земли между двумя уже принадлежащими ему площадями. На это требовалось около 35 млн долларов.

Известный же в Азии коммерческий комплекс Far East Plasa по праву мог бы носить имя В. В. Герашенко!

...Игоря Суворова

Бизнесмен планировал на объединённом участке построить комплекс, который будет стоить более 1 млрд долларов. Эту небольшую (относительно дохода) сумму ему в период кризиса не давал никто! А Виктор Владимирович, поразмышляв, средства предоставил. Конечно, он совещался с коллегами, даже я из Москвы приезжал смотреть участок. Но единоличная ответственность лежала на Геращенко! За такое решение нас тогда сильно критиковали. Но комплекс был построен и стал стоить около 2 млрд! Энг Тенг Фонг выполнил свои обещания и полностью рассчитался с банком. И мы с ним работаем до сих пор. Но сейчас это уже четвёртый по богатству человек Сингапура. Известный же в Азии коммерческий комплекс Far East Plaza по праву мог бы носить имя В. В. Геращенко!

ОЛЕГ МИХАЙЛОВИЧ ТРЕКСИН **Выпускник 1973 года**

Российский банкир, в советское время работал во Внешторгбанке СССР, Совете Министров СССР, был заместителем председателя правления Donau Bank, Вена. С 1992 по 1996 год — исполнительный директор от Российской Федерации, Республики Беларусь и Таджикистана, член правления Европейского банка реконструкции и развития.

ЗИЛы, пилы и Лев Толстой

С 1993 по 1998 год Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР) возглавлял Жак де Ларозьер. Из всех высокопоставленных западных чиновников и бизнесменов, с которыми мне довелось работать, Жак был не только высочайшим профессионалом (не зря именно ему Еврокомиссия в разгар нынешнего кризиса доверила возглавить «совет мудрейших» для разработки пакета предложений по европейской финансовой реформе), но и человеком, желавшим и способным помочь России в преодолении трудностей переходного периода. Государственным признанием России его заслуг стал орден Дружбы. К весне 1994 года мы успели запустить крупномасштабный проект по развитию малого бизнеса в России, на который было выделено 300 млн долларов, и несколько проектов в сфере высоких технологий. В 1993 году мы с де Ларозьером и его ближайшим окружением отправились в Тулу, где на небольшом местном предприятии был реализован один из первых проектов ЕБРР по программе поддержки малого и среднего бизнеса (МСР). Руководители компании «Микродин», владевшей тогда ЗИЛом (Дмитрий Зеленин — ставший позже губернатором Тверской области, Александр Ефанов и Александр Соколов), помогли нам, выделив для поездки в Тулу два представительских ЗИЛа. На всякий случай, если один, не дай бог, по дороге сломается. Но дублёр флагманскому лимузину не понадобился, хотя машина оказалась не слишком удобной. Чтобы войти-выйти из неё, нужно было сначала сделать шаг-другой по салону на полусогнутых. Членов советского Политбюро (а в народе ЗИЛы ласково окрестили «членовозами»), это почему-то не смущало: возможно, у них что-то было в крови. В Ясной Поляне, где мы заночевали, Жак встал раньше других и, отказавшись от роскошного авто, пешком отправился на могилу Льва Николаевича. Хотя путь был неблизкий. Добравшись в Туле до родового гнезда малого предпринимательства, ЗИЛы въехали в огромную лужу среди ржавых гаражей. В одном из них и обосновались пригретые ЕБРР первопроходцы на ниве малого бизнеса. Встретил нас потерявший прежнюю работу доктор наук, руководитель малого предприятия, производящего на уникальном оборудовании, арендованном у полузакрывшихся местных НИИ, шлифовальные диски, свёрла и буры с алмазным напылением. Один такой диск, украшенный визитками учредителей тульского

первенца ЕБРР и оформленный как платиновый диск звезды эстрады, я затем подарил Жаку де Ларозьеру, и он повесил его на видном месте в своём лондонском кабинете. Сначала, правда, пришлось провести небольшое расследование среди коллег по российской дирекции ЕБРР, поскольку диск бесследно исчез из доставленного в британскую столицу служебного багажа. Оказалось, что хозяйственный зам, случайно наткнувшийся на чудо-диск и не посвящённый в мои творческие планы, приладил его вместо пилы-болгарки к электродрели и нарезал им всё — от хлеба и колбасы до железобетона.

Дары «данайцев»

Де Ларозьер полагал, что на годовое собрание ЕБРР в Санкт-Петербург приедет президент Ельцин. Ведь главы всех государств, где проводились годовые собрания банка, обычно лично приветствовали их участников. Но Борис Николаевич по каким-то причинам этого делать не стал, а вместо себя в Питер отправил премьера Черномырдина. Узнав об этом, мы с Владом Судаковым — первым председателем правления Международного московского банка (ныне — ЮниКредит Банк) придумали выход из положения. Чтобы не обидеть де Ларозьера, банк приобрёл для него уникальную икону, которую вернули в холстину, что, как нам казалось, было принято на Руси при перевозке святынь, красиво упаковали и набросали проект письма Жаку от БН: пусть, мол, эта святая реликвия (Влад организовал освящение иконы в храме) благословляет ваши, г-н де Ларозьер, добрые дела и помыслы. Икону вместе с ельцинским письмом Виктор Степанович преподнёс Жаку, и она заняла у него почётное место недалеко от диска из Тулы. Рад, что вместе с ММБ (нам) удалось сделать де Ларозьеру тёплый, трогательный подарок. А в Туле, сверх нашей гаражно-бизнесовой программы, местные власти организовали посещение музея знаменитого оружейного завода. Кто-то прознал, что де Ларозьер — заядлый охотник, и на малом совете в Белом доме решено было подарить ему уникальное охотничье ружьё работы тульских мастеров. Заметив, однако, что Жак как-то равнодушно взирает на творе-

Владислав Борисович Судаков — выпускник 1970 года

ния тульских оружейников, я решил развеять закравшиеся сомнения и на всякий случай поинтересовался любимыми видами и местами охоты президента ЕБРР. Оказалось, что Жак, будучи противником любого насилия, в армии не служил, оружия в руках никогда не держал и ни разу не был на охоте. Мне пришлось раскрыть планы правительственного протокола и попросить де Ларозьера не подводить инициаторов оружейного подарка. Когда при вручении «тулки» В. С. Черномырдин произнёс: «Говорят, вы знатный охотник», Жак дипломатично ответил: «Да какой я охотник. Вот отец мой — это да!» Как выяснилось позже, президенту ЕБРР за ввоз тульского сувенира во Францию пришлось заплатить огромную пошлину. Реакция президента ЕБРР на подарок российских властей разительно отличалась от реакции А. А. Собчака на ответный дар Жака. Жак преподнёс мэру Санкт-Петербурга на добрую память редкую антикварную позапрошлого века фарфоровую ёмкость для хранения сигар в виде обнимающихся русского и французского солдат. Он откопал её где-то в Париже и приобрёл на собственные деньги. Взяв подарок, Анатолий Александрович с отрешённым видом повертел вещь в руках и тут же отставил в сторону со словами: «Вообще-то я не курю...»

Ракеты, воды и водка

К годовому собранию ЕБРР в Санкт-Петербурге совет директоров банка успел одобрить немало проектов в сфере высоких технологий, реализуемых в России. В частности, для подписания во время годового собрания в 1994 году было подготовлено уникальное соглашение о предоставлении нам Европейским банком многомиллионной гарантии под пилотный проект использования ракет «Протон» производства ГЖНПЦ им. М. В. Хруничева для вывода на околоземную орбиту иностранных спутников связи. Перед этим торжественным мероприятием ко мне обратились какие-то сибирские предприниматели, наладившие выпуск питьевой байкальской воды, забираемой из озера на глубине около 100 метров. Вода укрепляла здоровых и была целебной для больных. Со стопкой свидетельств и сертификатов бизнесмены мечтали начать поставку своей продукции в российские правительственные учреждения и в качестве образцов до-

ставили энное количество ящиков байкальской воды в Таврический дворец, где проходило годовое собрание банка. Я обещал при случае представить их воду премьеру и организовал производителям отечественной продукции пропуски. И вот идёт к концу торжественная церемония подписания соглашения по «Протонам», которое с российской стороны скрепляет своей подписью Виктор Степанович. Звучат аплодисменты, и я вижу, как из-за кулис к Черномырдину подкатываются мои сибиряки с подносом, уставленным стаканами с прозрачной жидкостью. Виктор Степанович берёт один из них, широким жестом приглашает присоединиться к нему окружающих, после чего произносит короткий тост и уверенным движением опрокидывает содержимое стакана в себя... Надо было видеть после этого лицо прославленного газовика! Во всяком случае сибиряки посчитали необходимым быстренько ретироваться, не дожидаясь дополнительных указаний по своему адресу. Однако, наверное, неслучайно вскоре в продаже появилась водка под маркой «Байкальская».

Не пропускайте внешних знамений!

В апреле 1994 года в Таврическом дворце Санкт-Петербурга состоялось годовое собрание Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР), в определённом смысле положившее начало Петербургскому международному экономическому форуму. Во время подготовки собрания мы часто общались и переписывались с В. В. Путиным, поскольку именно его мэр Санкт-Петербурга А. А. Собчак назначил ответственным от города за проведение этого мероприятия. Владимир Владимирович в то время был заместителем городского головы и отвечал за внешне-экономическую деятельность. То, что нам всё удалось сделать качественно и в срок, достаточно известно. Но мало кто знает, что во многом благодаря участию в проекте Владимира Владимировича годовое собрание Европейского банка в прямом и переносном смысле заложило фундамент ежегодного Санкт-Петербургского международного экономического форума. Ремонт и техническое оснащение Таврического дворца под собрание Европейского банка официально обошлось в 3 млн долларов, которые ЕБРР и Россия поделили поровну. Дворец банковскими «квартирмейстерами» был сразу объявлен «единственным

приемлемым вариантом», хотя здание обветшало и со времён матроса Железняк там было лишь полторы дюжины телефонных номеров, а банку понадобились сотни. Пришлось спешно проводить в Таврический оптоволоконную связь, ремонтировать помещения, приобретать компьютеры, да ещё по настоянию банка закупать для VIP-ов десятки автомашин представительского класса. Владимиру Владимировичу, организовавшему автотендер, удалось «продать» шведов, договорившись о приобретении, насколько помню, 78 тёмно-синих Volvo-740 по цене 12,5 тыс. долларов за штуку, а Анатолию Александровичу Собчаку — «договориться с таможней». Я был в свежееотделанном итальянцами (после обстрела Белого дома) кабинете Черномырдина, когда за три дня до открытия годового собрания раздался звонок Собчака, пригрозившего отменить форум ЕБРР, если приобретённые под него автомашины не будут немедленно освобождены от ввозных пошлин. В итоге после годового собрания ЕБРР городу досталось неплохое наследство, которым грешно было не распорядиться по-хозяйски. Здание отвели под штаб-квартиру межпарламентской ассамблеи СНГ, а машины разошлись по госструктурам. В Таврическом дворце многие годы проводился и Петербургский международный экономический форум, только недавно переехавший в здание «Ленэкспо» на Васильевском

острове. Европейский банк, традиционно выпускающий в дни годовых собраний специальную газету для участников, в издании, посвящённом подготовке питерского форума, поместил фотографию основных его организаторов, и среди изображённых на снимке в зале заседаний Таврического дворца за табличкой с надписью «Президент» стоит Владимир Владимирович. Подпись под фотографией гласит: «Помощник мэра Санкт-Петербурга с Олегом Прексиным, директором от Российской Федерации, Белоруссии и Таджикистана, Жаком де Ларозьером, президентом (ЕБРР) и Бартом ле Бланком, генсеком (ЕБРР), проверяют готовность зала заседаний перед официальным открытием (годового собрания)». Авторы издания, перечисляя запечатлённых на снимке, не удосужились уточнить ни должность, ни имя-фамилию Путина. Прямо скажем, недалёковидно.

Давосский скелет в питерском шкафу

Петербургский международный экономический форум (ПМЭФ) подчас называют «Российским Давосом», и не без оснований. Фундамент глобального форума в городе на Неве заложило годовое собрание ЕБРР в Таврическом дворце в апреле 1994 года. Но идея использовать в организации нового международного форума всё лучшее из опыта Всемирного экономического форума (ВЭФ) в Швейцарии возникла много раньше.

Давосские нотки отчётливо звучали в письме на имя Б. Н. Ельцына, с проектом которого я вместе с А. Н. Шохиним пришёл к Е. С. Строеву в сентябре 1996 года. Егор Семёнович тогда возглавлял не только Совет Федерации Федерального собрания, но и Межпарламентскую ассамблею СНГ, удобно разместившуюся в Таврическом дворце, после приведения его за счёт ЕБРР и российского правительства в порядок. Заполучив высочайший «одобрямс» наших с Александром Николаевичем предложений, я вылетел в Женеву для встречи с отцом-основателем Давосского форума Клаусом Швабом. Предложения он выслушал благосклонно, но от окончательного ответа уклонился, сославшись на необходимость «посоветоваться с экспертами».

Основным экспертом выступила Маша Левинсон, курировавшая в ВЭФ работу с постсоциалистическими странами. Её любимым де-

тищем был зальцбургский «отросток» Давоса, который задумывался как главная мировая площадка для дискуссий по новым рыночным экономикам, включая российскую. На мою беду, помимо ключевой тематики, время проведения форумов в музыкальной столице Австрии также совпало с нашими планами организации ПМЭФ в июне в период «белых ночей». Узрев в Питере опасного конкурента, госпожа Левинсон без обиняков заявила, что участие ВЭФ в проекте питерского форума возможно «лишь через её труп!».

Пришлось срочно искать альтернативного западного соорганизатора, каковым охотно согласился стать лондонский Институт Адама Смита. Адамсмитовцы тогда только разворачивали сеть своих конференций на постсоветском пространстве и идея нового международного экономического форума прекрасно вписывалась с общую концепцию развития их деятельности. Однако, истратив на продвижение проекта ПМЭФ не один десяток тысяч фунтов стерлингов, наши британские партнёры весной 1997 года пришли к выводу, что российская сторона при подготовке форума «не проявляет должной активности». В конце 1996 — начале 1997 года нашим руководителям было действительно не до форумов: мы переживали очередной судьбоносный этап, «голосуя сердцем» за будущее страны. В итоге из-за дефицита времени Лондон посоветовал воздержаться от проведения в Северной столице в июне 1997 года полномасштабного международного форума, ограничившись некой учредительной конференцией. В противном случае Институт Адама Смита пригрозил выйти из проекта, дабы не связывать имя великого экономиста с заведомо провальным мероприятием.

В качестве штатного советника главы Совета Федерации и члена оргкомитета ПМЭФ первого созыва я пришёл к Строеву и изложил ему как председателю оргкомитета позицию британских коллег. «Как же так? — забеспокоился Егор Семёнович. Я ведь обещал Борису Николаевичу всё организовать и провести в этом июне. Нужно срочно что-то делать!» И, как нередко бывает в подобных случаях, в полную силу был задействован административный ресурс.

По главам субъектов Федерации, которые тогда по совместительству были ещё и сенаторами, веером разлетелись письма-указилочки от их шефа и одновременно коллеги от Орловской области, «поддержать» и «обеспечить участие», а на БН ушло письмо с просьбой о фи-

нансовой поддержке важного политэкономического мероприятия. Так был запущен Петербургский международный экономический форум.

После ухода британских партнёров, ПМЭФ до уровня саммита мирового масштаба пришлось поднимать собственными силами, переводя его организацию на принцип самокупаемости. И только когда питерский форум окончательно утвердился в деловых календарях мировой экономической и политической элиты, на нём триумфально объявился Клаус Шваб. Вряд ли это серьёзно сказалось на программе ПМЭФ, но вот оформление его программки действительно изменилось — печатать её стали по образу и подобию давосской.

Не знаю, жива ли ещё «не наша Маша» Левинсон (что-то давно ничего не слышал ни о ней, ни о её зальцбургском форуме), но, желая ей швейцарского долголетия и счастья в личной жизни, отмечу, что давосский скелет в шкафу ПМЭФ все же есть. Хотя история его появления до сих пор мало кому была известна.

А птичка так и не вылетела...

После первой сессии Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ), когда я возглавлял лондонский филиал российского Центра содействия иностранным инвестициям, появилась идея организовать под эгидой ПМЭФ ежегодный конкурс на лучшие инвестиционные проекты. У Е. С. Строева — тогда председателя оргкомитета ПМЭФ и будущего председателя конкурсной комиссии, — как у руководителя Орловской области, не было сомнений в том, что главный приз конкурса должен «нести образ орла», лучше золотого. Мне как члену оргкомитета первого созыва и будущему ответственному секретарю конкурсной комиссии, было доверено доработать детали. А чтобы работа шла в нужном направлении, из личной коллекции орловского губернатора в качестве прототипа приза был выделен посеребрённый пластиковый красавец, как бы слетевший с горы Машук, с напутствием: «Такой приз хорошо иметь в металле». Я отбыл восвояси.

Пластик, как известно, — материал хрупкий и где-то при транспортировке из Орла в Москву «кавказец» навеки сложил могучие крылья. Таким образом птичке-инвалиду уже не светило «вылететь

из гнезда» и воплотиться в металле, возродившись из праха как феникс.

По счастью оказавшись накануне очередной встречи с Егором Семёновичем на итальянском острове Искья, в витрине одной из лавок я высмотрел выполненный в стиле русского романтизма кубок, увенчанный двуглавым орлом и украшенный изображениями сказочной птицы Сирина (тот же феникс). Продавец, выдававший кубок за работу Фёдора Рюкерта — известного мастера фирмы Фаберже, — просил за него сравнительно немного. Он явно сомневался в подлинности артефакта, поскольку Рюкерт, помечавший свои изделия личным клеймом «Ф.Р.», работал в Москве, а на кубке рядом с такими инициалами стояло клеймо Петербургского пробирного управления. Сторговавшись, вместе с птичьим трофеем я вылетел на родину, где художники скоренько набросали красочный эскиз почётного диплома для лауреатов инвестиционного конкурса «Золотой орёл» (шёл июнь 1998 года, и Никита Михалков, тогда ещё не запустил одноимённый киноконкурс).

Вдохновлённые красочной росписью кубка, автором которого, согласно экспертизе, оказался не Ф. Рюкерт, а Фёдор Андреевич Руч — питерский мастер Фаберже, — художники включили фантазию. В наброске диплома лауреата инвестиционного конкурса они использовали не только образ легендарной птицы, оказавшейся в их версии менее целомудренной, чем у Руча, но и изображения других сказочных персонажей.

И вот 19 июня 1998 года, вооружённый не только свежее испечённым шедевром изобразительного искусства и самим кубком, но и его мастерски выполненной гипсовой копией, я оказался один на один со Строевым в его таврической резиденции, где мы занялись деталями проекта нового конкурса. Егором Семёнович вносил последние коррективы в уже утверждённый им эскиз диплома (см. картинку), когда в кабинет вошёл Владимир Анатольевич Яковлев — в то время губернатор Санкт-Петербурга и заместитель председателя оргкомитета ПМЭФ.

Почувяв, что происходит что-то важное, а он не в курсе дела, Владимир Анатольевич постарался сходу включиться в обсуждение, сосредоточившись на художественных достоинствах эскиза почётного диплома. «Что-то многовато здесь символики, — задумчиво молвил

Байки от...

он, — а это дело тёмное и опасное; эскиз обязательно нужно согласовать с герольдмейстером Вилинбаховым, и я беру это на себя». Строев возражать не стал, я тоже, и Яковлев, забрав «на согласование» копию диплома, а заодно, кажется, и предназначенную для председателя оргкомитета копию кубка, удалился с чувством выполненного долга. С тех пор и согласовывает.

Попытки как-то ускорить процесс подготовки звонками из Лондона успехом не увенчались. И Яковлев, и Вилинбахов вскоре «пошли в гору» и стали труднодоступны, Строев оставил высокий пост, да и меня захватили иные дела. Инвестиционный орёл так и не взмыл над необъятными проектными просторами. Хотя идея серьёзного международного конкурса инвестиционных проектов представляется актуальной и, возможно, ещё взойдёт на ниве государственно-частного партнёрства.

КОНСТАНТИН БОРИСОВИЧ ШОР
Выпускник 1973 года

*С 1988 по 2013 год — начальник Московского
главного территориального управления
Банка России.*

Тяжёлое отлучение от столовой

На работу в Госбанк я пришёл в 1979 году. Начал свою карьеру старшим экономистом отдела кредитования тяжёлой промышленности Октябрьского отделения Московской городской конторы. Об отношении к банкирам в то время говорит следующий случай. Своей столовой у нас не было, вот мы и обедали в столовой Академии МВД. Это сейчас банк приобрёл солидное лицо, а тогда о нас вспоминали только в дни зарплаты. И вот некий милицейский чин отлучил нас от своей столовой, поэтому в один из зарплатных дней и решено было преподнести академии сюрприз: прибывшему за деньгами начальнику финансового отдела я распорядился выдать деньги не банкнотами, а разменом. Что имели право сделать. На следующий день пропуска в столовую нам восстановили.

Когда деньги валялись на проезжей части

Осенью 1987 года управляющий Российской конторы Госбанка СССР С. Е. Егоров назначил меня заместителем управляющего Московской городской конторы Госбанка СССР. Достались мне тогда не самые лёгкие направления — касса, инкассация, автобаза. Большие хозяйственные объекты по 600–1000 человек работающих с очень сложной спецификой работы. Какой была инкассация в то время? Деньги возили на довольно старых «Волгах». Доходило до того, что у машин на поворотах иногда самопроизвольно открывались дверцы и деньги выпадали прямо на проезжую часть. Чтобы этого не случалось, инкассаторам приходилось привязывать ручки дверей изнутри к сиденью верёвкой. Беспокоило нас и своеобразное «дружелюбие» советских людей. Бывало, инкассатор, обходя за день 40 точек, получал в каждой из них граммов по 50 хорошо известного всем национального напитка и деньги привозил, будучи изрядно навеселе. Тем не менее всё обходилось. На них редко нападали и грабили, так как деньги не имели тогда того значения, которое они имеют сейчас. Да и потратить их в силу закрытости нашей страны было трудно. Но на второй день моей трудовой деятельно-

сти на новом посту бандиты расстреляли трёх наших инкассаторов в универмаге «Молодёжный». Одним из киллеров оказался бывший работник КГБ, поэтому-то этот редкий по тем временам инцидент получил серьёзный резонанс. Событие в «Молодёжном» продемонстрировало необходимость изменения отношения к инкассации. Мне удалось собрать совещание с руководителями городских силовых ведомств и Моссовета. В результате были приняты кардинальные меры для усиления материальной базы наших служб. Инкассаторским машинам выделили отдельную серию номеров «МОЛ» и снабдили автомобили специальными маяками. Мы получили 30 новых машин и впервые тёплую спецодежду для инкассаторов.

Расчёты на горячей сковороде

В начале 90-х годов из-за кризиса в расчётах платежи стали идти по несколько месяцев. Мне дали вакансии, причём сразу 200. Выбор специалистов был небогатый. Хорошие специалисты все уже разошлись по коммерческим банкам и возвращаться в Банк России на небольшую зарплату не хотели. Пришлось набирать всех желающих практически без принятого у нас отбора. Шёл 1991 год. И этих неопытных, глупеньких девчат, не понимающих до конца меры своей ответственности, стали покупать за шоколадки. Проведи какой-либо коммерческой организации платёж в несколько миллионов рублей — получи шоколадку. Так появились фальшивые авизо. И у нас такие случаи встречались. У меня порой создавалось впечатление, что сидим мы на горячей сковороде и не управляем процессом. Тогда мы создали управление безопасности и защиты информации. Первое в системе Банка России. В Центральном аппарате такого подразделения ещё не существовало. Правильность и необходимость принятого решения были вскоре подтверждены. Сразу после августовских событий 1991 года в Главное управление по городу Москве пришли два представителя Чечни — майор и капитан МВД республики. Они предъявили постановление об изъятии подлинников авизо из архива, якобы в Грозненском УВД заведено дело и эти документы затребовал следователь. По закону мы должны были отдать авизо, но что-то нас остановило.

– СЕГОДНЯ С ФАЛЬШИВЫМ
АВИЗО
ХОДИЛ

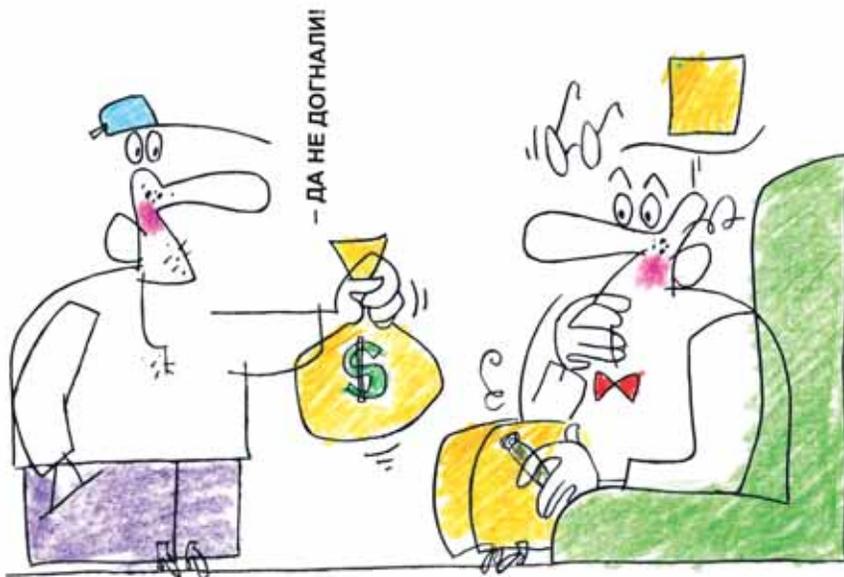
В БАНК.

– НУ И ЧТО?

– ДА НЕ ДОГНАЛИ!

И у нас такие случаи встречались. У меня порой создавалось впечатление, что сидим мы на горячей сковородке...

...Константина Шора

Придравшись к тому, что на постановлении нет печати на подписи прокурора (её, кстати, там и не должно было быть), пригласили специалиста нашего управления безопасности, а затем и специалистов российского МВД. Заявителей вежливо попросили подождать, но они ждать не стали. Вскоре наши подозрения были подтверждены: авизо миллионов на двенадцать действительно оказалось фальшивкой. Это была первая ласточка. Обобщив опыт, я написал докладную на имя председателя ЦБ РФ Г. Г. Матюхина. Докладывать же о чеченских фальшивых авизо мне пришлось Руслану Имановичу Хасбулатову. Надо отдать ему должное, он тогда остановил накаты на городское управление, поняв, что мы не занимаемся бойкотом поиска виновных, а тоже за то, чтобы они были найдены.

ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ ДМИТРИЕВ **Выпускник 1975 года**

С 1979 по 1993 год работал в Министерстве иностранных дел СССР и России. Был третьим, затем вторым и первым секретарём посольства СССР, впоследствии РФ в Швеции. С 1993 года работал в Министерстве финансов России. В 1997–2002 годах — первый заместитель председателя Внешэкономбанка. В 2002–2004 годах занимал должность заместителя президента — председателя правления Внешторгбанка. Затем до 2016 год — председатель Внешэкономбанка. Декан факультета «Международные экономические отношения» Финансового университета.

О столкновении реальности с политикой партии

После первой заграничной командировки в Швецию, где я проработал неполные пять лет, с 2006 года я трудился в Отделе Скандинавских стран МИД СССР. В марте из ЦК ВЛКСМ в МИД поступил запрос на командирование сотрудника с опытом заграничной работы для участия в агитационной бригаде формирующегося агитационного поезда «Комсомолец Узбекистана». Выбор пал на меня, имевшего к тому времени не только опыт такой работы, но и большую практику публичных выступлений в Швеции и на родине.

Моими коллегами по агитации были молодые представители советских СМИ, структур ЦК ВЛКСМ, различных министерств и ведомств. По приезду в Ташкент мы поняли, что железнодорожное передвижение по Узбекистану отменяется ввиду неготовности поезда, поэтому программа была скорректирована под автобусные переезды, что, может быть, сделало поездку ещё более экзотичной.

Итак, бороздим просторы Узбекистана: Ташкент, Самарканд. Я читаю согласованную в ЦК ВЛКСМ лекцию про миролюбивую политику нашей партии, про создание безъядерной зоны на севере Европы (весьма актуальная в то время тема, но вряд ли занимавшая умы нашей узбекской аудитории из числа студентов институтов и техникумов, а также общественности пенсионного возраста). А на десерт по завершении политической части презентации показываю диафильмы-слайды (цифровых камер к тому времени ещё не было) о повседневной жизни Швеции и шведов, сделанные мною в командировке и, честно признаться, не совпадавшие с официальной риторикой о тяготах жизни простых тружеников в раздираемом противоречиями капиталистическом мире.

И вот несостоявшийся поезд, он же автобус, заносит меня в город Катакуртан, что в двухстах километрах от Самарканда. Читаю лекцию в расположенной там воинской части, где доклад о миролюбивой политике ложится на хорошо подготовленную замполитом почву. Затем следует слайд-шоу, вызвавшее нескрываемое оживление солдат и офицеров, так как на отдельных кадрах были сняты пляжные зарисовки безмятежно отдыхавших и, к сожалению, для меня, загоравших шведов, и, что самое страшное, шведок. По окончании лекции ко мне ринулись офицеры, вопросы которых были далеки от разъяс-

нений деталей миролюбивой политики партии. Чисто по-человечески их интересовала тема: «Ну а как там-то?» Я был далёк от идеализации местной жизни и попытался, не разрушая стереотипов, быть тем не менее объективным. И вот в разгаре этого неформального общения сквозь толпу моих собеседников с шумом и агрессией протискивается майор, замполит, как выясняется, и практически хватает меня за грудки с криком: «Что ж делаешь, сука? Я здесь провожу политработу, говорю о главном противнике, об угрозе НАТО (хотя Швеция, как известно, не член блока), о преимуществах СССР, а ты мне всё портишь! А где у тебя классовая борьба, где противостояние труда и капитала, где наращивание шведской военной мощи, угрожающей нашим границам?» К счастью, вмешался командир полка, имевший, похоже, более просвещённое представление о Швеции, и, успокоив бузотёра, предложил продолжить беседу в узком кругу и в неформальной обстановке. На следующее утро я на регулярную пробежку выйти не смог.

О шоу со знамёнами

В 1997 году я уже работал в Минфине РФ заместителем начальника департамента внешнего долга и отвечал за размещение российских внешних облигационных займов. Мы только что в ноябре 1996 года разместили дебютный суверенный облигационный займ на 1 млрд долларов, превзойдя все ожидания по цене размещения, купону и количеству инвесторов. И вот новый займ на 2 млрд немецких марок. Мы готовимся к road show. Курировавший нашу работу первый заместитель министра финансов Андрей Вавилов, участвовавший в предыдущей работе с иностранными инвесторами по размещению евробондов, решает привнести изюминку в наши презентации и дополнить сухое изложение фактов об инвестиционной привлекательности России видеороликом о нашей стране. Идея возникает за неделю до начала road show в Германии. Ломаем голову, где взять материал. Возникает идея обратиться к правительству Москвы. Объясняем им ситуацию и получаем видеокассету (флэшек и CD тогда ещё не было). Перед отъездом в Германию что-то подсказало эту кассету посмотреть. Прихожу к Вавилову, отрываю его

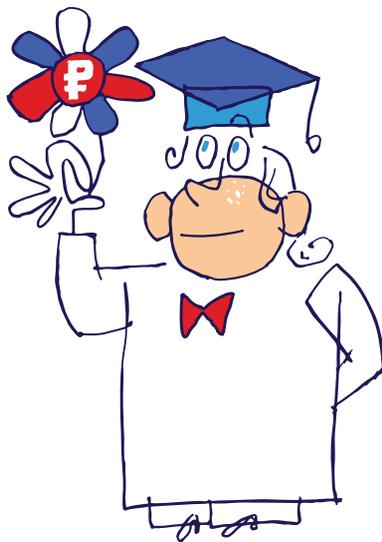
Что ж делаешь, сука? Я здесь провожу политрабату,
а ты мне всё портишь!

Байки от...

от работы и предлагаю посмотреть сюжет. Видим: на фоне патриотической песни-марша Олега Газманова о Москве («Москва, звонят колокола...») появляется сюжет лета 1945 года, когда флаги поверженной нацистской Германии бросают к подножию Мавзолея.

Потрясающий сюжет для презентации в Германии. Хорошо хоть, что предварительно решили посмотреть!

Обсуждаем в 2007 году у министра Германа Грефа в Минэкономразвития проект закона о Банке развития на базе Внешэкономбанка. Речь идёт о налоге на прибыль будущего банка. По существующей практике он делился между московским и российским правительством. Оценив ситуацию, Герман призадумался и, взорвавшись, сказал: «Чтобы ВЭБ платил бóльшую часть налога на прибыль Москве? Никогда! ВЭБ освобождается от налога на прибыль. Пропишем это в законе. Точка!»

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ ЛЫКОВ **Выпускник 1975 года**

В 1975–1991 годах делал карьеру в Госбанке СССР, стал заместителем начальника Валютно-экономического управления, был награжден знаком «Отличник Госбанка».

Далее работал в Ист-Вест Юнайтед банка (Люксембург), банке «Еврофинанс» и ряде других. Пока в 1996 году не стал заместителем председателя правления, старшим вице-президентом, банка «Еврофинанс Моснарбанк». На этой должности работал до 2007 года. В июне назначен заместителем председателя, членом правления государственной корпорации «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)». С тех пор там и работает...

Как любитель кататься возил саночки

*Борис Григорьевич Фёдоров —
выпускник 1980 года*

В 1980 году в Госбанк СССР, в валютно-экономическое управление, пришёл на работу Борис Фёдоров.

К тому времени я уже считался опытным работником, поскольку проработал в этом управлении около пяти лет, был членом партии, даже получил доступ к закрытым материалам. Однажды меня вызвал кто-то из руководителей управления и попросил организовать уничтожение материалов ограниченного пользования, к числу которых относилась «буржуазная пресса», в частности, номера газеты *Financial Times*. После прочтения мы их складывали в специальные мешки, которых набралось значительное количество.

Я попросил себе помощника, и мне в команду включили недавно пришедшего молодого специалиста Бориса Фёдорова. Он очень хорошо знал английский язык и активно использовал в своей работе материалы, опубликованные в *Financial Times*.

Как сказал руководитель, вот Фёдоров любит кататься, пускай и саночки повозит, тем более парень крепкий, справится. В общем, будущий министр финансов РФ и я выступили в качестве грузчиков. Мешки были довольно тяжёлые, мы их переносили с четвёртого этажа, где находилось валютное управление Госбанка СССР в знаменитом здании на Неглинной, 12 (теперь здесь расположен Банк России), во двор. Погрузили мешки в закрытую машину типа «уазика», сами забрались туда же и около полутора часов на этих же мешках тряслись в машине, пока не добрались до специального приёмного пункта, где и сбросили все мешки в котёл для уничтожения. Пока ехали в машине, потрепались о жизни, о работе и как-то сблизились. А поскольку я тогда активно занимался общественной и партийной работой, то Борису в ответ на его ворчание о том, что специалистов привлекают к таким черновым работам, в шутку привёл слова Ленина о том, что только в труде вместе с рабочими и крестьянами можно стать настоящими коммунистами.

Через несколько лет я на партсобрании уже представлял Бориса Фёдорова для принятия в члены КПСС. Дал ему самую лестную оценку. После чего его, конечно, приняли единогласно. Он к этому

В общем, будущий министр финансов и я выступили в качестве грузчиков.

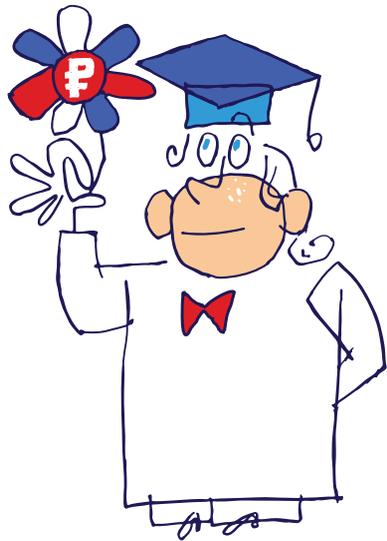
Байки от...

времени стал секретарём комитета комсомола Госбанка СССР, заслужил уважение у руководства и коллег своими работами — умными, глубокими, компетентными. Да и отношение в коллективе к нему было очень хорошее.

Так мы с ним подружились. Впоследствии на защите моей кандидатской диссертации, посвящённой деятельности межгосударственных банков развития, он выступал в качестве оппонента и его блестящую речь я до сих пор вспоминаю с благодарностью.

Потом было ещё много эпизодов, встреч с ним в Москве, в других городах мира, когда он работал в аппарате ЦК КПСС, представлял интересы России в Международном валютном фонде, работал в Правительстве РФ.

Так что прав был Владимир Ильич: в совместном труде с рабочими и крестьянами можно стать даже министром финансов, экономистом и общественным деятелем мирового масштаба.

ОЛЬГА ИГОРЕВНА БЛИНКОВА
Выпускница 1976 года

*В конце 80-х годов — заместитель начальника
управления коммерческих и кооперативных банков
Госбанка СССР. Затем работала в Элбимбанке,
затем начальником сектора Сбербанка России.*

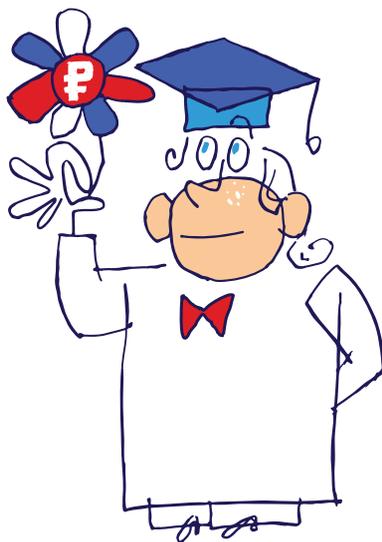
Касса на кухне

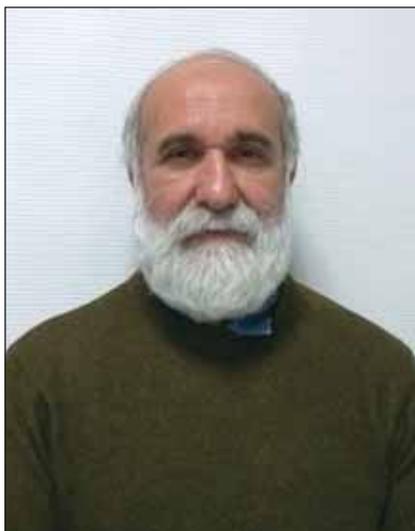
Новые банки в конце 80-х — начале 90-х годов активно обменивались информацией, опыта практической работы у них ещё не было, а инструкции по технологии работы были весьма лаконичными. Мы старались работать не только над документами и техническими требованиями, но и с учредителями банков и активными людьми — инициаторами их создания. Но не все даже самые продвинутые инициаторы создания новых банков понимали значение терминов «коммерческий банк», «ликвидность» и тому подобных понятий. К примеру, создателем нового банка попытался стать всем известный В. Я. Воршилов — ведущий знаменитой передачи «Что? Где? Когда?». Когда мы стали задавать пришедшему к нам Владимиру Яковлевичу наводящие вопросы об уставном капитале, об учредителях — он не смог ответить. В результате выяснилось, что телеведущий хотел создать банк идей. Интересно, что «Интеллект-банк» дирекцией программы «Что? Где? Когда?» был в конце концов всё-таки создан, но быстро разорился. В бурные августовские дни нас как членов Ассоциации российских банков каждый день её президент Сергей Ефимович Егоров собирал в помещении школы в районе метро «Новослободская». Фактически там проходили «сходки банкиров»; помню, еле работало радио, дававшее хоть какую-то информацию о происходящих в Москве бурных событиях (ситуация менялась буквально каждый час). Мы обменивались информацией. В общем, творилось тогда много и курьёзного, и страшного одновременно. Журналист «Независимой газеты» Олег Полукеев (его уже, к сожалению, нет в живых) был среди нас в школе на одной из таких сходов. Кто-то что-то негромко говорил, в зале стояла тишина, вдалеке было чуть слышно, как бронетехника лязгает гусеницами по асфальту. Драматический момент — все в ожидании: будет ли армия стрелять. Вдруг становится слышна резкая барабанная дробь: бум-бум-бум! И тут очень эмоциональный Полукеев закричал: «Ребята, как же так?! Они же по своим стреляют!» Все замерли и замолчали. А это просто крупный дождь забарабанил по крышам: когда это поняли, у всех вырвался вздох облегчения, ибо никто тогда ещё не мог гарантировать, что всё закончится благополучно... Из событий того переходного времени мне ещё запомнилось, как на одном из заседаний Московского банковского

союза начальник Московского
главного управления Госбанка
СССР Константин Борисович
Шор отчитывал одного банки-

ра за то, что у того касса банка
была в квартире, на кухне. А тот оправдывался «производственной
необходимостью»: никакого другого приспособленного и более на-
дёжного помещения у них не нашлось.

*Константин Борисович Шор —
выпускник 1973 года*

ЯН ЯНОВИЧ МЕЛКУМОВ

Выпускник 1977 года

В советское время успел поработал в институте при Госплане, где занимался прогнозированием цен на нефть (как выяснилось довольно успешно). Затем в течение 15 лет работал в двух институтах Академии наук СССР (Африки и Востоковедения) С начала 1990-х годов в российском Минфине, затем в Госкомимущество и, наконец, в Федеральной комиссии по рынку ценных бумаг пытался применить накопившиеся знания для создания в России рынка ценных бумаг. Попробовал рынок и изнутри – поработал в управляющей компании и в инвестиционной группе, а потом впал в экономическую журналистику в основном на телеканале РБК, где поныне и пребывает.

Как я стал любителем экзотики

Ещё во время учёбы в институте у меня сложилось представление о свободе выбора объекта изучения. Про «капитализм» всё уже было написано Марксом и сомнений в его правде быть не могло. Правда о социализме формировалась решениями партии и правительства, определялась последними постановлениями и решениями пленумов и съездов. И это не вызывало вдохновения, изучать эту тему было скучно. Оставались развивающиеся страны, мнения о которых не были окончательно зафиксированы. Вопрос: «Что у них там происходит?» — оставался дискуссионным. А это давало возможности для настоящих исследований.

Курсовую, а затем диплом я написал про денежно-кредитную систему Сингапура, в результате стал что-то понимать про международное движение капитала, рынок азиатских долларов, программы МВФ и т. д.

Впрочем, дописать свой диплом в установленный институтскими правилами срок я не успел — слишком погрузился в детали. Из запланированных трёх глав в наличии к середине мая были только две. Но мой научный руководитель Станислав Аркадьевич Былиняк, одновременно работавший в Институте востоковедения АН СССР, человек очень здравый, посмотрел на это сквозь пальцы и написал мне положительный отзыв на диплом. При этом предложил всё же дописать (уже после выпуска) последнюю главу и опубликовать её как статью в готовящемся научном сборнике его академического института.

В 1977 году три научных рецензента из Отдела экономических проблем ИВ АН СССР положительно оценили мою первую статью «Рынок азиатских долларов в Сингапуре». Один из них, правда, отметил, что можно было бы не употреблять непонятные никому слова, типа «офшорные центры». Любопытно, конечно, но это такая экзотика, не имеющая к нашей жизни никакого отношения.

Распределили меня в Ингосстрах. Как человека, живущего по принципу «жить по уставам тяжело суставам», меня очень тяготила жёсткая дисциплина, установленная в этой компании. Ещё во время практики наш руководитель рассказал, что был у них сотрудник, позволявший себе опоздать на минуту-две, а иногда (о ужас!) даже на пять минут! Пришлось с ним расстаться. После этого рассказа понял, что мне туда лучше не соваться.

Свободного диплома мне не дали. Предложили самому найти место, куда меня будут готовы взять, тогда документы переоформиат. Сделать это было непросто, и я почти на полгода стал советским безработным. В конце января через цепочку знакомых устроился инженером во Всесоюзный научно-исследовательский институт комплексных топливно-энергетических проблем при Госплане СССР с зарплатой 100 рублей в месяц минус налоги — 13 % подоходный, ещё 6 % — на холостяков, одиноких и малосемейных граждан, сокращённо это называлось налогом на бездетность.

Во ВНИИКТЭП я занимался прогнозированием цен на нефть... В работе «Модели мирового рынка сырой нефти» мы довольно точно предсказали стоимость нефти на семь лет вперёд. В 1978 году она составляла 12,70 долларов за баррель, а в 1985 года оказалась около 25. Это было, конечно, совпадение, но мы с соавтором Александром Акимовым гордо отнесли его к своим незаурядным научно-провидческим способностям.

Проработав в госплановской структуре полгода, я ушёл в валютно-финансовый сектор Института Африки АН СССР к Юрию Михайловичу Осипову, а оттуда через пару лет — в Институт востоковедения, куда меня тянуло с самого начала, и там вновь стал занимался тем, чем во время выполнения дипломной работы, — международными валютно-кредитными отношениями развивающихся стран. Наступило счастье и спокойствие. При зарплате.

Правда, когда я говорил знакомым, что занимаюсь изучением стабилизационных программ МВФ, механизмами реструктуризации внешних долгов и тому подобной экзотикой, они недоумённо спрашивали: «А кому и зачем это нужно?!»

Тем временем наступила перестройка

Здесь следует сказать, что приятелем обоих моих руководителей — и Осипова, и Былиняка — был Олег Владимирович Можайсков — начальник отдела развитых капиталистических стран Главного валютно-экономического управления Госбан-

Олег Владимирович Можайсков — выпускник 1957 года

ка СССР. Это был очень важный отдел, помимо всего прочего, сюда стекалось множество изданий со всего мира: здесь были самые свежие западные газеты и журналы, банковские бюллетени. В управлении был даже рейтеровский телетайп, о котором мы могли только мечтать.

В нашем академическом институте периодика приходила в лучшем случае с опозданием на два месяца.

Благодаря связям начальника я попал в святая святых. Олег Владимирович выделил нам с моим коллегой из Института Африки Сергеем Шаталовым заветный столик, за которым мы могли искать нужную для себя актуальную информацию.

Там я познакомился с сотрудником управления Борисом Фёдоровым. Он как раз размышлял о своём будущем, расспрашивал меня о ИМЭМО, где я не раз бывал на разных конференциях. Его интересовало, в чём заключается работа в академическом институте. Вскоре он там и оказался.

*Борис Григорьевич Фёдоров —
выпускник 1980 года*

И вот летом 1990 года я, как обычно, позвонил ему домой, чтобы пригласить выступить на какой-то конференции, но он ответил, что ему сейчас не до того: «Меня тут министром назначили!» Я удивлённо переспросил: «Каким министром?» И получил ответ: «Министром финансов России. Дел невпроворот».

Тем же летом в Москву приехал Джон Локсли, учёный из Канады, которого мы хорошо знали по книжкам. После долгих споров (мы с Сергеем Шаталовым стояли, естественно, на рыночных позициях, наш коллега был социалистом) мне задали вопрос, показавшийся мне совершенно риторическим: а было бы мне интересно выступить в его университете с докладом. Я посмеялся над таким наивно-нервальным предложением: «Да кто меня выпустит?!» И благополучно об этом забыл.

Тем не менее через несколько месяцев мне позвонили из международного отдела моего института и сообщили, что мне пришёл телекс из Канады с приглашением приехать на университетскую конференцию. Были обещаны оплата билетов, проживания и суточные.

Решив, что такого не бывает и кто-то меня разыгрывает, я пошёл на Центральный телеграф звонить Джону Локсли. Здесь меня ждал

новый сюрприз: именно в эту неделю там появилась услуга немедленной связи с зарубежными странами. То есть теперь не надо было заказывать телефонный разговор за сутки и ждать в переговорном пункте много часов ну или сидеть дома у телефона, ожидая соединения «в течение 24 часов», как предупреждали телефонистки.

Очереди к телефону-автомату не было, никто о такой возможности не знал. Набрал указанный в телексе номер, я сразу услышал голос канадского профессора. Не веря до конца в своё счастье, я спросил его: «Действительно вы прислали мне приглашение?» И услышал: «Как хорошо, что ты позвонил! Какого числа ты хотел бы прилететь? Мне же нужно заказать тебе билеты». Так в ноябре 1990-го я впервые оказался в ведомом мне только по литературе Западе. Интерес к происходящему в СССР был огромный, косвенно он транслировался и на тех немногих людей, кто оттуда появлялся перед канадской аудиторией. После того как в докладе на конференции я упомянул, что в Советском Союзе всё может стать дефицитом, вот сейчас, например, из магазинов пропали мужские носки, мне подарили пару носков, а также отвели в торговый центр, чтобы приодеть.

Здесь следует сделать отступление. В недрах Минфина РСФСР в это время лежали облигации внутреннего займа, доставшиеся Б. Фёдорову от прежнего министра. С ними следовало что-то делать. У Фёдорова, с которым мы поддерживали связь, появилась идея создать фондовую биржу для реализации этих бумаг (Сбербанк на эту авантюру идти не захотел). Других доходов в ближайшее время он не видел, т. к. тогдашние республики напрямую налоги не собирали, это делал Минфин Союза, а республиканские бюджеты получали трансферты из союзного.

Как организовать биржу никто не знал. В результате мне дали задание выяснить это у буржуев. Фёдоров сел и написал рекомендательное письмо, в котором назвал меня советником министра финансов.

В Виннипеге и Торонто я посетил местные биржи и Комиссию по ценным бумагам провинции Онтарио. Найдя в справочнике «Жёлтые страницы» телефоны, я позвонил туда, представился и, ни на что особо не надеясь, попросил принять меня уже на следующий день (через день я должен был улетать в Москву). К моему удивлению, через пару часов мне перезвонили и предложили

прийти на следующий день в 8:30 утра. Я побывал во всех департаментах, со мной приветливо разговаривало множество людей, отвечали на все мои вопросы, дали большое количество нормативных документов.

С небольшой сумкой с собственными вещами и другой, большей по размерам, полной бумаг, я прибыл в аэропорт. На международном рейсе я летел впервые и не знал, что за вторую сумку мне придётся доплачивать 120 или 150 долларов — невообразимые для нас в то время деньги.

Решить вопрос мог только начальник смены, к которому меня и направили. Объяснив ему, насколько нужны мои канадские бумаги молодой российской демократии, я пожаловался на некредитоспособность. В результате я услышал слова, обращённые к сотрудникам аэропорта: «Зарегистрируйте у него эту сумку и не берите с него денег». Таков был вердикт начальника смены Air Canada. Как мне потом было сказано, эта авиакомпания обычно старается помочь своим пассажирам.

Передавать бумаги мне практически было некому, Борис покидал Минфин. Меня передали «по наследству» Белле Ильиничне Златкис. Вскоре она предложила придать мне некий официальный статус, и я стал консультантом министерства.

В первой Московской международной фондовой бирже я стал членом совета директоров. Впрочем, на этапе создания Борис мне предлагал даже её возглавить. Я никак не мог себя представить управляющим таким серьёзным, как мне казалось, учреждением, а разбираться с хозяйственными и финансовыми документами — это уж совсем сложно, поэтому от греха подальше я такому искушению не поддался.

Однако мои бумаги прибыли со мной очень вовремя — они понадобились для профобразования первых брокеров и управляющих биржи.

А мой новый канадский друг Джон Локсли пригласил меня в Виннипег почитать лекции студентам во время летнего семестра 1991 года по теме «Экономические и политические преобразования и их последствия в Восточной Европе и СССР». Интерес к происходящему в нашей стране тогда был огромный.

Мой курс закончился в августе 1991 года, как раз незадолго до известия о создании в Москве ГКЧП.

Хождение в виртуальные миры

Первая российская фондовая биржа — Московская международная фондовая биржа — была создана 5 ноября 1990 года. Среди 24 её учредителей были Министерство финансов РСФСР и СССР, совместные предприятия. Уставной фонд в момент создания составлял 10 млн рублей (1 тыс. акций по 10 тыс. рублей). Все акции распределены между учредителями.

Возглавил её Андрей Захаров, меня Белла Златкис (тоже член совета) определила в совет директоров, т. к. ей ходить на его заседания было некогда.

Однажды, когда я приехал на биржу за документами, Захаров взялся показать мне своё хозяйство. Первое, что я увидел, была толпа молодых людей, преисполненных сознанием своей важности. Впрочем, это не мешало им не понимать, чем же именно они заняты, что они должны делать. Где заканчивается театр и начинается реальность, кажется, никто там тогда не понимал.

Один из действующих (или изображающих действо) товарищей обратился к своему начальнику: «Господин Захаров, нам предлагают выставить на торги американский вексель. Можем ли мы по правилам биржи это сделать?»

Надо сказать, что слово «господин» тогда ещё было непривычно, оно органично воспринималось лишь в фильмах про дореволюционную Россию.

Андрей на минуту задумался и отфутболил вопрос: «А вот у нас есть член совета директоров, представляющий Министерство финансов, пусть он и решит».

После нескольких секунд состояния остолбенения от груза неожиданно опрокинувшейся на меня ответственности, я глубокомысленно, на ходу вспоминая, что изучал ещё в финансовом институте в курсе «Денежное обращение и кредит капиталистических стран», поведал коллегам: «Надо предварительно выяснить, чей это вексель, простой он или переводной, каковы удостоверяющие его подписи».

Что может делать этот вексель на московской бирже и является ли он вообще ценной бумагой, торгуемой на бирже, я представления не имел, поэтому добавил: «А у вас векселя-то допущены ли к обращению?»

Настало время задуматься Захарову и, выигрывая время, он ответил: «А это надо смотреть в наши документы».

В результате при мне этот вопрос решён не был, но я, продемонстрировав свою осведомлённость, осознал, насколько всё окружающее зыбко и неясно в этом полуфантомном образовании, называемом ММФБ.

Биржи в то время размещались во временных помещениях, арендовали их на полгода, в крайнем случае, месяцев на девять. Долгосрочных договоров никто не заключал, потому что цены менялись каждый день, в том числе и в долларах, и даже формулу цены прописать было сложно.

Все норовили не заплатить за последний месяц аренды. В частности, так поступило руководство несостоявшейся РФБ, которая арендовала помещение в бывшем Госкомцен. Ответственный за аренду представитель комитета мне жаловался: «Вот сволочи, понимают, что из-за одного месяца я с ними судиться не буду!»

Московская центральная фондовая биржа (МЦФБ), учреждённая в ноябре 1990 года Эдуардом Теняковым, долго пыталась восстановить старинный дом на Куйбышевском проезде (ныне Богоявленском переулке). Однако разорилась биржа быстрее, чем были осуществлены реставрационные работы. Виной тому рискованная торговля опционами.

Эдуард Теняков был знаковой фигурой того времени — сопредседателем Межрегионального биржевого совета и Конгресса бирж СССР, сопредседателем Межбанковского биржевого совета при Верховном Совете РФ. В 1990 году стал первым президентом МЦФБ. Он был фактически единственным арестованным 19 августа 1991 года. После того как его освободили, в ноябре оставил пост президента МЦФБ, создав Челябинскую универсальную биржу у себя на родине. Говорили, что его выдавил из Москвы другой биржевик — президент РТСБ Константин Боровой, имевший в новых властных структурах хорошие связи. Два медведя в одной берлоге не уживаются.

После этого МЦФБ ушла на вторые роли и стала зарабатывать в основном организацией семинаров. Этим на бирже заведовала первая жена народного депутата России, председателя Комиссии по бюджету, планам, налогам и ценам Совета Республики Верховного Совета России Александра Починка. На базах отдыха в Подмосковье учебный отдел МЦФБ собирал по 100–200 человек, а преподавате-

ли приезжали читать им лекции. Я тоже несколько раз сподобился, зарабатывая там значительно больше, чем за месяц в Минфине. Такими же учебными семинарами занималась и Российская фондовая биржа, которую пытались организовать при РТСБ. В результате ничего не зарегистрировали. Организаторы расписали грандиозные планы. Помню, как мне показали комнату и сказали: «А здесь будет располагаться маклериат». На мой недоумённый вопрос: «А что это такое?» — кто-то из сотрудников, гордый своими сокровенными знаниями, отвечал: «У нас здесь будут располагаться маклеры!» Путаница с терминологией тогда была жуткая, и американский вариант «брокеры» ещё не победил немецких «маклеров».

О влиянии ликвидации дефицита на развитие фондового рынка

В Минфине, как уже говорилось, я трудился в управлении государственных ценных бумаг и финансового рынка Министерства финансов РФ и одно время на нас повесили функцию регистрации новых юридических лиц (то, чем сейчас занимается налоговая служба). Все инициативщики приходили к нам, и мы их чуть ли не вручную вносили в какие-то списки.

Но главной задачей, стоявшей перед нами, было написать нормативный документ, хотя бы как-то описывающий процесс регулирования фондового рынка.

Вначале появился совсем короткий текст, страницы на четыре. С нашей стороны его готовили мы с Андреем Воровским и замначальника управления Михаилом Антоновым, со стороны Банка России — Андрей Козлов, по очереди внося правки в расширяющийся документ. О чём-то споря, с чем-то соглашаясь.

Однажды, когда я в метро ехал на работу, у меня возникла мысль, что у нас совсем не определено, кто такие участники фондового рынка. Мы уделяли много

*Воровский Андрей Викторович —
выпускник 1989 года*

*Антонов Михаил Вениаминович —
выпускник 1973 г.*

*Козлов Андрей Андреевич —
выпускник 1989 года*

Является вексель вообще ценной бумагой, торгуемой на бирже, я представления не имел, поэтому добавил: «А у вас векселя-то допущены ли к обращению?»

внимания процессу выпуска ценных бумаг, эмитентам, упуская тех, кто организует саму торговлю. Определение «посредник» в тексте уже появилось, но то, что они бывают разные, не отмечалось.

Тогда прямо в поезде без долгих размышлений удалось набросать несколько строчек. Так в моей голове появились брокеры, из которых выросли инвестиционные брокеры, появились инвестиционные компании, консультанты... Список действующих лиц рос на глазах.

Все мои заметки, написанные буквально на коленках в метро, были приняты и без лишних обсуждений вошли в итоговый документ.

В конце ноября 1991 года нас с этим документом стали подгонять, его пора было принимать. Как первый документ, расставляющий некие вехи, он нам казался готовым. Он огораживал поле фондового рынка и обозначал некие правила работы на нём, обозначая, где находятся ворота в возводимом заборе.

Аналогичный документ родил и Госбанк СССР. По большинству вопросов у нас не было серьёзных разногласий. Главным камнем преткновения было участие банков на рынке ценных бумаг. Мы в Минфине считали, что банки должны создавать для этого дочерние компании и регистрировать их в Минфине, наши коллеги хотели дать банкам право участвовать напрямую. Наши аргументы, что это рискованно, вспомните 1929 год в США, отвергались заявлением: «Ничего страшного не произойдет, Госбанк введёт ограничения, банки обязательно будут создавать резервы в размере стоимости приобретённых бумаг».

Тогда ещё действовал американский Закон Гласса — Стиголла, принятый в 1933 году в годы Великой депрессии, на который мы ссылались. Кстати, отмена его в 1999 году стала одной из причин банковского кризиса в США в 2008-м.

К тому же Минфин не желал упускать возможность самостоятельно регулировать этот рынок, не отдавая эти прерогативы более влиятельной тогда банковской системе.

В конце концов оба наших варианта попали в профильный отдел нового российского правительства, уже перебравшегося в бывшие помещения ЦК КПСС на Старой площади. Нам назначили встречу.

Встретил нас энергичный заведомом средних лет и его заместитель, представлявший собой, как мне тогда показалось, почти кари-

катурный образец заматерелого советского чиновника — в мешковатом костюме, с брюшком и хитрым взглядом человека, видящего тебя насквозь.

Из нашей команды на встречу не смогла прийти Белла Ильинична Златкис, Козлова не сопровождал его начальник Дмитрий Владиславович Тулин. Так, что

*Белла Ильинична Златкис —
выпускница 1970 года*

*Дмитрий Владиславович Тулин —
выпускник 1989 года*

спорить нам предстояло в прежнем рабочем составе, без руководства. Андрей Андреевич настолько горячился, что у меня вкралось сомнение — может, он так уверен, потому что знает что-то, что мне неведомо?

Понаблюдав наши столкновения, не приближающие решение вопроса, опытный чиновник предложил нам сделать перерыв и выпить в буфете кофе. Это был хитрый шаг. Дело в том, что в магазинах тогда было шаром покати.

Вид витрин правительственного буфета покорила нас: мы увидели залежи сосисок, порционное масло, бутерброды с сыром, колбасой, зелёный горошек... Всё, что мы в магазинах давно уже не видели.

Сопровождавший нас чиновник, видя нашу реакцию и, очевидно, на нее и рассчитывавший, решил нас убить до конца. Он предложил всё это богатство купить себе домой, порадовать семью. На вопрос: «А сколько можно взять?» — отвечал, как в известной миниатюре, исполненной Ильченко и Карцевым: «А сколько вам нужно, столько и покупайте!» Столько, сколько нам надо было, мы взять из-за ограниченности личного бюджета не могли. Растерявшись, я ограничился половиной килограмма сосисок.

Дальнейшее обсуждение проходило вяло, спорить уже не хотелось. Чиновник явно на это рассчитывал и предложил зафиксировать разногласия в протоколе, в дальнейшем взяв на себя задачу урегулировать все спорные вопросы. При этом он дал нам понять (или мне так показалось), что банки действительно не стоит включать в работу напрямую.

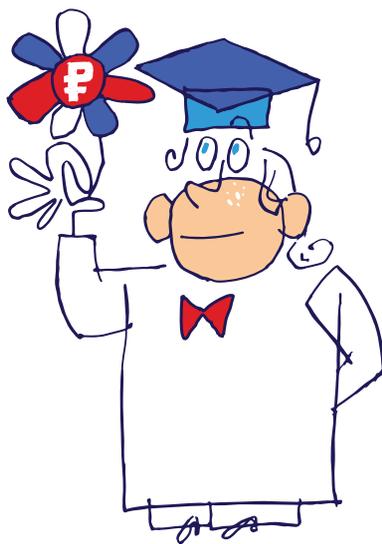
Почти месяц я прожил с чувством одержанной победы, тем более что, принеся домой сосиски, ощутил в тот же вечер гордое состояние добытчика.

Байки от...

Перед Новым годом я встретил на улице своего нового знакомого, он радостно сообщил мне, что наш документ подписан и ему присвоен номер 78. От него же я узнал, что Госбанк своего добился, наш вариант не принят, и менять уже никто ничего не будет.

«Положение о выпуске и обращении ценных бумаг и фондовых биржах в РСФСР» было утверждено Постановлением Правительства № 78 от 28 декабря 1991 года. Этим документом в России была разрешена бездокументарная форма обращения ценных бумаг, позволяющая развивать инфраструктуру рынка с взаимосвязанными биржевыми и внебиржевыми площадками, клиринговыми организациями, депозитариями и реестродержателями.

Рано мы радовались!

НИНА ЯКОВЛЕВНА БАКАНОВА
Выпускница 1978 года

*Сотрудница Внешторгбанка СССР, начальник
отдела Международного московского банка. Ныне —
начальник управления ЮниКредит Банка.*

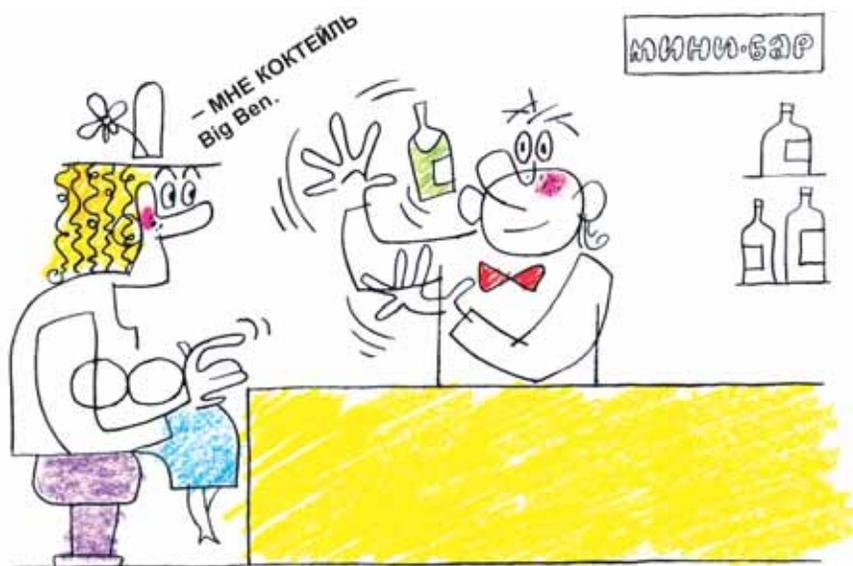
Про шампанское и англичанина в подвале

Как-то раз секретарь правления Ирочка Талепорос пришла на работу в джинсах или брюках, которые наш председатель Владислав Борисович Судаков терпеть не мог. А тут, как нарочно, какие-то иностранцы прибыли на переговоры, готовилось

Владислав Борисович Судаков — выпускник 1970 года

к подписанию важное соглашение. Надо было срочно спасти ситуацию: кто-то должен был после подписания документов внести фужеры с шампанским. Обычно это делала Ирина, в этот раз попросили меня, так как я была одета прилично — в платье. Помню, что я очень волновалась и ждала, когда же меня позовут, но переговоры затягивались, поскольку у сторон возникли разногласия. Я же ждала-ждала и решила заранее разлить шампанское по фужерам, чтобы, когда настанет нужный момент, быть готовой. Но проходит ещё какое-то время — тишина. Тогда я решила проявить инициативу и внести поднос с шампанским в комнату, где проходили переговоры, без сигнала, потому что шампанское в фужерах уже выдыхалось. И вот, когда в самый разгар переговоров я неожиданно, ни с того ни с сего, вошла в зал с подносом... разразился общий хохот. Тем самым я разрядила атмосферу, напряжение спало, и между сторонами было найдено приемлемое решение. Документы тут же были подписаны, и все, удовлетворённые, распили шампанское!

...В октябре 1990 года Международный московский банк переехал в собственное здание, которое находилось в самом центре Москвы — в проезде Художественного театра (ныне Камергерский переулок). Собственно, там во дворе было два двухэтажных здания, мы размещались в одном из них. Нашему счастью не было предела — наконец-то мы имеем собственный дом. Никогда не забуду, как нам выдали фломастеры, стикеры, степлеры — по тем временам экзотику. После унылых папок, сшитых верёвками, скоросшивателей, дыроколов и грубых скрепок они производили неизгладимое впечатление. Я уже не говорю про современную мебель и невиданные ранее компьютеры. Сейчас мы такие привычные вещи даже не замечаем, а тогда нас охватил настоящий восторг! Кроме того, у нас появилась своя столовая, где потрясающе кормили, на обед мы ходили каждый

Другая наша сотрудница, отправляясь в заграничную командировку, настойчиво спрашивала: «А мы в Лондоне пойдём в мини-бар?»

Байки от...

день как на праздник. В этом здании довольно долго с нами продолжали работать английские специалисты из Сканбанка, помогавшие отлаживать новую операционную систему. С ними все очень подружились. Вспоминается удивительный случай, когда одного из этих специалистов приблизительно в 11 часов вечера, во время закрытия операционного дня, вызвали в банк в связи с какой-то технологической проблемой. Проживал он в пяти минутах ходьбы от банка, в гостинице «Метрополь», но боялся поздно вечером выходить на улицу, поэтому поехал к нам на такси. Проходит час — англичанина нет. Наша сотрудница в тревожном ожидании выходит на крыльцо, во дворе — темнота, и в это время она слышит зов о помощи. Оказывается, таксист остановил машину во дворе прямо у входа в банк, англичанин вышел из правой двери такси и угодил в глубокий, не закрытый решёткой подвал, находящийся напротив здания банка. Во дворе было так темно, что таксист даже не заметил, куда делся его пассажир, закрыл дверь машины и уехал. Пришлось нашей хрупкой девушке вытаскивать англичанина из ямы. К счастью, никто не пострадал. Напомню, что всё это происходило в двух шагах от Кремля.

В начале 90-х годов у сотрудников операционного управления была обязательная практика за границей (на Свифте, в банках-акционерях). Для многих из них такие выезды были первыми в жизни, и мы вместе смеялись над их рассказами после возвращения. Примером могут служить следующие случаи: одна из наших коллег попала впервые в Париж и решила зайти в бар, глотнуть иностранной жизни. Бармен спросил её, что она желает, на что получил совершенно советский ответ: «А что у вас есть?» Удивлённый бармен, показав на барный стенд, естественно, ответил: «Всё!» Другая наша сотрудница, отправляясь в заграничную командировку, настойчиво спрашивала: «А мы в Лондоне пойдём в мини-бар?» Про мини-бар она слышала от сотрудников бухгалтерии, которые предупреждали перед отъездом, что мини-бар в отеле оплачивается за свой счёт, но она не знала, что это такое. В Лондоне ей, конечно, мини-бар показали.

АНДРЕЙ ВИКТОРОВИЧ ЗВЕРЕВ **Выпускник 1978 года**

В 1980-х годах работал в Госбанке и Госплане СССР. В 1990–1992 годах — замминистра финансов РСФСР, руководитель бюджетного управления Межгосударственного экономического комитета (МАК), затем работал в аппарате Правительства РФ, в руководстве ряда ведомств и компаний, ныне — торгпред РФ в Германии. Известен тем, что в конце августа 1991 года был прислан «комиссаром» в Госбанк СССР заменить «ненадёжного» Геращенко. Пробыл председателем три дня.

Часы на ноге, пистолет за поясом

Совет директоров Московского банка экономического сотрудничества собирался раз в год поочерёдно в разных странах-учредителях. В 1982 году заседание проходило в Москве в здании МВЭС на Кузнецком Мосту. За большим круглым столом сидели руководители центральных банков стран — членов СЭВ, члены делегаций. Сзади пристроились эксперты, консультанты и переводчики, среди которых восседал и я. Это был мой первый совет директоров, и всё было очень интересно. Часу на втором заседании, когда уже стало ясно, все впечатления зафиксированы, я стал наблюдать за присутствующими. Любопытно было смотреть на дремлющего президента Национального банка Монголии, интересных венгерок и полячек из состава экспертов делегаций их стран, смуглых кубинок и раскосых вьетнамок. Едва я отвёл взгляд от очередной делегации и посмотрел на часы — сколько там до кофе-брейка, взгляд мой упал на ноги председателя Госбанка СССР Владимира Сергеевича Алхимова, торчавшие под стулом передо мной. Я слегка подивился увиденному: на щиколотке левой ноги, из-под задравшейся брючины виднелись часы. Обычные часы на ремешке! Я зажмурился и глянул ещё раз: точно, часы. Я толкнул локтем соседа и скосил глаза на ноги Алхимова. Тот посмотрел и тоже, мягко говоря, удивился. Мы встали и вышли покурить, а заодно обсудить ситуацию. «Он, может быть, заболел, а на руке носить не может, — предположил мой коллега. — А может, это последствия войны, контузии...» — рассуждал он. Не придя к единому мнению, мы потихоньку вызвали на перекур нашу начальницу — Нину Николаевну Солдатову, ведущую в банке весь блок социалистических стран.

Подготовив её соответствующим образом, мы подвели Нину Николаевну поближе и показали на ногу Владимира Сергеевича. Солдатова сделала вид, что не удивилась, хотя это ей удалось с трудом. «Подумаешь, часы на ноге, — не совсем уверенно сказала она, — может, ему так удобнее...» — «Что удобнее, время смотреть?» — спросил я. — «Вряд ли...» — «Вряд ли, вряд ли, — передразнила Нина Николаевна, — ладно, в перерыве попробую спросить». Еле дождавшись перерыва, мы почти подбежали к Алхимову, который мирно курил и пил кофе. Стоявшая рядом с ним Солдатова долго мялась, не решаясь задать вопрос. Мы подталкивали её взглядами. Наконец она решилась.

«Владимир Сергеевич, — глядя ему в глаза спросила она, — скажите, а почему у вас на ноге часы?» Мы замерли. Алхимов посмотрел на неё, на нас, нахмурился и произнёс: «Дураки, это не часы, а шагомер. Врачи повесили, чтобы померить, сколько шагов я в день прохожу. А вы что, подумали, что я чокнулся? Не дождётесь!»

Уволите — перестреляю!

Было забавно вначале наблюдать за поведением новоиспечённых министров на заседаниях правительства и на различных совещаниях. Зампреьера Инга Ивановна Гребешева, отвечавшая за «социалку», постоянно требовала денег — на больницы, школы, пенсии, пособия и т. д. Борис Фёдоров с Григорием Явлинским её осаживали — «денег нет, кроме тех, что в бюджете». Это Гребешеву не останавливало. Её поддерживали другие министры — В. И. Кисин (промышленность), Г. В. Кулик (сельское хозяйство). На одном из заседаний правительства, на котором мне пришлось докладывать о финансировании летнего отдыха детей, я сообщил членам Кабинета, что денег в бюджет на эти цели не предусмотрено. Гребешева мгновенно потребовала моего увольнения, и только Иван Степанович взял меня под защиту. «Инга Ивановна, всех поувольнять — недолго. А с кем работать будем?» Ещё одним вице-премьером был Юрий Владимирович Скоков. Он любил по вечерам собирать многочисленные совещания человек на 25–30, приглашая руководителей всех министерств и ведомств. «Посиделки» начинались часов в 8–9 вечера и продолжались «до последней капли крови». Иногда к полуночи Скоков выдыхался и переносил заседание на следующий день или его вызывал вдруг Силаев, и мы потихоньку разбегались. При этом было неясно, зачем Скоков нас приглашает, — совещания в основном состояли из бесконечного соло Юрия Владимировича ни о чём и обо всём. Вообще Ю. В. Скоков вызывал у меня какое-то смутное чувство опасности: он был явно не в себе. Мои предчувствия подтвердились после того, как на одном из «узких» совещаний у Силаева премьер выразил явное недовольство своим заместителем и сказал Скокову несколько неллицеприятных слов.

Юрий Владимирович побелел, вскочил на ноги и, отодвинув в сторону полу пиджака, показал Силаеву и всем нам кобуру с торчавшим

из неё пистолетом. «Уволите — перестреляю! — прошипел вице-премьер. — Мне терять нечего!» Мы все буквально онемели. «Да что ты, Юрий Владимирович, — попытался успокоить его Силаев. — Никто тебя увольнять не собирается! Чего ты разволновался!» — «Волноваться надо вам всем, а не мне», — торжественно заявил Скоков и, повернувшись, бодро вышел из кабинета.

29 августа 1991 года закончилось моё «комиссарство» в Госбанке СССР. Я с облегчением завершил свою деятельность и попросил пригласить В. В. Геращенко ко мне. Он прибыл довольно быстро, как будто ждал вызова в соседних Сандуновских банях. Мы попили с ним чаю, я вернул ему ключи от сейфа и с чувством выполненного долга вышел из здания Госбанка СССР, пересёк Неглинную улицу и вскоре сидел в своём, ставшем уже привычным кабинете в Министерстве финансов РСФСР. Здесь за несколько дней моего отсутствия накопилось много дел, и ими мне предстояло всерьёз заняться. Последствия августовских событий ещё долго будут давать о себе знать. Тогда же, осенью 1991 года, была создана комиссия по расследованию последствий путча. Правда, поскольку сотрудникам союзных МВД и КГБ веры уже не было, в комиссию пригласили следователей со всей страны. В качестве свидетеля вызывали и меня. По эпизодам, связанным с Госбанком СССР, дело вёл молодой старший лейтенант, вызванный из Донецка. Придя к нему в первый раз, я увидел на столе учебники по денежному обращению, кредиту и финансам. Следователь, проследив мой взгляд, признался: «А что делать! В Донецке я специализировался на убийствах, а тут поручили разобраться с Госбанком! Приходится на ходу учиться!» — «Да, трудновато тебе будет с Гераклом!» — сказал я. «А кто это? Кто это такой Геракл?» — спросил он. «Скоро узнаешь! Он тебя научит азам денежного обращения и кредита», — «порадовал» я его.

Как Франция потеряла часть суверенитета

Но однако вернёмся к Межгосударственному экономическому комитету (МЭК). Во главе МЭК стоял первый председатель российского правительства Иван Степанович Силаев, а я был одним из членов его команды, наряду с уже хорошо мне знакомыми Е. Ф. Сабуровым, И. Т. Гавриловым, А. А. Захаровой, С. Г. Гучмазовым и многими други-

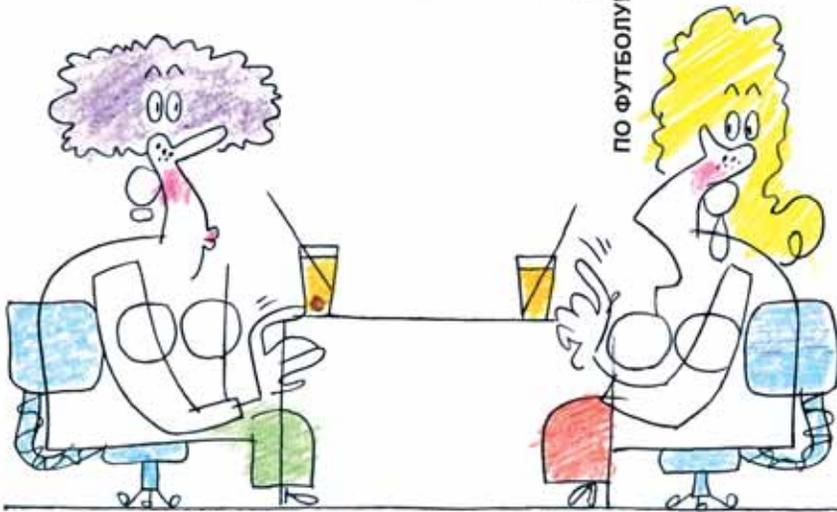
ми. Мы разместились на Пушкинской улице в здании, где сейчас находится Совет Федерации Федерального собрания РФ. В ноябре усиленно верстали проект бюджета на 1992 год, учитывая произошедшую трансформацию в органах власти, прежде всего в сфере распределения функций и полномочий между Центром и союзными республиками. Надо сказать, что процесс шёл трудно, с большими разногласиями. Каждая из республик — будущих участниц ССГ (Союза Суверенных Государств) считала МЭК мало эффективной структурой и старалась ограничить его функции. Предполагалось, что на и надгосударственный уровень будут переданы только вопросы (и соответствующее финансирование), представляющие взаимный интерес, — оборона, безопасность, часть валютных функций, некоторые другие. По некоторым задумкам МЭК должен был заниматься и межбюджетными отношениями, субсидиями и дотациями отстающим регионам. Заседания МЭК происходили там же, в здании на Пушкинской. В большом зале собирались представители всех республик, члены МЭК, а во главе стола восседал И. С. Силаев. Обретшие неожиданно свалившуюся на их неокрепшие головы свободу представители республик вели себя, мягко говоря, некультурно. А прямо выражаясь, это был паноптикум малограмотных мужчин и женщин, всплывших в своих местечках из пены, взмыленной перестройкой, путчем и прочими явлениями нашей тогдашней жизни. В их мозгах отчего-то внезапно сформировалось стойкое неприятие всего «наднационального», они вдруг стали пламенными патриотами и защитниками интересов отсталых окраин. При этом более всего меня забавляла скорость, с которой на их смиренных и не очень лицах появлялись надменность и важность, голоса их становились гортанными и громкими, глаза частенько устало прикрывались, а руки с трудом поддерживали клонящиеся к столу, переполненные государственными думами «умные» головы. Интересно, что таким же трибуном и рателем интересов страны стал и полномочный представитель Российской Федерации В. М. Машиц (министр России по делам СНГ), который, выходя к трибуне, каждый раз представлялся не иначе как «министр Машиц». Его лицо, отравленное последствиями известных излишеств, выдавало наличие и других интересов, в основном сконцентрированных в районе шкафов водочного подразделения местного буфета. В это время, если помните, почему-то нас заставили коверкать русский язык и произносить некоторые географические названия на местный лад: не Таллин,

как это было всегда, а Таллинн, не Башкирия, а Башкортостан, не Алма-Ата, а Алматы и т. д. Всегда хотелось узнать, кто конкретно выдумывает такие нововведения, кому в башку приходят такие «мудрые» мысли? Но к сожалению, мне не довелось докопаться до этих гениев словесности, хотя подозрения имеются. На одном из заседаний МЭЖ я, используя принятую сегодня терминологию, докладывал проект бюджета и, называя получателей бюджетных средств, объявлял республику так, как меня научили с детства — Молдавия, а не Молдова, Белоруссия, а не Беларусь и т. д. Когда подошло время задавать вопросы, поднялся со своего места представитель Киргизии и заявил: «По бюджету вопросов не имею. А вот почему господин Зверев коверкает название моей страны, мне непонятно. Неужели вам неизвестно, что отныне мы никакая не Киргизия, а Кыргызстан? Пора запомнить!» Он гневно посмотрел на меня. «Не знаю, не знаю, — ответил я. — Я считаю свой язык вполне грамотным и называю вещи своими именами. Вы, уважаемый представитель Киргизии, можете называть свою республику, её населённые пункты, горы, реки и улицы на своём языке как вам заблагорассудится. А мы уж как-нибудь по-русски сами всё назовём. Кстати, по-французски их столица называется “Пари”, а по-русски — Париж. И французы на нас не обижаются». — «Иван Степанович! — вскочил мой оппонент с места. — Это возмутительно! Я объявляю протест!» — «А я объявляю перерыв», — устало произнёс Силаев. «Ты, Андрей Викторович, понежнее с ними, — увещевал меня в перерыве за чаем Иван Степанович. — Видишь, как у них всё запущено. Кыргызтсон, тьфу ты, Кыргыз... ну, в общем, как они там. Смотри, ещё письменный протест пришлют! Ну их к лешему!»

О роли грамотности для карьеры

В 1995 году в Белом доме проходило большое совещание по подготовке к зиме. Пригласили министров, губернаторов, депутатов. Присутствовали и мы — работники аппарата правительства. В зале находились не только мужчины, но и женщины. Это важно для дальнейшего восприятия рассказа. В. С. Черномырдин пришёл на совещание в хорошем расположении духа. Это было видно по всему: он не вошёл в зал, а влетел, словно несомый тёплым

– ДЕРЖУ ПАРИ, ЧТО ФРАНЦИЯ БУДЕТ
ЧЕМПИОНОМ МИРА

– НУ ТЫ. МАША, КАК НАСТОЯЩАЯ
ФРАНЦУЖЕНКА,
ПАРИЖ
НАЗЫВАЕШЬ –
ПАРИ!

«Кстати, по-французски их столица называется "Пари", а по-русски — Париж. И французы на нас не обижаются».

сентябрьским ветерком воздушный шар. Он что-то весело вполголоса накоротке обсудил с сидевшим рядом с ним заместителем О. Н. Сосковцом и открыл совещание. Начал выступать кто-то из основных докладчиков. ЧВС (так за глаза называли премьера), казалось, слушал выступавшего невнимательно, щурился на пробивавшееся сквозь высокие шторы на окнах солнечные осенние тучи, чему-то улыбался. Лишь иногда он сводил брови, поворачивал голову к трибуне и строго, поверх очков, оглядывал зал. Однако добродушный настрой брал своё, и едва доклад был закончен и пришло время переходить к дискуссии, Виктор Степанович, не давая увлечь себя нудными вопросами, кто и сколько топлива должен завозить на Север, вдруг ударился в воспоминания. «Давно это было. Году этак в 66–67-м, — начал он издали. — Тянули мы газовую ветку из пункта А в пункт Б. Ветка была секретная, знать детали вам не положено». Степаныч снял очки и лукаво посмотрел на нас: оценили ли юмор. Мы юмор оценили: все вежливо захихикали, а губернатор Московской области А. С. Тяжлов и вовсе расхохотался на весь зал и долго качал головой — вот, мол, ведь удачно премьер сострил. Надо сказать, что Анатолий Степанович всегда был излишне (как бы помягче сказать), комплиментарен по отношению к руководству. Будучи человеком глубоко поражённым национальной русской болезнью, постоянно получавший упрёки за чрезмерное употребление, он пытался сгладить проблему излишней восторженностью и вознесением своих начальников до небес. Тем временем Степаныч, плывя по волнам своей памяти и размахивая очками, вспоминал сибирские морозы, пар изо рта, стыки газовых магистралей, компрессорные станции и вообще радость трудовых будней добытчиков «голубого золота». Народ слушал вполуха, у всех было полно дел, но все делали заинтересованный вид, кивали головами и в нужных местах улыбались или даже начинали смеяться. ЧВС уже подошёл к концу своего повествования, и пора было вновь обратиться к завозу топлива на Север, но вдруг в Тяжлове проснулось чувство благодарности за то, что Степаныч спускает ему его грехи, и он, слегка привстав со своего места, почувственным голосом сказал: «Виктор Степанович, ну до чего вы нам всё это интересно рассказали, и про стыки, и про пар, и голубое золото... Душа радуется! Как хорошо-то вы, Виктор Степанович,

для всех нас, — подмосковный губернатор окинул взглядом притихший зал, — да что там для нас — для всей страны, да и для зарубежья — ближнего и дальнего, — он взмахнул рукой. — Вы для всего мира самый квалифицированный, опытный, самый уважаемый газовщик», — торжественно закончил фразу Тяжлов. Слушавший его слегка морщившийся Черномырдин вдруг на последнем слове встрепенулся, глаза его вспыхнули молниями, очки отлетели куда-то в сторону. Он побагровел, тяжело поднялся из кресла и приглушённо спросил: «Что ты сказал?» Тяжлов замер. Все сидящие в зале тоже застыли в оцепенении в ожидании чего-то ужасного. «Что ты сказал, твою мать, повтори», — уже громче зарычал Степаныч. Показалось, что это даже не Степаныч, а какой-то бог-громовержец с Олимпа, который сейчас испепелит беднягу Тяжлова всепоглощающим огнём. Оставалось только узнать, за что падёт губернатор и будет ли страдать или, так сказать, сразу, без мучений. «Я сказал, — запинаясь промямлил Тяжлов, — что вы, это... ну как его, самый-самый газовщик...» ЧВС не дал ему закончить фразу: «Какой я тебе, тра-та-та, газовщик! — взревел премьер. — Ты что, охренел от выпивки! Нашёл газовщика!» Виктор Степанович бешеновался и матерился, не обращая внимания на присутствовавших дам и вообще ни на кого. «Газовщик! — с драматическими интонациями воскликнул он. — В словарь загляни сначала, а потом газовщиков ищи». Тяжлов сидел растерянный. Что он такого сказал? Ведь хотел как лучше, а получилось... Дождавшись секундной паузы в потоке брани Степаныча, он тихо спросил: «Виктор Степанович, скажите, а кто же вы?» — «Кто?! — Гордо поднял голову Черномырдин. — Кто я такой, ты спрашиваешь? — переспросил он. — Запомни на всю жизнь, — Степаныч поднял указательный палец, — газовщики — в ЖЭКе, а я — ГАЗОВИК». После этого с чувством выполненного долга он покинул зал заседания.

Пусть поляки трезвее будут

Первый раз мне пришлось пообщаться с председателем правления Госбанка СССР Владимиром Сергеевичем Алхимовым, когда я поехал к нему в подмосковную Барвиху, в санаторий, где он

в то время отдыхал. Мне надо было подписать у него важную бумагу для польского правительства. В Польше в то время творился полный бардак, и на новый 1982 год СССР посылал им несколько эшелонов с водкой, шампанским и соответствующей закуской. Мы же были интернационалистами и не могли позволить польскому рабочему классу пропасть на Новый год. Пусть немного повеселятся! Письмо готовили в спешке, времени было в обрез. Смысл был в том, что мы им — водку и шоколад, а они нам — уголёк. Поэтому свою позицию мы сформулировали так: на Новый год гуляйте, а потом расплатитесь — по 5 млн тонн угля в год. Визы были собраны у всех, у кого было можно и у кого нельзя. Были учтены все министерства, ведомства и всевозможные конторы. Вошёл я в люкс Владимира Сергеевича вместе с заместителем председателя госбанка Валерием Александровичем Пекшевым. Алхимов тепло с нами поздоровался, поздравил с наступающим Новым годом, предложил чай, а сам стал читать письмо. Вдруг его брови удивлённо поднялись, и он спросил нас: «А вы сами-то читали, что мне привезли?» — «Да, Владимир Сергеевич, — быстро ответил Пекшев, — по стоимости товарные поставки сбалансированы, водка и шоколад на уголь — это нормально. Щадов (министр угольной промышленности СССР) завизировал». Алхимов глянул на визовый экземпляр, испещрённый подписями и заметил: «До чего же вы щедры, ребята. Я, конечно, понимаю интернационализм, но не до такой же степени!» — Владимир Сергеевич закурил, протягивая нам письмо. Мы с Пекшевым прочитали и едва не рухнули на пол: вместо «5 млн тонн» в нём было напечатано «5 тонн». Как это получилось? И почему пара десятков человек, визировавшие текст, не обратили на это внимания?! Алхимов был в хорошем настроении: «Ладно, дуйте исправлять, но сегодня больше не приезжайте — у меня процедуры. Пусть поляки свою водку получают на день позже — трезвее будут».

Кроме таджиков и узбеки у нас есть

В Минфине РСФСР я работал с квалифицированными кадрами, отличными специалистами. Многие прекрасно разбирающиеся

ся в своём деле люди работали и в других «смежных» ведомствах, прежде всего в Минэкономике РФ: Юрий Георгиевич Ольховиков, Леонид Александрович Запальский и другие. С Л. А. Запальским меня связывала большая дружба, несмотря на разницу в возрасте — почти 25 лет. Он поработал и в Сибири, и на Дальнем Востоке, был опытным строителем. Леонид Александрович был прекрасным рассказчиком, и от него мне довелось услышать много историй и баек. Вот одна из них. В начале 60-х годов он работал в Узбекистане в тамошнем Министерстве строительства. Однажды все узнали, что к ним приезжает Н. С. Хрущёв, который посещал сразу несколько республик Средней Азии. Все стояли на ухах, готовились к приезду «дорогого Никиты Сергеевича», приготовили почётный караул, оркестр, пионеров и, конечно, хлеб-соль. Наконец самолёт с Никитой приземлился, он появился на трапе, и тут Леонид Александрович профессионально определил, что руководитель пьян. Его под руки спустили с трапа и повели уже было сразу к машине. Но Хрущёв отмахнулся от сопровождавшей охраны и бодро направился к микрофону. Все затаили дыхание. «Здравствуйте, товарищи таджики!» — зычно произнёс Никита Сергеевич, обвёл глазами притихший народ. По толпе прошёл лёгкий ветерок. К Никите подошёл его помощник и тихо, чтобы никто не услышал, сказал: «Никита Сергеевич, вы ошиблись, это не таджики, а узбеки. Мы ведь в Ташкенте». Хрущёв гневно посмотрел на доброхота и вновь повернулся к микрофону: «Что я, слепой, что ли?! — возмущённо сказал он, и продолжил: — Вижу, товарищи, что кроме таджиков и узбеки у вас есть!» Тут окружение борца за коммунизм не стало дальше искушать судьбу и утащило слегка упиравшегося Никиту в лимузин.

Всё своё всегда со мной

В уже далёком 1991 году, примерно в сентябре, тяжёлая судьба заместителя министра финансов РСФСР по внешнеэкономическим связям забросила меня в Лондон. Только-только отшумел путч, запахло грозным ожиданием чего-то необычного. Такое бывает, когда чувствуешь чутьём, печёнкой или чем там ещё, что вот-вот грохнет,

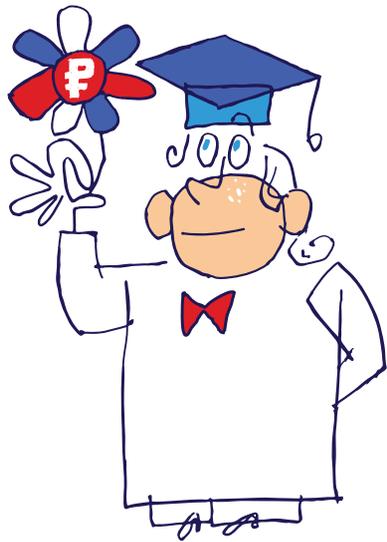
всколыхнёт, перевернёт и шмякнет. Весь живёшь как впервой, воздухом дышитесь тревожно и свежо. Так и тогда, осенью 91-го союзные министры слетели со своих постов практически все «за связь с путчистами». Остались немногие, а до заместителей пока у новой власти руки не дошли. К тому же союзное правительство возглавил И. С. Силаев, бывший до этого председателем Правительства РСФСР, оставив свой пост на и. о. — О. И. Лобова. Иван Степанович первое время существовал как бы в двух ипостасях — и союзной, и ещё частично рэсэфэсэеровской. Это было время недолгое — до Беловежской Пути — единения союзных и российских структур. Я, продолжая работать в Минфине, всё же посматривал по сторонам, понимая, что такое двоевластие, а точнее говоря, многовластие, учитывая, что союзные республики тоже почуяли свободу, долго продолжаться не может. Поэтому, наверное, для меня было вдвойне интересно поехать в Лондон на переговоры с Европейским банком реконструкции и развития. ЕБРР относительно недавно был создан, и его руководство выразило готовность обсудить вопросы кредитования и инвестиций сразу с представителями двух уровней власти — союзным и республиканским. В состав совместной делегации, которую возглавил замминистра иностранных дел СССР Эрнест Евгеньевич Обминский, вошли представители Госбанка СССР и Минфина Союза, а также мы — российские «младшие»: Валерий Телегин, бывший в то время председателем Внешторгбанка РСФСР и я. Эрнест Евгеньевич, с которым я в ту пору познакомился, был человеком весьма интеллигентным и очень обходительным и деликатным. Мне, в то время 34-летнему, он казался пожилым, хотя ему не было и 60. «Главное, коллеги, произвести на них хорошее впечатление, — наставлял он нас. — Вы все ребята серьёзные, на английском свободно говорите, про рыночную экономику много чего наговорить можете. Располагайте их к себе, пусть кредиты дают». Мы и старались изо всех сил, хотя чиновники из ЕБРР, видно по старой инерции, с нами — представителями российскими — общались неохотно и, я бы даже сказал, высокомерно. Особое внимание они уделяли нашим коллегам из союзных структур, что, впрочем, нас особо не обижало, поскольку мы были приучены к субординации и, говоря сегодняшним языком, вертикаль власти блюди. Вечером, вернувшись в гостиницу в районе Гайд-парка и, поужинав в дружеской обстановке со слегка чокнуты-

ми представителями Альбиона, отправились спать. Я посмотрел немного телевизор и заснул с чувством выполненного долга. Проснулся от того, что в номере громко орала сирена. Вначале ничего не понял — темно, на часах около четырёх утра. Встал, подошёл к входной двери и прислушался: там тоже орала сирена и слышался невнятный шум — какие-то голоса, топот и прочие неразличимые звуки. Тихо приоткрыл дверь и увидел картину: люди, некоторые одетые наполовину, кто с сумками, кто накрытый одеялом, шли к выходу, к лестнице с горящей надписью «Fire exit» — пожарный выход. Аккуратно закрыв дверь, я подошёл к окну и увидел внизу пяток пожарных машин, людей в касках, суетящихся в свете синих «мигалок» с пожарными рукавами. Стало ясно, что это не провокация западных спецслужб, а пожарная тревога. Первой мыслью было натянуть что-то на себя и бежать на волю, к бесстрашным пожарным, под их защиту. Вспомнились фильмы о горящих небоскрёбах и пылающих поездах. Однако в голове сработал невидимый выключатель — мои руки и ноги стали двигаться независимо от сигналов мозга. Поскольку электричество не работало, видимо, гостиницу обесточили во избежание ещё большего возгорания, в совершенно тёмном номере я безошибочно определил прежде всего местонахождение своих документов — паспорта, валюты и обратного авиабилета, а затем уже и брюк, рубашки, галстука и пиджака. Быстро, а главное, безошибочно одевшись — не перепутал рукава с брючинами, я взял в руки кейс с бумагами и практически строевым шагом вышел из номера, органично влившись в пёструю толпу эвакуировавшихся из отеля постояльцев. Мы спуускались по узкой пожарной лестнице под аккомпанемент сирены, при этом среди толпы можно было явно выделить приученных к дисциплине пионерских лагерей и военных сборов советских граждан — членов нашей делегации: все, как один, в строгих костюмах, галстуках и с портфелями в руках. Их руки бережно прижимали к груди содержимое внутреннего кармана пиджака — очевидно, паспорт и валюту. Контрастировали с ними безумно топочущие иностранцы: кто в чём — от нижнего белья до в спешке наброшенных одеял и полотенец. Мы вышли на улицу — ещё тёмную в это время. Во всеобщей кутерьме советские граждане собрались в плотную группу. По-видимому, вид серьёзных и молчаливых мужчин, все, как один, в костюмах и с кейсами, внушал полуодетым погорельцам уважение,

граничащее с восхищением. Иностранцы испуганно галдели, причитали и обменивались впечатлениями, причём делали это одновременно, отчего их голоса создавали причудливое птичье многоголосье. И вдруг у кого-то из наших вырвался даже не вопрос, а придыхание: «Где Эрнест?» Эрнеста среди нас не было. В голове пронеслись ужасные картинки — обуглившееся тело замминистра, нахлынули воспоминания о добром дядечке, его отеческие наставления и т. п. Взгляд выхватил из окружавшего нас столпотворения подъехавшую машину скорой помощи, отчего стало не до воспоминаний. Затем увидели человека, чем-то по силуэту напоминавшего Обминского. Но он ли это? Субъект стоял в толпе наскоро одетых кто во что людей, практически полуголых. И это был он, он, наш дорогой Эрнест, Эрнестушка! Не обуглившийся и вполне живой и здоровый, но дрожащий как лист под холодным осенним лондонским ветром, накрытый капиталистическим, практически не согревающим одеялом. И к тому же — совершенно босой! Мы радостно бросились к нему. «Эрнест Евгеньевич, — искренне ликовали мы, — где же вы были?» Каждый отдал Обминскому что-то из своего. Вот только с обувью было трудновато. Но кто-то пожертвовал несчастному свои носки и временно проблему сняли. «Эрнест Евгеньевич, как же вы так? — спрашивали мы нашего начальника. — Почему в одних трусах? Неужели вас застали врасплох?» — «Дурацкая ситуация, друзья мои, — чуть согревшись, рассказал нам Эрнест. — Услышал я сирену, подошёл к двери, открыл её и увидел, как и вы, толпу бредущих к пожарному выходу жильцов гостиницы. Но, видно, годы берут своё — неосторожно сделал шаг от номера, чтобы спросить, в чём дело, а дверь, тварь такая, взяла и автоматически закрылась. Пришлось раздобыть в хозяйственной комнате на этаже одеяло и переться к выходу вот в таком вот виде. Позор, позор!» — приговаривал Обминский. «А как же документы, валюта?! — с ужасом спрашивали мы. — Неужели остались в номере?» В самое страшное не хотелось верить. «Ну, это уж дудки, — хитро, по-ленински улыбаясь, сказал Обминский и выпростал из-под одеяла руку с паспортом и пачкой фунтов. — Это святое, это у меня всегда с собой». — «Даже в постели?» — хотелось спросить у бдительного чиновника и опытного дипломата. Но было ясно, что вопрос неуместен и даже никчёмен — у советского человека эти вещи всегда под рукой. Через десять минут мы сидели в соседнем баре и, отогре-

...Андрея Зверева

ваясь национальным шотландским напитком, обменивались впечатлениями. «А что, ребята, хорошо, что не было журналюг и фотокорреспондентов? — слегка оттаяв спросил Эрнест Евгеньевич. — Ведь сволочи сфотографировали бы меня в одних трусах на улице и поместили фотографию в газеты с заголовком: «Советский замминистра приехал в Лондон за кредитами». Вот был бы конфуз!» — озабоченно воскликнул он.

ДМИТРИЙ ВЛАДИСЛАВОВИЧ ТУЛИН **Выпускник 1978 года**

В 1990–1991 годах первый начальник управления ценных бумаг Госбанка СССР, исполнительный директор Международного валютного фонда от России, председатель правления Внешторгбанка, партнёр аудиторской и консалтинговой фирмы «Делойт и Туш СНГ». Дважды становился заместителем председателя Центрального банка России. В настоящее время — первый заместитель председателя Центрального банка России.

Как бабки делать

С появлением в июле 1990 года в Госбанке управления ценных бумаг мне были даны достаточно широкие полномочия по подготовке внутренних нормативных документов и подбору сотрудников. Их в первое время (месяца три) было целых... один! Зато какой! Выпускник финансового института Андрей Андреевич Козлов. Ещё более молодой, с ещё более «незамутнённым сознанием». Курировал нас многоопытный зампред А. В. Войлуков. Помню первые семинары-дискуссии о судьбах рынка, организуемые Андреем Козловым в здании Госбанка. Собиралась забавная публика: первые биржевики товарных бирж, не имеющие представления о фондовом рынке. В первых рядах досточтимого собрания часто сидели совсем уж колоритные фигуры — развязные молодые люди, кажется, трейдеры, торговавшие всем, включая женские колготки, на оптовых рынках. Однажды, после очередного выступления, показавшегося им заумным, один из них встал и «конкретно» заявил: «Значит так, мужики! Кончай базар! Давайте, наконец, главный вопрос обсудим: как бабки будем делать?!» Хорошо помню и одно из первых выступлений Борового, тоже в здании Госбанка на Неглинке. Только что, в начале июля 1990 года, была учреждена Российская товарно-сырьевая биржа. Константин Натанович ещё не привык к публичности. Выйдя на трибуну, он замялся, не зная, как обратиться к присутствующим в зале. Сказав: «Господа!» — он запнулся, а потом засмеялся, смутившись непривычностью нового обращения и не зная, как продолжить выступление...

*Андрей Андреевич Козлов —
выпускник 1969 года*

*Арнольд Васильевич Войлуков —
выпускник 1955 года*

Отцы российских пирамид

В начале 1991 года разразился первый большой скандал. Свои акции выпустило Межбанковское объединение МЕНАТЕП. Что в принципе было разрешено и не противоречило существовавшему

нормативным актам. Но дело в том, что юридический статус объединения был достаточно трудно определить. Оно соединяло странным образом ряд юридических лиц. Объявление в СМИ о выпуске неких ценных бумаг, названных акциями, поместило как раз это объединение. Реклама, таким образом не соответствовала реальному положению дел. Покупатели, если бы они попытались вникнуть в проблему, легко убедились бы, что покупают акции конкретных юридических лиц и не становятся «совладельцами всех предприятий, входящих в группу МЕНАТЕП», как им было обещано! В этом было расхождение в действиях руководства объединения с законодательством. В результате любое лицо могло через суд признать выпуск акций недействительным, тем самым риск покупателей и продавцов был чрезвычайно велик. Я не берусь говорить, что лица, стоящие за этой акцией, имели дурные намерения, но правовые дыры в их действиях были. Мне тогда пришлось плотно общаться с Ходорковским, Брудно, Дубовым, Лебедевым, объясняя допущенные ими небрежности. Мне удалось убедить в своей правоте также советских и российских руководителей, регулирующих деятельность новых экономических субъектов. Сделать это было нелегко, так как менатеповцы искусно маневрировали между нами. Помните, в то время шла яростная война между центром и республиками и враг моего врага практически всегда был моим другом. Тем не менее было подготовлено письмо в адрес МЕНАТЕПа с требованием прекратить распространение акций и переработать новые условия их эмиссии. Удалось добиться практически невозможного — получить подписи двух министров финансов (Павлова и Фёдорова) и председателей Госбанка СССР и ЦБ РФ (Геращенко и Матюхина)! Мы (я, Козлов и Златкис) встретились с Михаилом Борисовичем Ходорковским и всей его командой. Была приглашена стенографистка, записавшая весь разговор. Я попросил всех участников подписать сте-

*Валентин Сергеевич Павлов —
выпускник 1958 года*

*Борис Григорьевич Фёдоров —
выпускник 1980 года*

*Виктор Владимирович Геращенко —
выпускник 1960 года*

*Белла Ильинична Златкис —
выпускница 1970 года*

нограмму. На удивлённые вопросы наших оппонентов я пояснил свои действия: «Ну как же, вы, очевидно, попытаетесь обратиться в суд, вот тогда доказательства и понадобятся!» Наша задача была показать этим молодым, азартным и далеко не глупым ребятам, что их имущественным интересам ничто не угрожает. Фактически они получили бесплатные консультации со стороны властей и пакет документов, необходимый для дальнейшей работы! Но это тогда не входило в сферу их профессиональных задач. В период дикого развития рынка финансовая целесообразность ставилась выше. Тем не менее в тот момент им пришлось пойти на изменение условий выпуска акций. Ещё одна «вольность», допущенная этими банкирами, заключалась в том, что они без разрешения использовали чужое фирменное наименование. На бланках МЕНАТЕПа, над названием самой организации, гордо реяло: «Государственный банк СССР». Так же именовалось объединение и на табличках, укреплённых на их зданиях! Вся эта солидная картина усиливалась изображением герба страны. Следует уточнить — формальным нарушением это тогда не было, так как никаких законов, защищающих государственную символику от несогласованного использования, в России ещё не было. Неоднократные попытки призвать менатеповцев к порядку, принятому в цивилизованном мире, наткнулись на ответы: «Вы нас не можете заставить это делать, а сами мы не будем, мы не обязаны быть честными!» Аргумент Ходорковского: «Нам частные вкладчики пока не доверяют и сами деньги не принесут, поэтому мы вынуждены выдавать себя за представителей государства!» — был для них убедителен. Такова была мораль того времени.

Любопытный олигарх

Хотел бы рассказать ещё об одном забавном случае. Произошёл он в 1990 году. Студент физического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова написал в Госбанк письмо, что он хочет бесплатно потрудиться в нашем управлении — пройти практику. Мы согласились, хотя занять его особо было нечем. В результате студенту пришлось заниматься самообразованием, читать литературу, в основном иностранную,

– ЗА БОЛЬШОЙ ЛИЧНЫЙ ВКЛАД В
НАШЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ

На бланках МЕНАТЕПа, над названием самой организации,
гордо реяло: «Государственный банк СССР».

*Андрей Андреевич Козлов —
выпускник 1969 года*

предложенную нами. В перерывах мы его использовали в хозяйственных нуждах. Например, расставить столы перед очередным заседанием или после него. Практикант не отказывался ни от какой работы. За долгие годы имя его мы с Андреем Козловым забыли, но он сам о себе как-то напомнил. Это был Олег Владимирович Дерипаска.

Залоговые аукционы — детские шалости

Хотелось бы вспомнить о двух наиболее острых интригах. Первую организовал, кажется, мой коллега по рынку ценных бумаг Дмитрий Валерьевич Васильев, тогда ещё заместитель председателя Государственного комитета по управлению государственным имуществом Российской Федерации. Готовилось постановление Правительства РФ «Об утверждении положения о выпуске и обращении ценных бумаг и фондовых биржах в РСФСР». После долгих противодействий стороны пришли к компромиссу и согласились, что всё-таки банки должны участвовать в работе на рынке ценных бумаг в пределах ограничений, установленных Центральным банком. Ограничения были довольно жёсткие и предохраняли банки от излишних рисков. ГКИ и ЦБ был подготовлен и согласован соответствующий проект Постановления правительства № 78. Заседание правительства, проходившее 28 декабря 1991 года, вёл ещё Б. Н. Ельцин. Председатель ЦБ РФ Г. Г. Матюхин направил на заседание представлять Центральный банк меня. И вот из предоставленного мне для ознакомления документа я с удивлением узнаю, что банкам запрещается заниматься операциями с ценными бумагами! Это замечание было включено уже после всех согласований, явно в расчёте, что победителей не судят и на него не обратят внимания. На столь высокое собрание я попал впервые, порядков не знал. Наш вопрос был проходным и дискуссии не предполагал. Однако, когда Борис Николаевич для проформы, вернее для соблюдения демократической процедуры, спросил: есть ли у кого-нибудь из присутствующих возражения или замечания, я неожиданно для всей

аудитории стал тянуть руку и подниматься. Я ещё даже не знал, каким образом привлечь к себе внимание председательствующего. Получив разрешение высказаться, я начал издали, искренне желая донести до президента РФ основы рынка ценных бумаг. На что получил резкое замечание Бориса Николаевича: «Молодой человек, не могли бы покороче?!» Тогда я просто предложил сократить один из фрагментов текста. Ельцин вновь обвёл взглядом зал и задал очередной дежурный вопрос: «Нет ли иных точек зрения?» Больше «смелых» не было... На выходе из зала заседания я получил массу упреков от Дмитрия Валерьевича. Все они сводились к одному: «Что мы, сами не могли договориться?! Так дела не делаются! Зачем было президента в них втягивать?» Ещё был случай во второй половине того же 1992 года в период резкого роста взаимных неплатежей — все по кругу должны были всем! И тогда реально стали обсуждать возможность выпуска ценных бумаг на всю сумму дебиторской задолженности предприятий и организаций страны. Эту идею особенно горячо поддерживали брокерское сообщество и иные частные предприниматели, сторонники либеральной экономической концепции. Главным носителем идеи и особенно активным лоббистом был Игорь Сафарян, президент финансовой компании «Брок-Инвест-Сервис».

В результате этой активности мог появиться не сравнимый ни с чем рыночный инструмент и колоссальные возможности заработать на торговле обязательствами, а затем и приобрести права собственности на эти самые предприятия и организации. При том хаосе можно было при некоторой решительности овладеть практически любым российским предприятием! Даже законодательства о банкротстве ещё не было, но для трейдера чем хуже законодательства, тем больше возможностей для работы. Мы, понимая, какой грандиозный передел собственности (далеко не всегда законный и справедливый, а потому с непредсказуемыми политико-экономическими последствиями) грозит с принятием такого решения, отчаянно боролись против него. Залоговые аукционы по сравнению с таким переделом показались бы детскими шалостями! Неопределённая ситуация длилась две-три недели — шла аппаратная борьба. В ней принимали участие и Дмитрий Валерьевич Васильев с Анатолием Борисовичем Чубайсом. Насколько я помню, точку в рас-

смотрении вопроса (после серьёзных колебаний!) поставил Егор Тимурович Гайдар, тогда и. о. премьера. Его удалось убедить, что такое решение принимать нельзя. Реального пакета документов так и не появилось.

Бутылка как мера стоимости

Человеческое общение, в том числе общение профессиональное, — это великое удовольствие. Особенно если удаётся понять друг друга, найти способ достучаться до сознания. Например, один мой добрый знакомый из бухгалтерии, к сожалению, уже покойный (царство ему небесное!), несколько дней подряд не соглашался со мной по вопросу учёта сделки купли-продажи акций одного из росзагранбанков. Я доказывал коллеге, что согласно принятым международным правилам, основанным в том числе на здравом смысле, учитывать акции следует по фактической цене приобретения. Потому что эти акции на фондовом рынке не торгуются и не котируются, а цена сделки купли-продажи определена на основе заключения авторитетных независимых оценщиков и является справедливой. Мой товарищ настаивал на том, чтобы мы поставили эти акции на учёт по их номинальной стоимости, утверждённой в ещё «доисторические» времена. На каком-то этапе нас просто заклинило, и мы не могли больше найти друг для друга новых убедительных аргументов. Смотрим с тоской в окно, а на улице темно, зябко, ненастно, время позднее. Вот мы и повторили известную сценку из кинофильма «Покровские ворота». «А не хлопнуть ли нам по рюмашке?» — спросил я, и, конечно же, услышал легко прогнозируемый ответ: «Заметьте, не я это предложил!» Достал мой коллега (а мы сидели у него) бутылку водки из старых запасов, я смотрю на этикетку и спрашиваю: «А почему на этикетке значится старая советская цена (4,12)? Неужели с тех времён утерпел и не выпил?» — «Нет, — говорит он, — купил полгода назад, но из каких-то складских запасов, потому и этикетка старая, а заплатил рублей 200». И тут меня осенило: «А как бы ты оценил стоимость этой бутылки: по 4,12 или по 200?» Получаю абсолютно адекватный и рассудительный ответ (напоминаю, что разговор происходил в годы высокой инфляции): «И не по 4,12, и не по 200, а по 400, потому что купил-то я бутылку за 200,

Байки от...

**В период резкого роста взаимных неплатежей
все по кругу должны были всем!**

...Дмитрия Тулина

но за полгода цена её выросла вдвое, ей теперь цена рублей 400». И тут я «взорвался»: «А теперь скажи мне, товарищ мой дорогой, какая разница между бутылкой водки и пакетом акций с точки зрения оценки их стоимости?» И понял, что стена непонимания между нами разрушена. Не успели мы увидеть дно бутылки, а все вопросы по учёту сделки купли-продажи акций были урегулированы.

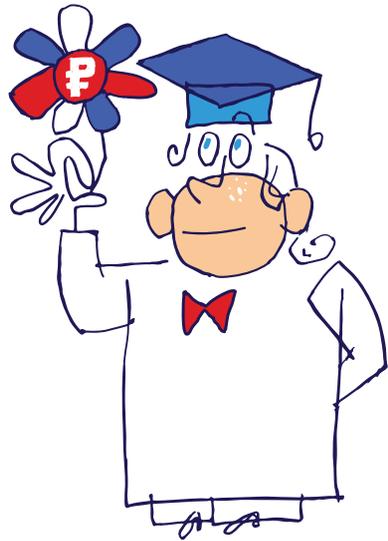

Фото Юрия Терещенко

ЕВГЕНИЙ ЛЕОНИДОВИЧ САДОВСКИЙ **Выпускник 1980 года**

В 1985–1988 годах — помощник первого заместителя председателя правления Внешэкономбанка СССР В. В. Геращенко; в 1988–1992 годах — заместитель начальника, начальник отдела финансовых операций и экономического анализа валютного управления; в 1992–1994 годах работал во Внешэкономбанке и Внешторгбанке РСФСР. Затем был заместителем представителя банка в представительстве Внешэкономбанка СССР в Нью-Йорке. После этого работал в российских финансовых компаниях и банках в США и Великобритании. С 1999 по 2003 год — начальником отдела, вице-президент в российском Ост-Вест-Хандельсбанке, что во Франкфурте-на-Майне.

О профессиональных хитростях. С таблицами Брадиса против Фах

В 1983–1984 годы я начинал работать в отделе финансовых операций валютного управления Внешторгбанка СССР. В те годы мы располагались в красивом старом здании по адресу: ул. Плющиха, 37. В отделе работало человек 15 очень толковых и перспективных молодых людей, каждый из которых в дальнейшем нашёл свой интересный профессиональный путь.

Основным направлением работы отдела было привлечение от иностранных банков т. н. финансовых кредитов. Финансовыми в те годы назывались кредиты, не обусловленные заключением каких-либо внешнеторговых сделок.

Жизнь отдела была весьма активной и интересной. Переговоры с иностранными банками проводились чуть ли не ежедневно. Желающих предоставлять кредиты Внешторгбанку СССР, как на двусторонней основе, так и в составе международных синдикатов, было очень много.

Разумеется, что при таком высоком предложении средств мы без труда, а даже и с каким-то самолюбованием строили переговоры так, чтобы в результате стоимость изначального предложения снижалась и каждый последующий кредит был дешевле предыдущего хоть на какую-то долю процента. Хорошо это или плохо — вопрос другой, но в этом снижении мы видели даже какое-то соперничество друг с другом.

Стоимость кредитов базировалась тогда на лондонской межбанковской ставке ЛИБОР с добавлением некоторой маржи. Психологическим потолком для нас была маржа на уровне $\frac{3}{4}$ % годовых, выше которой мы не хотели уходить ни в каком случае.

И вот эту маржу пытались «ужать», соревнуясь результатами друг с другом. Минимальным шагом изменения маржи была $\frac{1}{16}$ % годовых. Снижение маржи на ту самую величину уже считалось большой удачей, т. к. для этого надо было приложить в переговорах все свои профессиональные навыки, логику, аргументацию и, если хотите, обаяние. Обычным натиском и напористостью с такой задачей было не справиться. В переговорах мы использовали разную аргумента-

цию, стараясь быть убедительными, или шли на математические «уловки», предлагая снизить маржу, но увеличить разовые комиссии, что в итоге должно было привести к снижению средней стоимости заимствования. Эти уловки также приносили успех. Некоторые банки предпочитали получить большую комиссию практически сразу при заключении соглашения, нежели «разносить» получение высокой маржи по годам.

Но были случаи, когда за неимением либо времени, либо достаточных аргументов, а иногда того и другого вместе наша сторона в своём желании снизить стоимость заимствования шла ва-банк, откровенно блефуя.

Так было и на одной из встреч с одним из многочисленных тогда японских банков. На этой встрече я сопровождал тогдашнего заместителя начальника валютного управления и очень хорошего, и очень заводного и увлечённого своей работой человека Владимира Николаевича Горюнова, более известного среди коллег, как Горыныч.

После обычных приветствий и любезностей мы перешли к деловой части и гости озвучили предложение о возможности предоставления нам кредита на сумму 20 млн долларов США. Надо отметить, что в те времена это был некий «стандарт» суммы для японских банков, диктуемый их законодательством.

Уж не знаю, из каких соображений, а возможно, почувствовав, что договорённость о кредите является главной и единственной целью визита, Горыныч приостановил обсуждение и сказал, что таких обсуждений у нас в данный момент множество (а на самом-то деле мы брали всё, что дают) и продолжать имеет смысл только в том случае, если предложенная ставка будет не выше, чем ЛИБОР плюс $\frac{1}{8}\%$ годовых. На самом-то деле в то время мы принимали за большую удачу и $\frac{3}{8}\%$ сверх ЛИБОР, но сказано это было с таким убеждением в собственной правоте, что противоположная сторона приняла условие с одобрительными возгласами и без дальнейших дискуссий.

Я же, к тому времени не набравшийся ни опыта, ни цинизма, едва сдерживал смех. Это было и в самом деле смешно. Уж не знаю, как Горыныч догадался, что ещё несколько секунд, и я расплывусь в улыбке, которая выдаст его переговорную хитрость, но отреагировал он самым решительным образом.

В эту же секунду я почувствовал под столом сильнейший удар кулаком по моему колену, а дальше услышал «шипение» Горыныча: «Только не смейся!» Но от боли было уже не до смеха. Слёзы бы сдерживать. Вот я и сдвинул серьёзно брови и утвердительно кивнул, подтверждая безупречную честность своего руководителя.

На этом договорённость по стоимости кредита была достигнута, гости ушли, Горыныч помчался по своим делам, сказав напоследок «Учись, студент!» — а я похромал к себе делать запись беседы и хвататься перед коллегами нашим успехом.

Горюнов В. Н. (*рассказ авт.-сост. книги*). *Я не считаю свои действия блефом. Стране действительно нужны были деньги, и мы использовали любые способы их получения. Я, в частности, порой демонстрировал партнёрам для убедительности даже таблицу Брадиса. Они не могли понять, чем я оперирую, перелистывая страницы с четырёхзначными числами, периодически повторяя: «Нет, так не пойдёт!»*

Для информации: таблицы Брадиса представляют собой самый полный сборник всех значений синусов, косинусов, тангенсов, котангенсов и пр. Эти таблицы отличаются высокой точностью, которая доходит до четырёх знаков после запятой, что позволяет использовать их как при решении школьных задач по алгебре, геометрии, физике, так и для произведения сложных технических расчётов.

Где-то в первой половине 80-х годов мы договорились с очередным японским банком о предоставлении нам финансового кредита. По практике того времени после согласования условий кредита кредитор направлял нам на обсуждение и согласование проект текста кредитного договора. Надо напомнить, что единственным подходящим средством быстрой передачи печатной информации в те времена был телекс. У нас в отделе стояло два таких аппарата. Для получения текста документа надо было только сообщить контрагенту свой абонентский номер, через какое-то время поступал вызов и сразу после этого аппарат начинал распечатывать очередную бесконечную текстовую ленту.

В тот раз, как неоднократно и до этого, мы сообщили контрагенту о готовности принять на рассмотрение проект текста договора и сообщили номер своего телекса. Но что-то вдруг не задалось и всё пошло не так. Вместо текста по телексу мы получили депешу, содержащую вопрос (разумеется, на английском): «Сообщите нам, пожалуйста, ваш fax number, и мы немедленно направим вам проект договора».

- ТАК ВОТ ПОЧЕМУ У МЕНЯ ВСЮ НОЧЬ
БОЛЕЛА

Горыныч приостановил обсуждение и сказал, что таких обсуждений у нас в данный момент множество...

Словосочетание fax number вызвало у нас лёгкий ступор. Все мы в хорошей степени владели английским языком, вели на языке корреспонденцию, участвовали в сложных переговорах. Но вот с этим fax number ничего понять не могли. В попытке перевести на русский и понять, что от нас хотят, мы рассматривали все возможные варианты. Это «чего-то» было fax, а с нас спрашивали его number.

Что делать — не имели мы тогда представления о таком новшестве, как факсимильная связь.

Однако что-то надо было делать. И тогда наш тогдашний обладавший незаурядным умом начальник отдела, который совершенно не случайно в нынешние времена руководит одной из крупнейших банковских структур, принимает решение: надо попросить у них разъяснение, что это за number такой, после чего мы, конечно, немедленно его им сообщим.

Так и сделали.

Уж не знаю, как восприняли на японской стороне этот вопрос, но текст проекта договора мы получили на следующий же день обычным порядком, т. е. по телексу.

В практике работы нашего валютного управления были регулярные поездки руководителей — от заместителя начальника отдела и до зампреда включительно — в командировки по разным странам, где обитали наши ведущие банки-корреспонденты, с целью обсуждения насущных вопросов и проблем, а также возможного увеличения объёмов кредитования.

Каждая командировка тщательно готовилась. Для составления плана визитов, мы рассылали банкам, с которыми хотели бы организовать встречи для нашей делегации, предварительные уведомления о том, что такой-то и такой-то господин планируют посетить вашу страну и хотели бы провести переговоры с вашим уважаемым банком. В ответ мы получали предложения по удобным для той стороны датам и времени встречи и начинали верстать программу поездки.

И вот в очередную командировку в Японию собрались заместитель председателя правления Александр Степанович Маслов (Седой) и заместитель начальника валютного управления Владимир Николаевич Горюнов (Горыныч).

*Александр Степанович Маслов —
выпускник 1958 года*

Байки от...

Организация поездки и согласование программы были поручены мне как самому молодому сотруднику. Я не ожидал особых сложностей, т. к. знал, что А. С. Маслов и В. Н. Горюнов уже неоднократно бывали в этой стране, и в японских банках их прекрасно знали. И никто не ожидал сложностей, ибо это была рутинная работа.

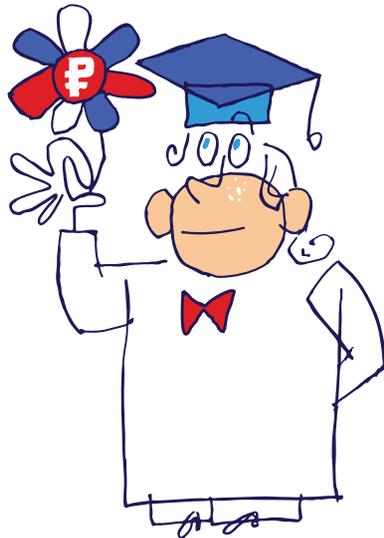
С энтузиастом я взялся за рассылку уведомлений.

Но беда была в том, что я или не знал, или не подумал, что в нашем и в заграничном восприятии имя и фамилия человека обычно пишутся в разном порядке. Мы, зачастую, сначала пишем фамилию, а у них фамилия идёт после имени, а отчество так и вообще неуместно.

И вот я направил в первый же банк сообщение о том, что в такой-то период их хотели бы посетить господина Маслова Александра Степановича и Горюнова Владимира Николаевича.

Реакция пришла мгновенно, но это не было предложение даты и времени. В ответ мы получили следующее: «Мы с готовностью встретимся с коллегами из вашего уважаемого банка, но для начала просим срочно сообщить нам краткие биографические данные г-на Степановича и г-на Николаевича».

И если бы мои коллеги не свели всё это ко всеобщему веселью, то у меня появилось бы ощущение полной профессиональной несостоятельности.

БОРИС ГРИГОРЬЕВИЧ ФЁДОРОВ
Выпускник 1980 года

*Известный экономист, государственный
и политический деятель, дважды становившийся
министром финансов РСФСР и РФ, а также вице-
премьером правительства.*

Фондовые страсти

14 июля 1990 года, сменив А.А. Бобровникова (занимавшего этот пост 17 лет!), я стал министром финансов РСФСР. Сразу попытался выяснить: кто в министерстве отвечает за ценные бумаги. Таких не нашлось, поэтому решили ответственность возложить на Беллу Ильиничну Златкис, она отвечала за сбережения населения и советский госзаём и была вроде как ближе всех к теме. Я передал ей проекты законов, подготовленные мною ещё в социально-экономическом отделе ЦК КПСС: Закон «Об акционерных обществах», Закон «О рынке ценных бумаг» и Закон «О государственном долге». Все проекты я хранил. Проект закона о долге был совсем маленьким, а два других были достаточно проработанными и объёмными. Частично эти материалы вошли тогда в программу «500 дней» (2-й том — финансовые и денежно-кредитные вопросы), дальше над ними работала Белла Ильинична и другие сотрудники. Для повышения квалификации я направил Б.И. Златкис на краткую стажировку в США. Очень хотел в процесс написания законов вмешаться Григорий Алексеевич Явлинский со своими сотрудниками Михаилом Задорновым и Алексеем Михайловым. Он же привёл Питера Дерби из «Диалог-банка», принёсшего с собой американский аналог закона о рынке ценных бумаг. Действовал я, не скрываю, просто, не пытаюсь продемонстрировать глубину собственной проработки документов: взял за основу английское законодательство и трансформировал текст под нужды российской экономики, с учётом нашей специфики. Вскоре выяснилось, что премьеру Силаеву ничего этого не нужно, и принимать постановления и проекты законов он не собирается. Тогда в декабре 1990 года я написал Ельцину заявление о своей отставке, среди причин значился и саботаж Ивана Степановича. Силаев с перепугу, узнав, что я обвинил его в саботаже, быстро, задним числом, подписал подготовленный нами проект постановления об акционерных обществах. Оно было принято якобы 25 декабря 1990 года под № 601, а на самом деле на несколько дней позднее. Но 28 декабря 1990 года я всё-таки ушёл из министерства. Постановление служило долго. Только в 1993–1995 годах оно было переработано под эгидой Анатолия Борисовича Чубайса и вышло в виде Закона «Об акционерных обществах». Во время подготовки закона, в 1993 году, я второй раз стал министром финансов.

Мы в кабинете Анатолия Борисовича много спорили: я не мог понять, зачем в проект вносится целый ряд пунктов. Но поскольку он человек жёсткий, а обсуждаемой темы тогда ещё не вполне понимал, убеждать его было трудно. Кстати, не все переделки пошли закону на пользу. Плюс к этому, если авторов нашего постановления можно было считать на пальцах одной руки, и подготовка его практически ничего не стоила, то у Чубайса трудился большой коллектив советников и консультантов, в том числе американских. 13 ноября 1992 года вышел Закон «О государственном внутреннем долге», под № 3877-1, а 28 декабря 1991 года под № 78 вышло Постановление «Об утверждении положения о выпуске и обращении ценных бумаг и фондовых биржах в РСФСР». Всё задуманное нами в 1990 году было реализовано! Хотелось вспомнить ещё один забавный случай периода моего первого хождения во власть. В Минфине хранились не реализованные и никому не нужные облигации РСФСР. Скажите, кто купил бы эти бумаги в 1990 году с прибыльностью 5%? Тем не менее я дал Белле Ильиничне поручение разместить объявление в «Экономической газете» об их реализации. И мы осенью 1990 года облигации продали, в том числе каким-то предприятиям и колхозам, с существенным дисконтом с помощью обратного — «голландского» аукциона. Кто тогда знал о таких аукционах?! Бумаги были ещё «бумажными», и Златкис со своими мальчиками сидела, ставила на них печати и расписывалась. Тогда же мы создали Московскую международную фондовую биржу. Я собрал рабочую группу для подготовки её устава во главе с Б. И. Златкис, выпустил соответствующее распоряжение. Возглавил биржу сотрудник Министерства финансов СССР Андрей Захаров. При мне 5 ноября 1990 года биржа была зарегистрирована, через год на ней начались регулярные торги. Однако после моего ухода она оказалась никому не нужна и прекратила свою деятельность (Захаров вскоре трагически погиб — был убит). Уход мой был связан и с тем, что меня активно подсиживали первый заместитель министра И. Н. Лазарев и первый заместитель председателя Совета министров РСФСР Ю. В. Скоков. Силаев был безучастен! Лазарев в результате после меня возглавил министерство и стал помогать Скокову подсиживать Силаева. Ещё через 9 месяцев он покинул министерский пост и перешёл в налоговую службу. Вновь мы встретились в 1993 году, когда я вернулся в министерство финансов.

*Игорь Николаевич Лазарев —
выпускник 1961 года*

– СМИТ, ПОСМОТРИ В СЛОВАРЕ, КАК
ПИШЕТСЯ «АКЦИОНЕРНЫХ» ИЛИ
«ОКЦИОНЕРНЫХ»?!!

– А С КАКОЙ
БУКВЫ
ЭТО СЛОВО
НАЧИНАЕТСЯ,
С «О» ИЛИ С «А»?

У Чубайса трудился большой коллектив советников и консультантов, в том числе американских.

Я тут же предложил Лазареву написать заявление об увольнении по собственному желанию. Возможно, он неплохо знал советский бюджет, но в новых условиях был человеком абсолютно неадекватным. Его неспособность ориентироваться в современной экономике сочеталась с мнительностью, доходившей до шпиономании. Но самое главное, что мои оппоненты активно интриговали, пытались заставить меня конфликтовать с союзным Минфином. Активную роль в развале играл, кстати, и первый заместитель председателя Верховного Совета РСФСР коммунист Ю. М. Воронин! Особенно вопрос обострился при подготовке государственного бюджета 1991 года. Российские руководители хотели прекратить все отчисления в союзный бюджет! Но это было абсурдное решение. Функций оборонных у нас не было, не занимались мы тогда безопасностью и внешней торговлей, союзный министр финансов Валентин Павлов мне даже компьютеры покупал. У нас с ним были нормальные отношения — Союз ещё никто не отменял. Даже я, никогда не претендовавший на звание крупного специалиста в бюджетной сфере, понимал, что меня заставляют принять документ, способствующий развалу СССР. Я политикой тогда заниматься не хотел — мне это было не нужно. И Верховному Совету, и председателю правительства я выдвинул ультиматум: определиться, как делать бюджет: в рамках Союза или автономно. Оценивая теперь, что мне удалось сделать в качестве министра финансов, а что нет, — я удовлетворён. Практически всё задуманное реализовали. Правда, сейчас я признаю: не нужно было столько времени уделять программе «500 дней». На работу в комиссии были потрачены июль и август 1990 года. Я занялся программой, поддавшись на уговоры Явлинского, потому что считал, что тот сумел заручиться поддержкой Горбачёва и Ельцина и у документа есть перспективы. Позже я понял, насколько был наивен!

ЮРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ АГАТОВ
Выпускник 1981 года

*Создатель и бессменный президент Кредобанка,
одного из крупнейших коммерческих банков России
первой половины 90-х годов XX века.*

Процесс пошёл, и дело пойдёт!

Одной из тем, к которой мы имели непосредственное отношение, были молодёжные жилищные комплексы (МЖК), популярные в 80-х годах XX века. В частности, реконструировали в Дмитровском проезде старые здания. Потом были ЭМСК (экспериментальные молодёжные садоводческие комплексы) — МЖК на садово-огородной почве. Руководил всем журналист из «Московского комсомольца» с подходящей фамилией Новосёлов. Дальнейшему повороту моей судьбы помог случай. В честь 70-летия ВЛКСМ на ВДНХ проходила выставка, на которой мы имели свой стенд. Стенд стоял удачно, с краю. И 29 октября своим посещением нас осчастливил генсек КПСС М. С. Горбачёв. Как и положено, его визит освещала толпа телевизионщиков и газетчиков. Первыми на его пути попались мы. Поболтать с народом Михаил Сергеевич любит. Мы сами толком не понимали, о чём он вёл речь, но лапши навешать тоже могли. Партийный лидер стал спрашивать, чем мы занимаемся, дошёл до меня. Я ответил, что по образованию финансист, банкир. На что получил исторический (для меня) ответ: «Правильно! Когда за дело берутся

Байки от...

финансисты — дело пойдёт». Журналисты зацепились: «Генсек сказал, что дело пойдёт». Защёлкали фотоаппараты. Фотография попала в брошюру, выпущенную по поводу юбилея. Свою популярность мне удалось использовать... Регистрация банка далась нелегко. Начальником юридического отдела Госбанка работал Михаил Львович Коган. Ужасно вьедливый. Видя меня, мальчишку, он никак не хотел регистрировать устав. В юридических вопросах я был слабоват, но это компенсировалось настырностью. Документы, по мотивам устава Инкомбанка и банка «Кредит-Москва», писали сами, так как типовые образцы документов были разработаны позже. Придирка у Когана была несущественная, но, когда я понял, что ничем его не взять, принёс фотографию с Горбачёвым, положил её на стол и заявил, что ни перед чем не остановлюсь, но справедливости добьюсь. И это подействовало. Московский молодёжный кооперативный Кредо-банк был зарегистрирован 27 марта 1989 года. Когда пришла пора вносить деньги в уставный капитал, практически все сагитированные пайщики отказались это делать. Так часто бывало в то время. Никакой ответственности они при этом не несли. Тогда я попросил их хотя бы по безналичному расчёту внести минимальные деньги (которые я предварительно им дал наличными), чтобы было всё-таки три, пусть фиктивных участника. После этого начал искать новых учредителей. Надо сказать, что деньги я, в свою очередь, тоже одолжил. Итак, банк зарегистрирован. Сидели мы из-за отсутствия денег в Краснопресненском МЖК, на улице Климашкина, 22. Дом шёл под капитальный ремонт, соседями нашими были бомжи, мы занимали чудовищную двухкомнатную квартиру. В конце года к нам пришла первая проверка из Госбанка. Люди были ответственные, за сиделись, а темнеет зимой рано. Подъезд тёмный, двор и переулок тоже. Жуть. Помню, сидим, пишем акт, а я возглавляющему ревизию коллеге говорю: «Заканчивайте быстрее, здесь бомжи гуляют, темно, могут порезать, убить, изнасиловать...»

Фото Юрия Терещенко

ВИКТОР ВАЛЕРЬЕВИЧ ОЖОГИН **Выпускник 1981 года**

Генеральный директор компании «Сааб Радар Мастер», поставляющей измерительно-управляющие системы для резервуарных парков нефтегазоперерабатывающих предприятий, портовых терминалов, нефтяных и газовых месторождений.

А мы в армию хотим, там прикольно...

Шёл 1980 год. В июле в нашем институте планировалось проведение военных сборов, и в это же время в СССР должны были состояться Олимпийские игры. Страна находилась в пике своего коммунистического развития. Западный мир, как нам внушали, загнивал, а мы расцветали. Я искренне верил, что Тэтчер — тётка противная и жестокая, можно сказать мачеха своего времени.

Лагерь был организован на летней базе Ярославского военно-финансового училища. Отправили нас из Москвы на поезде. Естественно, в плацкартном вагоне, но в нём лучше, чем в товарном, так как говорят, что даже у коров после товарника удои падают. Мы достали весь харч, винца и начали гулять, то есть сами себя провожать в военный лагерь. Я с друзьями засиделся. Когда решили прилечь, — всё-таки дорога дальняя, — то выяснилось, что остались свободными только третьи чемоданные полки. Протёрли пыль, залегли, через несколько часов я проснулся, так как в поднебесной кончился воздух, дышать было нечем, половину ночи простоял в тамбуре, где было чем дышать, но в вертикальном положении, зато прикольно. Правильно, нечего было зубами щёлкать, надо было раньше уходить на ночной покой.

Прибыли в военный лагерь на шикарных бортовых грузовиках ЗИЛ, правда, места в кузове всем не хватало, поэтому пришлось тесниться как сельдям в бочках, но зато дешёво для государства. ГАИ нас не останавливала, подумаешь, люди в необорудованных грузовиках едут, на фронте было ещё хуже. Несколько человек после такой дороги, конечно, простудились, но зато прикольно. Когда удастся снова с ветерком прокатиться в кузове грузовика по бездорожью?!

Как приехали на место, то сразу оказались на стадионе. Я подумал, какие гостеприимные, предоставляют возможность размяться после отсидки в кузовах, а говорят, что в армии одни сапоги служат. Но не тут-то было, здесь нас всех стали обыскивать и отбирать консервы (чтобы не отравились), лекарства (чтобы ещё больше не простудились), тёплые вещи (чтобы не перегрелись). Так как нам выдали военную форму образца 1940 года с брюками галифе (карманы до колен), то в один карман я засунул тельняшку, а в другой лекарства, мочалку, носки, и мы с друзьями быстро отпросились в лесок,

якобы по маленькому-маленькому делу. Там на опушке быстро зарыли в землю тушёнку и пришли в строй. В дальнейшем после дождей там выросла высокая трава, и чужие курсанты щупами нашли нашу тушёнку и сожрали, тем самым подтвердив находчивость и смекалку советского воина, самостоятельно добывающего себе пропитание.

Офицеры дали подписать какие-то бумаги, где было написано, что «мужеложством» мы заниматься не будем, а если будем, то получим срок. Сначала не могли понять кто такой «мужеложство» и на кого он работает, даже спросили, почему армия, если он такой крутой, не хочет с ним сотрудничать. И, как говорится, если не можешь победить врага, то стань его другом. Но офицер приказал нам дурочку из себя не строить и всё, что требуется, подписать. Так как мы были инструктированы родителями не подписывать непонятные бумаги и не брать на себя дополнительных обязательств, и предмета такого в институте не было, то мы отказались подписаться под «мужеложством», чёрт с ним, пускай по поведению поставят двойку.

Это был один из лучших военных лагерей страны, всё-таки здесь учили финансовому делу, а с ним ты становился необходимым специалистом для всех родов войск. Поэтому нам предоставили достойные апартаменты — десятиместные палатки под открытым небом с сюрпризом: сквозь крышу можно было пересчитать звёзды на небосклоне. Ощущали себя, как в планетарии. Романтика... Следует отметить: чтобы не допустить в столицу Олимпиады дождевые облака, их 3 недели расстреливали над нами, и всё это время в районе нашего расположения шёл дождь. Сразу выдать нам шинели забыли, их привезли только на вторые сутки, и первые мы ходили под дождём в гимнастёрках. Результаты этой романтики я, заболев на четвёртый день, ощутил на себе.

Ночью в палатках было сыро и холодно, и поэтому мы ложились спать на нары на белые простыни в солдатской робе, снимали только сапоги. Я даже портянки оставлял на ногах, всё-таки в них теплей, да и за ночь на всё ещё тёплых ногах они высохали быстрее. Стираную одежду клали под простыню, и она за ночь согреваемая нашим телом, тоже высохла, тем самым позволяя армии экономить на обогревателях.

Подъём в 7:00, форма одежды № 2, это голый торс. Все курсанты, розовые как поросята, смешно бежали в выгребной туалет, там всё

требовалось тоже выполнять по расписанию — 30 секунд и не больше. На этом объекте была такая концентрация аммиака, что резало глаза, мухи дохли на лету, но зато атмосфера была экологически чиста, зараза, в отличие от нас, не выживала...

Командиром отделения был один из студентов ФЭФа, отвратительный тип, который раньше служил на крейсере и почему-то хотел за 30 дней из нас сделать настоящих солдат, стойко переносящих тяготы и лишения военной службы. Он нас наставлял, что как профессионал три года спал на корабельных пушках в обнимку с крысами. Он нас дольше всех гонял по плацу, посылал на кухню в наряды — мыть холодной водой жирную посуду. Мы же, естественно, договорившись с дежурным взводом, нечего не мыли, а для снятия стресса играли в домино. Местные солдаты были очень удивлены издевательствам нашего командира и предложили его избить, исключительно для порядка. Но мы пожалели его, да мало ли что, всё-таки шла война в Афгане, тот, кто вылетал из института мог попасть туда, где в первом же бою превратится в «груз 200», так как по военке мы ни черта не умели. Проблему решил Марадона нашего курса, ну, конечно, Эльдарчик Багиров, у него был сильнейший удар правой. Он с «крейсером» ушёл в лес на 10 минут, не знаем, о чём они там говорили, но после той встречи издевательства ослабли.

Как я уже рассказывал, на четвёртый день я заболел, так как спал крайним на нарах, прикрывая торсом щель, откуда постоянно дуло. Однако на 2 тыс. курсантов в лазарете было всего 11 коек. Проходной бал — температура тела 38,1 градуса. У меня было 38,3. Местный лейтенант визуально оценив моё состояние, сказал, что с такими розовыми щеками больных не бывает, и запретил идти к врачу. Я ослушался, перелез через ограду лазарета и оказался в палате. Моими соседями был курсант со вздутыми венами и другой — с вывернутой рукой. Руку ему вывернули, когда ловили с тремя бутылками водки. Двух своих товарищей, естественно по старой русской традиции он не выдал, и вечерами они приносили ему еду. Сильно его не ругали, так как за 10 дней до нашего приезда поймали ещё одного с водкой, и в целях воспитания ненавязчиво объяснили ему перспективу: дисбат, Афган, душманы, расстрел, «груз 200», кладбище, слёзы ближайших родственников. Курсант смиренно выслушал всё это, а ночью повесился — нервишки оказались слабыми.

Когда надо было отходить ко сну, к нам зашёл прапорщик и сказал, что дарит тепло на ночь, и вручил ключ от двери котельной. Мы сразу пошли давать по инструкции на стене тепло людям. Сначала рычагом 200 качков воды в систему, затем колом дрова, поджигаем их и на разгоревшиеся угли 10 лопат угля. И всё это делали три больных человека. Из лекарств был только аспирин. Зато еды вдоволь, даже сахара и масла сколько угодно.

Когда находился в лазарете, к нам приехал кинооператор — отец одного из студентов МФИ, который снимал рекламный ролик об институте и прекрасной жизни её студентов. Одного студента послали на склад боеприпасов принести гранаты для фильма. Пьяный прапорщик, услышав, что фильм будут снимать люди из Москвы, разрешил взять целый ящик с гранатами. Реквизит раздали отделению из 9 студентов, для того чтобы сделать три дубля, бросая гранаты в окоп, около которого стояли наши офицеры и 40 студентов. Нас сразу предупредили: так как в армии экономия, то во время дубля чеку не выдёргивать. Это нас и спасло. На третьем дубле завкафедрой, участник ВОВ, поинтересовался, почему на гранате белой краской не написано, что она инертная. Он взял гранату, отвернул запал и побелел, внутри был тол, это была настоящая лимонка с убойной силой в 200 метров. А ведь в этот момент в окопе в том числе, помимо 10 человек, находился «Лица стёрты, краски тусклы...», ну вы, конечно, поняли — соловей КЭФа Володька Моршнева, и, если бы граната рванула у его головы, то могла бы повредить талантливые голосовые связки. Впрочем не только их. Во всём обвинили студента Серёгу Семёнова, взявшего не тот ящик. Мы были в шоке, могло подорваться 50 человек. Но раз мы остались жить, то расценили случай как прикольный, не скучно жить.

Потом мы прошли обкатку танками. Нас посадили в окоп, правда укрепленный брёвнами, и пустили на нас танк. Земля стала дрожать за 50 метров. Все мы в окопе попрощались с жизнью, пропуская над собой железного зверя, но всё обошлось.

Потом был марш-бросок на 25 км с полной выкладкой, — это шинель, противогаз, сапёрная лопатка, штык-нож, подсумок, и, наконец, автомат. Некоторые хитрые отказались сразу, сказав, что у них больные ноги, и их оставили в лагере, за другими на половине пути приехал автобус — они ноги стёрли в кровь, ну а мы, чтобы испытать

себя, решили дойти до конца. Но там оказалось, что приключение не окончилось: предстояло вырыть окоп для стрельбы лёжа и испытать травлю газами. Через пять минут работы сапёрной лопаткой появилась кровавая мозоль размером с пяточок, которая лопнула. Что делать в отсутствии воды и медикаментов, нас не учили. Тогда, как собака, я слизал с ладони грязь с кровью, сплюнул и приложил по дорожнику, и, как ни странно, никакого заражения. Вот что значит жить на природе и стать сыном леса.

Затем прошли испытание на напалм. Его мы готовили сами. Под руководством офицеров залили в бочки разных смол и катали по полю до посинения. Но почему-то ничего не получалось. Тогда прибежал «красный» командир, якобы отец всех студентов местный лейтенант Травкин, и в истерике закричал, что у нас не отсюда растут ноги, что наш мозг меньше думающего вещества крокодила, что наши руки не под тем углом заточены. Но когда он разобрался, выяснилось, что вместо важного компонента он сам выдал нам хлор, ну, естественно, с ним ни черта и не получалось. А мы ещё думали, что это за противный запах! Немцы со своей газовой атакой в 1-й Мировой войне по сравнению с нашим напалмом с добавлением хлора для доверчивых студентов были просто пацифисты. Но наконец, всё устроилось. Напалм разлили в ванночки, поместили в ниши каменного коридора и подожгли. Нам отдали приказ пробежать его боком с автоматом в руках. Один из студентов, почему-то стал размахивать руками, попал рукой в напалм, и чуть не прожог насквозь себе руку. Видимо, он был генетическим дирижёром, поэтому и махал костлявыми конечностями.

Рядом с нами стояла десантная дивизия. После нашего приезда цены на патроны для сувениров и штык-ножи для охоты поднялись в 2 раза. Конечно, боеприпасами нельзя торговать, поэтому нам сказали, что, если кто будет предлагать, то его следует скрутить и доставить в штаб. И вот как-то идём по лесу, вдруг ветки раздвигаются, и на поляну выходит десантник с походкой гориллы и предлагает патроны. Нас было четверо розовых и худых, он один большой, мускулистый и ужасный. С рыком в голосе продавец спросил, не нужны ли нам боеприпасы. Он был настолько грозен, что мы поняли, что если будем торговаться или откажемся, то живыми из леса не уйдём. И отдали ему все имеющиеся деньги...

Местные офицеры нас ненавидели.

В бане било током, когда ты прикасался к воде, к тому же там мы боялись подцепить грибок, посему мылись в речке. Вода была холодной, и перед тем, как влезть в воду, мы делали 50 приседаний, срывали жухлую траву, мылили её и ей мылись, затем снова в воду. Надо сказать, что после этой процедуры самочувствие было хорошим, прикольно, как говорится, не было счастья, да несчастье помогло. Даже по прошествии многих лет, когда в доме отключают воду, я спокойно моюсь холодной, вспоминая молодые годы, и, самое главное, мне не холодно, на душе же тепло.

Через две недели лагерей народ устал от всего: голода, холода, хамства офицеров. И начались драки, как в зоне. Например, один студент мог раздражать другого тем, что смотрел на него в столовой, когда тот ест, и получал за это прямой удар в лицо. Другому в тарелку высыпали солонку соли, и он выплеснул щи в лицо подозреваемому — тому, кто больше смеялся. В палатках спать было тесно, если один чихал, то все вздрагивали. Переворачивались по команде. Проблему создавали полные, над ними издевались и перед сном прятали их матрац и одеяло, а утром сапоги. Поэтому, в конце концов, пятёрых, наиболее крупных, разместили в VIP-зоне — в отдельной палатке. Некоторые студенты заболели чесоткой.

Еда была очень здоровой и полезной. Правда, 400 кг мяса украли в первый день. Когда его отпустили со склада, то по дороге, пока везли мясо 100 метров до кухни, оно пропало. Пришлось 30 дней давиться лежалым жёлтым салом, наверное, ещё с военных складов царской армии, предназначенным для броненосца «Потёмкин». Рис был отварен до состояния клейстера, чтобы его проглотить, сосед должен был ложкой помогать тебе проталкивать его в горло. Впервые в жизни дегустировали спитой чайно-кофейный напиток вкуса лежалого сена. В общем прикольно, где ещё представится такая возможность почувствовать дух кантри. Учитывая экзотическую кухню, я перестал есть и не притрагивался к пище четыре дня. Так как у нас были интенсивные физические нагрузки, то за неделю похудел на 8 кг. А потом ничего, аппетит появился, даже добавку просил, а говорят, в армии не налажено питание.

Чтобы не сдохнуть с голоду, пристрастились бегать в запретную зону — офицерский городок, где в столовой с заднего крыльца скупали лишние котлеты, сыр, колбасу и бутылки с кефиром, которые

после опустошения закапывали в землю, чтобы не вычислили. Витаминов не хватало, поэтому собирали лесную ягоду, как Красная Шапочка в стане волков, так как офицеры запрещали нам это делать из-за боязни отравления.

Только вы не думайте, что о нас вообще не заботились. Когда на присягу к нам приехали девчонки и молодые жёны, то они сразу не могли узнать своих мужей. Лик вроде бы тот же, но на них не реагируют, как будто из группы «Тату», ну вы понимаете, что имеется в виду. Это доказывало, что нам давали специальные «витамины»... чтобы мы меньше реагировали на живое и прекрасное и не сбежали на ночь в город.

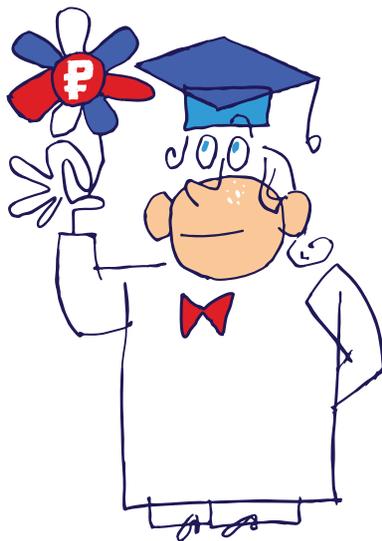
Как-то раз нас послали дежурить по кухне, так мы на каждого съели по кочану капусты и в 20-литровой кастрюле сварили кисель, такой, что в нём ложка могла стоять. Навернули его с белым хлебом. Единственный раз, когда пришлось приласкать и насладиться куриной ножкой, — во время съёмок. Стол вытащили на улицу для естественного освещения и с офицерской кухни принесли еду. Кто видел эту сцену в рекламном ролике института, мог подумать, что так было каждый день.

Как-то боевые подруги приехали к студентам международного факультета, и так как они были связаны с медициной, то привезли фляжку спирта. Ребята хряпнули его, и в результате одного по запаху и поведению вычислили. Ну, понятно, на Руси один не пьёт — ему поговорить с кем-то надо, — поэтому стали искать ещё двоих. Опытные офицеры всех оперативно вычислили и направили на губу в Ярославль на трое суток. Ребята прощались, как будто шли на картошку. Сняли часы, ремни, всё ценное. На губе им очень удивились, студенты там ещё не сидели, да ещё из Москвы. Поэтому разместили ребят в камерах-одиночках. Охраняли их десантники, которые периодически кого-то избивали, не доставалось только нашим студентам — их спас длинный язык, они рассказывали охране про известные ансамбли, травили забавные истории. Вот что значит быть студентом международного факультета.

Местные офицеры нас ненавидели за то, что мы только 30 суток в военном лагере — и уже офицеры, а они для этого спины гнули четыре года в училище. С нашей стороны накопленная злоба проявилась за один час до отъезда из лагеря, когда нас нельзя было уже

Байки от...

наказать. Комвзвода командовал нами, и мы в 30 глоток, называя фамилии наших обидчиков, кричали на весь лагерь, что они такое, посылали куда следует, желали достойного. Наши адресаты багровели, но уже ничего не могли поделать. Потом мы узнали, что наши обидчики для карьеры отправились служить в Афганистан и там подорвались на пехотной mine. Единственный человеческий офицер из института, который к нам лучше всех, как старший брат и благородный дворянин, относился, был капитан Анатолий Константинович Кутузов, спасибо ему за это, судя по фамилии, видимо, дело в генетической передаче положительных качеств.

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ДОМАНОВ **Выпускник 1982 года**

В конце 80-х годов — ведущий, главный специалист отдела коммерческих банков Госбанка СССР, основной участник процесса регистрации первых советских коммерческих банков, в 1991–1992 годах — директор департамента управления деятельностью коммерческих и кооперативных банков ЦБ РФ, фактически создатель банковского надзора в России.

Банкиры с крепким запахом пота и лука

Себя лично летом 1988 года я в коммерции ещё не видел, это было новое дело, которое только начиналось. В августе мы зарегистрировали первый кооперативный банк «Союз» из города Чимкента. Его возглавлял Берик Колдыбаевич Бектаев. Мне пришлось много повозиться с его очень сырыми документами. Деньги на банк учредители нашли быстро. Дело в том, что Чимкент был перевалочным центром в бизнесе по выращиванию лука, дававшим тогда большие и стабильные живые деньги. Для оплаты уставного фонда кооперативного банка было достаточно трёх самосвалов лука — как раз 500 тысяч рублей. Вторым банком стал банк «Патент» из Ленинграда, он тоже был кооперативным (зарегистрирован 26 августа). Теперь это банк «Викинг», самый старый коммерческий банк России. В сентябре в Госбанке появилась регистрационная книга (до этого номера банкам не присваивали). Я лично по поручению зампреда В. С. Захарова ездил в типографию издательства «Правда», придумывал необходимые графы и утверждал гранки для книги регистрации. Помню, вернулся в Госбанк перемазанный типографской краской, но удовлетворённый проделанной работой. В процессе создания первых банков логики вообще не было никакой. В Госбанк прямо с вокзала вваливались люди с крепким запахом пота и говорили, что они из Курска или из Армении... Как они вообще попадали в Госбанк СССР, мы просто не понимали, никто им пропуска не заказывал. Москвичи обычно более ленивые, поэтому первыми регистрировались региональные банки. Москва — это отдельная огромная страна, в которую, как на Землю обетованную, ломятся энергичные провинциалы со всех концов «великой и необъятной». Мотивов для отказов и критериев отбора реально не было никаких. Давая разрешение на открытие банков, мы предполагали, что половина этих людей проходимцы, а какая-то часть полностью профессионально непригодна. Ставка была сделана на естественный отбор, она себя в конечном счёте и оправдала. Хорошо помню две комнатки и проход к ним в цокольном этаже на Пятницкой, 70, где находился банк «Столичный» А. П. Смоленского. А вот сам Александр Павлович уже тогда был хорош — зелёный пиджак, перстень с бриллиантом в три карата. А главное — железная уверенность, что «всё это здание мы скоро выкупим!» Действительно, выкупили и его, и соседнее уже через год после регистрации.

...Николая Доманова

Для оплаты уставного фонда кооперативного банка было достаточно трёх самосвалов лука — как раз 500 тысяч рублей.

ГЕОРГИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ГРИШИН

Выпускник 1985 года

По словам рассказчика, карьера скучная. Всего два места работы. С 1984 по 1993 год — Ингосстрах, включая ингосовскую компанию Блэкбалси в Лондоне.

Позже создал свою компанию в Лондоне «Свой страховой брокер», Oakeshott. Она стала первым в Лондоне с 1688 года брокером Ллойдс (это высшая степень доверия) с восточноевропейским происхождением с офисами в пяти странах.

Одна из двух ног страхового гиганта Советской страны

Госстрах — компания чуть ли не с самым большим количеством страховых агентов в мире (да-да, включая Юрия Деточкина — Смоктуновского).

Ингосстрах — значительно меньшая организация. В 1980-х годах в Москве было от силы 170 его специалистов плюс сеть представительств по Союзу да ещё три иностранные дочерние компании и ряд офисов в дружеских странах.

Я пришёл на улицу Пятницкую в дом 12 молодым специалистом в 1984 году, прямо с МЭО МФИ. И здесь всё уже было! Зачатки рынка. Актуарные расчёты, переписка с иностранными адвокатами и экспертами.

ВСЁ корпоративное страхование современности — не только в России, но и в «бывших республиках» имеет корни в том или ином отделе Ингосстраха!

1 августа 1984-го я с трепетом вошёл во двор здания Ингосстраха. Передо мной был голубой пятиэтажный дом. По теперешним меркам, с учётом расположения в центре, у метро, наличия парковки и большого метража, он мог быть штаб-квартирой банка из первой десятки. Узнаю, что меня распределили в ОСС. Отдел стратегических служб? Нет, страхования судов и самолётов.

Поднимаемся с Сергеем Гуляевским (мой товарищ, та же английская группа МФИ, мы вместе с 1979 года) на третий этаж.

*Сергей Дмитриевич Гуляевский —
выпускник 1984 года*

*Михаил Арсеньевич Сафронов —
выпускник 1962 года*

Очень серьёзный джентльмен, Михаил Арсеньевич Сафронов, сидя за столом в комнате, где работают ещё

5 человек, нам объясняет, что есть две позиции: страхование контейнеров и Р&I. Я отдаю право выбора Сергею, он был на стажировке в Ингосстрахе. Я же писал диплом по перестрахованию. Сергей выбирает контейнеры — имущество. Так по жизни он страхованием имущества и занимается — грузы в СОФАГе, теперь всем понемногу, будучи брокером.

А мне достаётся «пиэндай». Гм. Догадываюсь, что это про море и корабли (нет, про пароходы и суда!).

Эдуард Фёдорович Рябинин (выпускник 1952 года)

Для начала, о моём Учителе... Входить в его комнату — значило на пороге услышать радостное, но требовательное: «Ты не прав!» А вот так, задорно — чтобы поспорить.

Я пришёл в морской отдел Ингосстраха, толком не зная, чем танкер отличается от сухогруза. Месяца через полтора Эдуард Фёдорович вернулся с заседания совета директоров Р&I-клуба (за последние 30 лет всего человек 15 из нашего региона были директорами клубов. Эдуард Фёдорович — вторым или третьим) и попросил каждого в отделе высказать своё отношение к главному вопросу, обсуждавшемуся на заседании: расширять ли страхования американских рисков? Речного тоннажа? И каждый, включая меня, вставал и доказывал свою точку зрения.

За 37 лет в Ингосстрахе он руководил развитием почти всех непростых направлений — Р&I, каско целых флотов, строймонтаж, порты, автоперевозчики, космос. Возмутились Чернобылем шотландские овцеводы, попросили компенсации — отвечать им должен был отдел Рябинина (исполнитель — автор этих строк, специалист по трудным вопросам).

Эдуард Фёдорович имел громадный международный опыт: был генеральным директором СОФАГа в Гамбурге. Объездил почти весь свет.

Ушёл на пенсию из Ингосстраха и в 61 год создал Перестраховочное общество социалистических стран. Оригинальнейшая идея — использовать переводные рубли, такая валюта была, типа СДР. Исчез соцлагерь, и Эдуард Фёдорович стал первым представителем иностранной компании в Москве. Конечно же, Мюнхенского перестраховочного. Начал с семинаров, с обучения — с того, чем он активно занимался и в Ингосстрахе. А в 66 лет — опять новый этап — руководство только поднимавшимся Русским перестраховочным обществом.

Как много он дал нам, своим ученикам-коллегам. И не только знаний — уверенности в себе. Оптимизма, желания и умения находить нужные решения в самой сложной ситуации, не считаясь с авторитетами, а полагаясь на разум.

Коллектив

Ингосстрах был невелик. Я освежаю свою память по висящему в соседнем «окне» списку телефонов работников Главного управления иностранного страхования СССР на 02.01.86. Хорошо, что сохранил! В списке всего примерно человек 250. В том числе около 170 — собственно страховщики.

Небольшой, но в целом дружный коллектив.

Обед с 12:45 до 13:45, время запуска в столовую. Она небольшая, приём по сменам. Сначала идёт руководство и ветераны. Потом с 13 до 13:45 четыре смены сотрудников. Отделы разделены на четыре группы с ежемесячной ротацией. Приходишь в первую-вторую смену — обед нормальный. К третьей-четвёртой остаётся совсем немного...

После обеда наверх, в актовый зал! Там в нарды играют, собирается человек 10–15, игра на двух-трёх досках с жёсткой системой (выход «с головы» только через дупель). Асы — Жора Урюжников, Валерий Волгунов — Волгунице, Вова Абрамов. Шутки, веселье!

*Валерий Фёдорович Волгунов,
Владимир Владимирович Абрамов —
выпускники 1975 года*

Некоторые, например, в нашем отделе, в шахматы играют, блиц.

Ездили с Минфином на картошку под Коломну в подшефный колхоз. Мы не отказываемся, можно заработать отгулы! Плюс к отпуску.

Минфин — это ещё и Госстрах, и Гохран (привозящий туда чистый спирт). Здесь я познакомился с Геннадием Дувановым, одним из создателей АСКО. Работали, сидели за столом, играли в карты, купались в сентябре в пруду, ходили к разрушенной церкви.

А как гуляли в Ингосе на проводах за границу! В «Бермудском треугольнике» (ресторан — шашлычная — рюмочная) пропало немало народу. Там можно было и просто попить пива напротив офиса после работы... Или обмыть маркчегликовскую двадцатку, надбавку за моё и Гуляевского наставничество. Вчетвером с Шилиным, бывало, до утра загуливали. Иэххх, молодость!

*Марк Анатольевич Чегликов —
выпускник 1978 года*

Минфин, как и сейчас, находился на ул. Куйбышева, у Кремля. Нас туда иногда приглашали на закрытые просмотры фильмов. Помню All that jazz, «Кин-дза-дза».

Стенгазету придумал я, году в 1985-м, ведь шла перестройка! Раз в два-три месяца вывешивал в коридоре нашего третьего этажа, между бухгалтерией и машбюро. Делал интервью с ветеранами. Перепечатывал разные странные и критиканские статьи против сталинизма и хрущевизма — перестройка же! За одну, про Берию, меня на партбюро потом сильно критиковали: «В то время, когда наши космические корабли бороздят... он пишет о негативе...»

Партия и страхование едины

Собрания — там же, в актовом зале (народные доски в сторону!). Партийные, обычно открытые. Перестройка и критиковать уже было можно. Ох и часто я выступал как представитель комсомольской организации! Про закрытость нашего учреждения, про новых конкурентов, про отсутствие демократии... Да не только я!

Одно партийное собрание было особенно резким. Поводом стало письмо в «Правду» и статья «Кто правит бал в Ингосстрахе?». Май 87-го. Очень неправильная ста-

тья, Ингос критиковали (изнутри, наш Николай Куликов), например, за то, что платит

*Николай Петрович Куликов —
выпускник 1972 года*

деньги за перестрахование за границу. А куда ж ещё? Но руководителя, Леонида Леонидовича Богданова, тогда сняли.

Михаил Арсеньевич Сафронов — выпускник 1962 года

Наш Михаил Арсеньевич Сафронов — мой второй учитель — стал тогда президентом Ингосстраха. И отличным. Ездил по всему миру, налаживал связи. Он был всегда энергичен, подтянут, прекрасно говорил на языках, доброжелателен. Репутация — прекрасная.

Увы, в 1992-м вытеснили его из компании. Михаил Арсеньевич создал страховщика, позднее выкупленного всемогущим Цюрихом.

– ВЫ ЗАСТРАХОВАЛИ СВОЮ КВАРТИРУ, КВАРТИРЫ СЫНА,
ВНУКОВ И ПРАВНУКОВ, ИХ МАШИНЫ,
ДАЧИ, ЖИЗНЬ ВСЕХ
РОДСТВЕННИКОВ, ВЫ САМЫЙ...

Госстрах — компания чуть ли не с самым
большим количеством страховых агентов в мире,
включая Юрия Деточкина.

Первый закон — из кандидатской

В 1990-м Михаил Арсеньевич Сафронов включил меня в группу по подготовке первого советского закона о страховании. Я весь проект на компьютере в нашем отделе и перепечатал. С Госстрахом и Минфином согласовывали. В результате его не приняли. Я уехал из страны, а потом Союз развалился (всяческую связь между двумя событиями отрицаю).

Я ведь ещё с 1986 года писал кандидатскую. Поступил во ВЗФЭИ (теперь часть моего МФИ (Финуниверситета)) году в 1986-м. Тема — «Взаимное и коммерческое страхование. Вопросы теории и практики». Идея: изучение финансов страховых компаний. Что такое баланс и из чего состоит счёт прибыли и убытков? Тогда всего 2–3 учёных над этой темой работали. Внове была.

Коэффициенты ликвидности, платёжеспособности и *solvency margin*. Марксизм-ленинизм о страховании (а как же!). Чем взаимные / *mutuals* — отличаются от коммерческих, где во взаимных может быть прибыль, а чем коммерческие смахивают на взаимных.

Первое такое исследование было в Союзе. Посему меня Михаил Арсеньевич в группу по подготовке закона и включил. В ней человек пять было. Как оказалось, я был единственным, кто знал, что такое технические резервы, включая IBNR (*incurred but not reported losses*). Мне зампред один, проработавший за границей годы, говорил: «Что мы, инженеры, что за технические резервы?» Немного было знаний о финансовых механизмах.

Финансовый придаток

А почему? Да потому, что Ингос был в конечном итоге придатком Минфина. Получил прибыль, перевёл государству и молодец. Своеобразный налоговый механизм, как и Госстрах.

Я с Америкой работал по загрязнению вод, сертификаты, соответствующие на заходившие в порты суда оформлял. Агенты требуют: дайте баланс и счёт прибылей и убытков Ингоса, ведь вы же Акционерное общество, *Limited Company*.

Баланс какой-то смешной, из трёх-четырёх позиций, мне выдали. А про счёт прибылей и убытков намекнули, что это страшная гостайна за семью печатями, и не надо сюда соваться. Потому-то у нас плановый отдел и бухгалтерия были — поглавнее страховых...

Страхнадзоры

Работа наша, конечно, не пропала даром. Проект закона пошёл в созданный в 1992 году Страхнадзор. Да собственно, я этот термин и сокращение и придумал. Посему с первыми руководителями российского страхнадзора — Юрием Бугаевым, Капитолиной Турбиной — общался. Да и в других странах об этом моём / нашем проекте были, конечно, в курсе. Использовали его при создании страховых законодательств чуть не во всех 15 государствах.

*Юрий Степанович Бугаев —
выпускник 1974 года*

*Капитолина Евгеньевна Турбина —
выпускница 1982 года*

Термин «устойчивость» страховой компании или страховых операций из моего диссера. Посмотрите в Ленинке, защита была в январе 1991 года, за неделю до отъезда в Лондон, куда я переместился с семьёй 19 января 1991 года. С тех пор я англичанин и русский. И всё больше испанец... А сейчас ещё переместился в Италию на годик...

Языки

Учить языки нас приучили в Ингосстрахе. Ведь нам платили надбавки за их знание. За западные по 10 %, но в сумме не больше 20. За восточные — 20 %, но в сумме не выше 30. Главное, что учились по утрам, час — личного времени, час — рабочего. Раз в год сдавали экзамены.

*Сергей Эдуардович Саркисов —
в 1993 году защитил
диссертацию в ФА*

Я проходил нелёгкий французский с Сергеем Саркисовым и Николаем Кошелевым и Николаем Коше-

*Николай Николаевич Кошелев —
выпускник 1977 года*

*Сергей Петрович Шилин —
выпускник 1978 года*

на городские курсы немецкого. Так и сдавал три языка до самого отъезда...

левым. В своём письменном не был уверен и, чтобы не подорвать бюджет молодой семьи, подбил Сергея Шилина и Игоря Трофимова пойти

Загранстажировки

А ведь были ещё и стажировки за границей. Не сразу — через 4–8 лет после прихода на работу. Многое зависело от изучаемого языка. Сначала направляли на 6 месяцев, в моё время уменьшили срок до 3.

Ездили, конечно, по «инструкции» вдвоём. Но меня отправили в 1988 году одного — а уже перестройка, не страшно, б) предполагаемый напарник, Сергей Гуляевский, «загрел» в армию.

Мы ведь по окончанию МФИ имели ВУС «начальник финансовой службы отдельного батальона». Некоторые в отсутствие «превентивной работы с военкоматами» (очень невинной, в виде ингосовских красивых календарей) отправлялись служить на два года лейтенантами.

Так что впервые в жизни я приехал в Лондон в одиночестве. В промозгом ноябре 1988-го.

Евгений Иванович Ларионов — выпускник 1951 года

Сколь недоступен он был на высоком посту зампреда Ингосстраха — столь же добр, сердечен, доброжелателен в маленьком кругу работников страховой компании «Блэкбалси». При нём было три директора — финансовый Сергей Соломин (выпуск 1973 г.), андеррай-

*Сергей Александрович Соломин —
выпускник 1973 года*

*Андрей Ильич Сазонов —
выпускник 1980 года*

*Павел Александрович Осипов —
выпускник 1979 года*

тинговый Андрей Сазонов (выпуск 1980 г.) и «моторный» Павел Осипов (выпуск 1979 г.).

Евгений Иванович был опытен, прост в общении, хлебосолен в «генеральском доме» Sunbury. И, что глав-

ное, отпускал меня на все мои встречи, хотя до этого такой практики за стажёрами не водилось. Так что во многом мои взгляды на лондонский рынок сформировались благодаря ему.

Вячеслав Иванович Щербаков — выпускник 1969 года

А одним из первых «на постоянном контакте с иностранцами» — был Вячеслав Иванович Щербаков. Он недаром стал генеральным директором и президентом Ингосстраха в 2000-е годы. Смена акционеров, смена статуса... До 1998 года Ингосстрахом руководили собственные «выдвиженцы». За следующие 20 лет Вячеслав Иванович был единственным руководителем — коренным ингосстраховцем.

А помогла ему сформироваться, конечно же, работа в отделе по рассмотрению претензий. Ездил по всему миру, договаривался с сюрвеерами и представителями, спорил с нефтяниками по поводу остающихся «в трубе» грузов, с Автоэкспортом по поводу царапин на прибывавших в Панаму или в Гулль «Ладах». Огромный опыт и личное обаяние, сделали его незабываемым для всех, нас знавших.

Загранаппарат

Как и у многих советских внешнеторговых учреждений и ВТБ у Ингосстраха была загрансеть.

Ну что там скрывать, в дипломатию и внешнюю торговлю шли, чтобы заработать побольше. На выезде. При социализме вся жизнь, в принципе, ожидание загранкомандировки на три года, на пять лет. Но ездили-то в целом немногие! Процентом 20–25 от страховщиков! Остальные не сдавались, работали, развивались. Так что не деньгами едиными... но и ими тоже.

Итак, заграничные учреждения Ингосстраха.

«Блэкбалси» (Черноморско-Балтийское генеральное страховое общество, BlackBalSea) в Лондоне (работало с 1925 года) и в Париже, а также в Бейруте (И. Турурушкин) до войн 1970-х, в Египте (И. Петровский), в Судане.

«СОФАГ» (работал с 1927 года, такое же название, но по-немецки) в Гамбурге и Кёльне, позже в Москве и Берлине.

«Гарант» в Вене.

*Николай Юрьевич Суховерхов —
выпускник 1949 года*

*Геннадий Николаевич Калганов —
выпускник 1957 года*

Первое представительство аж с довоенных времён Госстраха — Иран. В 1960–1970-х — Николай Суховерхов, Геннадий Калганов, Вячеслав Щербаков — работали в Персии.

Был офис в Маньчжурии, ведь отдельная страна когда-то была!
В 1950–1980-х годах — в Китае, Пакистане (Юрий Журавлёв),

*Константин Анатольевич Новожилов —
выпускник 1957 года*

Афганистане, Мали (Константин Новожилов, важное лицо в Ингосстраховской

истории), Нигерии, Алжире, Гане, Вьетнаме...

Поистине, «над Ингосстраховской империей не заходило солнце».

Рассказы коллеги Ирины Постниковой

Созидательным моментом для нашей компании «Транссиб Ре» явился звонок Михаила Арсеньевича Сафронова по поводу создания в нашей стране Р&I-пула. Он пригласил «Транссиб Ре» стать его перестраховщиком и сказал: «Убытки, конечно, будут, но в целом это дело прибыльное». Мы вошли в перестрахование Р&I в 1996 году. Вместе с нами начали перестраховывать пул ещё 3 отечественных перестраховщика. После первой крупной выплаты за освобождение арестованного в турецком порту российского судна все они ушли. Мы с Анной Фадеевой — нашим директором по перестрахованию — рассудили так:

— Ты умеешь перестраховывать Р&I?

— Нет.

— И я не умею.

— За учёбу надо платить. Пусть эта выплата станет нашей платой за обучение.

И мы остались. Со временем первую, явно неудачную управляющую компанию российского пула по страхованию ответственности судовладельцев сменила Zeller Associates GmbH.

Для того чтобы найти инвестора, мы наняли британского специалиста — Роберта Ирвина Станбури. Роб подготовил профиль нашей компании, определил круг зарубежного общения и организовал встречи с потенциальными инвесторами в Лондоне. Перед первой встречей Роб сказал мне, что я должна говорить по-английски. Переводить вопросы переводчик может, но отвечать я обязана на понятном собеседникам языке, иначе возникнет стена непонимания. Если надо, значит, надо. Выходим с первой встречи и переводчик — Алекс Борисов — мне говорит: «Ты не заметила, что каждый раз, когда ты говорила слово “акционеры”, собеседники вздрагивали?» Я говорю, что ничего такого не происходило. А в чём дело? «Вместо shareholders (“акционеры“) ты всё время говорила hair shoulders (“волосы, плечи“»).

Мы с Ириной Геннадьевной Алёхиной пережили немало интересных, весёлых и не очень эпизодов в жизни: спасали от грузинского рецидивиста председателя правления Госстраха СССР Вячеслава Викторовича Шахова в гостинице «Дагомыс», присутствовали при первом знакомстве Виктора Эпштейна со своей женой Светланой в черноморском ресторане, закусывали водку бананами на фуршете в Военно-страховой компании (это всё, что было на огромном столе, вокруг которого стояли человек 60 мужчин и нас двое), убегали из ресторана гостиницы «Метрополь» от назойливого поклонника в большом офицерском чине, выступавшим в это время на сцене с вокальным номером и повалившим всю аппаратуру, желая нас догнать.

Просто не могу не вспомнить добрым словом Бориса Серафимовича Новикова. Он был заместителем главы Страхнадзора во времена Юрия Степановича Бугаева и возглавлял ликвидационную комиссию, когда это ведомство в очередной раз реорганизовывалось. Начнём с того, что надзор и его сотрудники были доступны для поднадзорных страховщиков. Надзорный орган занимался развитием, а не похоронами рынка, не имея в своей структуре департамента развития страхового рынка. Ну это, думаю, всем и без меня понятно,

Вячеслав Викторович Шахов — выпускник 1967 года

Борис Серафимович Новиков — выпускник 1967 года

Байки от...

что в те достославные времена и трава была зеленее, и солнце светило ярче, тем не менее Борис Серафимович был Человеком. Он всегда находил возможность помочь страховщикам, если это было возможно. Я обратилась к нему за каким-то документом для одной из сибирских страховых компаний, когда процедура ликвидации надзора уже шла полным ходом, и он, крякнув, достал из сейфа печать закрытой организации и выдал мне искомое задним числом. Никакой мысли о благодарности ни у одного из нас и в головах не было.

ЮРИЙ РАМИТОВИЧ ИСМАГИЛОВ **Выпускник 1985 года**

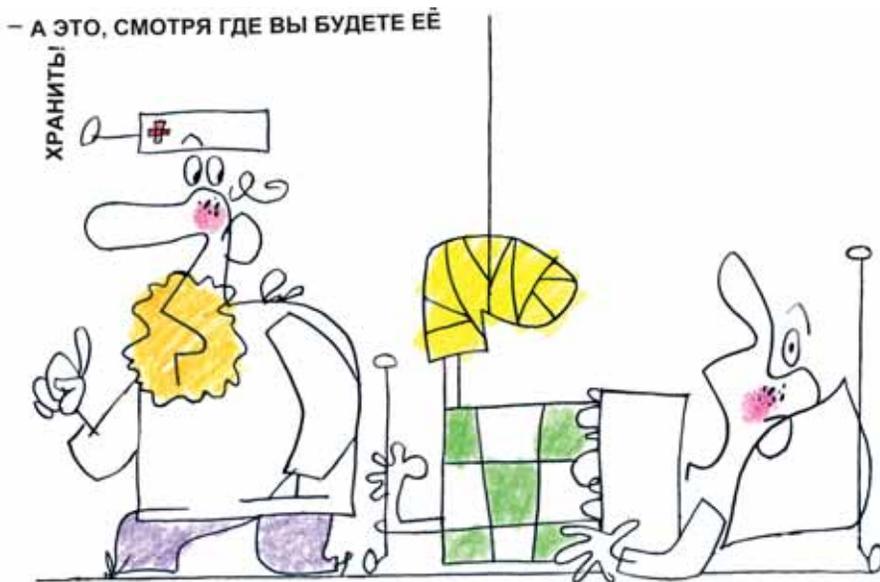
В конце 80-х годов — сотрудник Госбанка СССР, один из создателей, затем председатель правления банка «Кредит-Москва». Позже — первый заместитель председателя правления, и. о. председателя правления Среднерусского банка Сбербанка России.

Что делать, если у банка возникнет очередь

Когда вступил в силу Закон «О кооперативах», в нём была известная статья о том, что ассоциации кооперативов имеют право создавать банки. Один из моих однокашников по институту работал тогда в Сбербанке управляющим отделения. Как водится, заходили друг к другу, говорили о том о сём. Ну и как-то так родилась вдруг идея, а не сделать ли свой собственный банк? В общем, достаточно абстрактная идея, без каких-то определённых представлений, как и на чём деньги будем зарабатывать, и так далее. Был ещё у меня приятель по институту, правда, он другой факультет окончил, мы его тоже решили привлечь. Ну, встретились, переговорили и решили: будем делать. Это было где-то в июле 1988 года. Встал вопрос: с чего начать? Никаких ведь установленных процедур не было. Ну, в общем-то больше по наитию сообразили, что надо составить устав. Сели его писать. Кое-какие наработки у меня, к счастью, уже были. Я в институте готовил курсовую по дореволюционным коммерческим банкам. Соответственно, знал, где и что нужно посмотреть. Пошёл в библиотеку, поднял старые уставы, и мы на базе их сделали что-то подобное. Стало быть, сделали устав, отнесли его в Госбанк. Процедура регистрации заняла около месяца, может, даже меньше. К ним, помню, ходил тогда тоже один такой человек с гербом СССР, вышитым на рубашке, Берик Бектаев, казах из Чимкента, в результате зарегистрировавший первый советский кооперативный банк — «Союз». Разумеется, после регистрации в течение месяца или двух выясняли, кто же де-факто будет хозяином банка. Денег-то у нас не было, а кооперативы тоже денег давать не хотели. Может, у одних действительно их не было, другие же колебались: что там, да как это будет? После этого начали искать помещение, что вообще-то по тем временам представлялось мало реальным. Стали оформлять различные документы. Для этого скинулись рублей по сто, кажется, — образовали фонд. Ну и, конечно, потребовалось открыть корсчёт. Это мы сделали в Московском городском управлении Госбанка. В общем, это тоже прошло относительно легко. Никакого штата у нас в то время, разумеется, не было, была просто инициативная группа — четыре выпускника Московского финансового института. Ещё один коллега был врачом по образованию. У него был свой кооператив

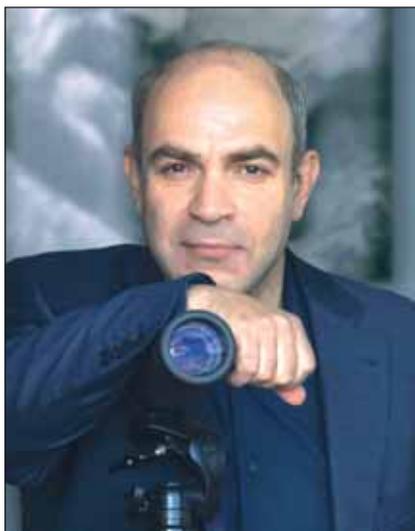
«Здоровая семья» — один из крупнейших по тем временам кооперативов. Он тогда понял, что на медицине больших денег не сделаешь и что будущее за банками. Формирование уставного фонда оказалось довольно сложным процессом. Какие-то средства мы добыли, проведя до конца 1988 года пять операций. Три, по-моему, тысячи дал один кооператор, на возвратной основе. Он, собственно, предоставил их не в уставный фонд, а чтобы мы могли какую-то мебель купить, ну и на прочие, совершенно необходимые расходы. Наконец, кажется, уже в начале января 1989 года Вадим, который в Сбербанке работал, нашёл нам помещение бывшего архива в Кунцевском районе. Это были три комнаты в жилом доме практически без окон. Единственное окно было в двери. Стояли там металлические стеллажи, мы их разобрали, за пятьдесят рублей наняли уборщицу. Она смела пыль, паутину, всё помыла, вычистила. Потом на занятые деньги купили мебель, сами её привезли. В выходной приехали, собрали её и начали работать.

Нужно сказать, что вообще все мы в то время продолжали трудиться на прежних местах. Денег-то банк пока не давал практически никаких. Мы и в объявлении указали время работы банка с 19 до 21 часа. Так что, кончается рабочий день, где-то час на дорогу, и мы в банке. Ну чем поначалу занимались? Дорabатывали внутреннюю документацию, договаривались между собой: ты пойдёшь туда-то, ты с таким-то будешь говорить, а ты с таким-то. Вскоре всё-таки пошли уже кое-какие операции. Первым заказчиком стал кооператор, один из наших учредителей — владелец частного ресторана (Ленинградская, 44). Он попросил: «Посмотрите у меня документацию». У него бухгалтерию вела девочка, которая записывала приход-расход, особенно в подробности не вдаваясь. Ну и он хотел привести всё в порядок на случай какой-нибудь проверки. Я поехал в субботу, разумеется. Часов с девяти до четырёх просидел, посмотрел, объяснил, как и что делать. Триста рублей плюс бесплатный обед. Операция, правда, не совсем банковская, но для банка это был первый доход. Мы его оприходовали по кассе, всё как положено. Потом пошли уже более соответствующие назначению банка операции, в основном расчётного характера. Начали уже образовываться кое-какие остатки. В то время, чего греха таить, бизнес многих кооперативов стал перестраиваться на превращение безналичных денег в наличные.

Ну, очередь не очередь, но меры на всякий случай приняли.

Кооперативы под это дело компьютеры покупали. Для нас в этом бизнесе была основная комиссия. Из заработанных денег мы и выдали первую ссуду. Тоже одному знакомому. Без обеспечения, под честное слово на покупку компьютеров. Даже не компьютеров, а одного компьютера. Сумма-то была всего 25 тысяч рублей, а ставка 20% абсолютных. Мы для себя прикинули, получилось, что на худой конец, если всё распродать, можно будет расплатиться. Ничего, обошлось. Он нам свою задолженность благополучно погасил. Вот тогда мы, наверное, выдали первую зарплату. Отметили, как положено, в ресторане «Центральном». Весной уже, по-моему, решили дать объявление в единственное тогда издание для этих целей — приложение к «Вечерней Москве». Помню, много потом шутили по этому поводу. Ведь проблема возникла. 28 апреля дали объявление, потом собрались и стали думать: а что будет, если у банка очередь возникнет? Ну, очередь не очередь, но меры на всякий случай приняли. Главная установка была прийти всем в костюмах, галстуках и белых рубашках. И эта установка была выполнена. Очереди хотя и не возникло, но народ пошёл. Даже, кажется, в первый день кто-то пришёл. Летом 1989 года сделали ремонт. Его нам один из клиентов сделал, в счёт погашения ссуды. Такой своеобразный бартер. Запомнился этот ремонт. Окон-то в помещении не было. После покраски дышать стало совершенно нечем. Несколько дней у нас приём клиентов вёлся в автомобиле, который был припаркован тут же во дворе.

МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ АЛЕКСЕЕВ **Выпускник 1986 года**

С конца 80-х годов работал в Министерстве финансов СССР, затем в Межкомбанке, ОНЭКСИМ Банке, с 1998 года — в руководстве Росбанка, являясь одновременно председателем экспертного совета Федеральной комиссии по ценным бумагам. Ныне — председатель правления ЮниКредитБанка.

Сила рабочего класса

Можно сказать, что в Московский финансовый институт я попал случайно. Во время учёбы в школе я нацелился поступать в МГИМО, но не добрал туда баллов. Экзамены в это престижное учебное заведение проходили раньше, чем в другие вузы, но я хотел поступать только туда и даже подумывал о том, чтобы, отслужив срочную службу в армии попробовать поступать повторно (мне говорили, что после армии это сделать вроде как попроще).

Однако судьба распорядилась по-иному. Моя бабушка в своё время работала в Стройбанке, от которого нам дали квартиру с соседями, вся семья которых окончила Московский финансовый институт. Соседи дружно уговорили меня не валять дурака, в армию не идти, а поступать только в МФИ. Так я и сделал. Подал документы и начал сдавать экзамены. Три экзамена сдал неплохо. Но решающим был последний, четвёртый, экзамен по истории. Как сейчас помню, впереди меня от-

*Василий Иванович Ремизов —
выпускник 1986 года*

вечал на билеты Василий Ремизов, с которым мы потом пять лет учились в одной группе. Отвечал Василий, прямо скажем, не блестяще.

Экзаменатор пытался ему помочь (ребят у нас было совсем мало, их старались не заваливать) и, видимо, с этой целью спросил абитуриента о главном: «Вася, а кем работают твои родители?» — «Мои родители — рабочие», — ответил Вася. «Это хорошо. Это очень хорошо», — обрадовался преподаватель. — это просто замечательно! Ведь рабочий класс в нашей стране — это класс-гегемон. Это пять, Вася. Пять. Ты молодец, иди, в добрый путь». Историю я знал хорошо и отвечал неплохо, однако в конце экзаменатор меня почему-то тоже спросил о том, кем работают мои родители. Мои папа и мама были из служащих, папа — научный работник, мама — инженер-технолог. Я задумался. В какой-то степени они, наверное, тоже могли считаться представителями рабочего класса, хотя был риск того, что преподаватель отнесёт их к социальной группе интеллигенции, которая у нас в то время не считалась классом-гегемоном, а рассматривалась как прослойка между рабочими и крестьянами. Сказать, что я из крестьян, язык не поворачивался, но и рисковать не хотелось. «Из рабочих», — выдал из себя я. «Из рабочих?» — с недоверием переспросил преподава-

тель. «Ну да», — не сдавался я. Опытный историк засомневался, сомнения читались на его лице. Он долго думал о чём-то. О чём, я понять не мог. Пауза затянулась. «Ну ладно», — в наконец сказал экзаменатор, — в конце концов мы все — рабочие. Иди, Миша, я поставлю тебе пятёрку, тем более что отвечал ты хорошо». Может быть, этот случай и решил всю мою судьбу. Не знаю, что бы со мной случилось, если бы я по своему социальному происхождению для историка оказался недостаточно заслуживающим доверие. Мне почему-то показалось, что к служащим он относился как-то не очень.

Про комсомольскую сознательность и о жизненном балансе

Я поступил в МФИ В 1981 году. После того как мы сдали вступительные экзамены, потянулись мучительные дни и часы ожидания обнародования результатов. Со дня на день должны были появиться списки зачисленных. И тут мне позвонили домой и попросили приехать в комитет комсомола института. Излишне говорить, что в указанное время я был в нужном месте. Перед нами во всей красе предстал секретарь комитета ВЛКСМ института Дми- *Дмитрий Львович Шапошников — выпускник 1982 года*

трий Львович Шапошников, который держал перед нами весьма витиеватую речь. Он прямо не сказал, что приглашённые зачислены, а зашёл с другого конца. Попросил помочь, причём совершенно добровольно, упирая на нашу сознательность как комсомольцев, разгрузить новую мебель, которую привезли в институт. Дело в том, что лифты в то время не работали, а поднимать столы, стулья и шкафы надо было на верхние этажи. Все, кого пригласили, оказались на удивление сознательными людьми, никто из них не отказался заняться физической работой. Может быть потому, что Дмитрий Львович произнёс загадочную фразу, что списки зачисленных уже готовы, но поправить их никогда не поздно. Именно эта фраза, возможно, оказала на всех магическое действие. В общем, нам было сделано такое предложение, от которого нельзя было отказаться. Короче говоря, ещё до начала учёбы нам пришлось изрядно поработать.

Ко мне вторым номером в качестве грузчика определился молодой парень — Валера Кургузов. Мы с ним познакомились, таская по лест-

**Валерий Васильевич Кургузов —
выпускник 1986 года**

нице вдвоём столы на тринадцатый этаж. И так продолжалось три дня до появления списков зачисленных на учёбу. С тех пор

судьба нас свела вместе. Мы в одно время работали в Министерстве финансов СССР, а потом Валера (Валерий Васильевич) пришёл на работу в банковскую группу, которую я возглавляю. Не миновала сия участь и нашего комсомольского секретаря Дмитрия Львовича Шапошникова. Спустя тридцать пять лет мы снова с ним свиделись, и я предложил Дмитрию Львовичу рассмотреть возможность поработать в нашей системе. Дмитрий Львович принял моё предложение, но его надо было ещё согласовать с вышестоящими инстанциями. Предварительное устное согласование я получил, а вот письменный ответ запаздывал. Между тем уже пора было заполнять вакансию, и я решил спустя много лет вернуть долг Дмитрию Львовичу оплатив ему его же монетой. Пригласил бывшего комсомольского вожака к нам и сказал, как есть, что письменного согласия на его назначение пока не получено, но как от сознательного человека я жду от него немедленного выхода на работу без гарантии оплаты и утверждения — примерно также, как это было во время нашего зачисления в студенты. Дмитрий Львович, оказавшись примерно в той же ситуации, в которую он поставил меня и моих товарищей много лет назад тоже повёл себя правильно — вышел на работу без всяких разговоров и спустя три дня (тот же срок, который мы таскали столы и стулья) был официально утверждён в своей должности. Долг всегда должен быть красен платежом, и баланс во всём должен соблюдаться. Это правило я усвоил ещё в стенах МФИ и стараюсь ему неуклонно следовать.

О несостоявшемся отчислении и о том, что руководство тоже порой ошибается

Мои первые дни учёбы в Московском финансовом институте не обошлись без приключений. Ещё на первых занятиях нас строго предупредили, что прогулы лекций и семинарских занятий недопустимы

и что те, кто будет уклоняться от посещения обязательных дисциплин будут беспощадно отчисляться. Тем не менее одно семинарское занятие за первую пару месяцев я всё же прогулял и немного переживал по этому поводу. Мои переживания усилились, когда меня неожиданно вызвали в деканат.

Михаил Абдурахманович Эскиндаров, который был в то время

Михаил Абдурахманович Эскиндаров — выпускник 1976 года

заместителем декана нашего финансово-экономического факультета устроил мне настоящий разнос, убив известием, что меня будут отчислять из-за прогулов. Я буквально лишился дара речи и не знал, что сказать. Между тем Михаил Абдурахманович всё громил меня и громил, возмущаясь тем, что я практически не бываю в институте. Уже будучи готовым понести заслуженное наказание, справедливости ради я решил заметить, что прогулял семинар всего один раз. После этого к обвинениям в прогулах были добавлены обвинения в наглой лжи. Мне была показана какая-то ведомость согласно которой в институте студент по фамилии Алексеев практически не появлялся. Уже почти переставая понимать реальность, краем глаза я заметил, что инициалы прогульщика не совпадают с моими. Мы начали разбираться, что к чему, и выяснили, что у меня на курсе есть однофамилец, который, собственно говоря, и был вызван в деканат, но по причине его отсутствия в институте и из-за того, что секретари в деканате ещё не всех знали, по ошибке на разбор полётов вызвали меня. У меня как камень с плеч свалился. Михаил Абдурахманович, как мог, меня утешил, хотя и попенял, что даже один прогул — это нехорошо. Так мы с ним и познакомились и с тех пор уже скоро как четыре десятка лет поддерживаем отношения. Профилактическая беседа пошла мне на пользу. Посещаемость занятий у меня была одной из лучших, что в итоге помогло мне окончить институт с красным дипломом.

Проявитель и закрепитель, пригодные и для цифровой фотографии

После третьего курса вместе с товарищами мы поехали работать в стройотряд в район города Тамбова. Там нам предстояло возводить

коровники. Работа намечалась тяжёлая, нужен был отдых и возможность расслабиться после тяжёлых трудовых будней, отдохнуть. С этим были проблемы, так как нас строго-настрога предупредили, что спиртного брать с собой нельзя ни капли, ни-ни, и что всех по приезду будут беспощадно проверять и продавцов всех магазинов в округе предупредят, чтобы нам водку не продавали. Таким образом сложилась тяжёлая ситуация.

Народ долго думал, совещался, и один вариант рассматривали, и другой, но всё как-то ненадёжно выходило. Вдруг кто-то вспомнил, что я и друг мой Вася (Василий Иванович Ремизов) промышляем фотографией, а без фотографии в стройотряде ну никак нельзя и надо бы обязательно фотолабораторию организовать. А для фотолаборатории нужны были фотореактивы — проявитель и закрепитель. Много проявителя, ну и, естественно, много закрепителя.

Идея организовать фотографическое производство у командира и комиссара лагеря подозрений не вызвала, и добро было нами без труда получено. Но когда мы с Василием явились на вокзал с несколькими большими пластиковыми канистрами, на которых было написано «Проявитель» и «Закрепитель» и для надёжности нарисованы черепа с костями, руководство почему-то засомневалось в содержимом ёмкостей и изъявило желание его проверить. Мы категорически настаивали на том, что смеси, которые мы везём, и которые Василий Иванович готовил долго в домашних условиях, сильно ядовитые и даже от их паров можно запросто отравиться. Убедить руководителей до конца нам всё же, видимо, не удалось, сомнения остались, но в вокзальной суете, когда времени было мало и надо было грузиться, разбираться с нашими жидкостями было недосуг. Короче говоря, правдами и неправдами растворы были доставлены на территорию нашего лагеря и закрыты на замок в отдельном закутке вагончика, где мы жили. Для надёжности на двери закутка мы поместили табличку с надписью «Фотолаборатория».

Фотографировать мы с Василием Ивановичем любили, снимали много и часто, а когда дело доходило до печати фотографий после отбоя, наши товарищи по вагончику с удовольствием присоединялись к фотографическому процессу. Руководство лагеря пыталось как-то проверить, как идёт процесс, но даже им регулярный доступ в фото-

лабораторию был заказан, чтобы не засветить фотографии. Поскольку они в конце концов появлялись, особых вопросов к нам не было. Единственное, что всех огорчало, — большой расход фотореактивов, тех самых «проявителя и закрепителя».

Утром после сложной ночной коллективной фотопечати на работу выходить было непросто, и нам иногда шли навстречу — решали ещё часок-другой поспать. Когда фотореактивы начали заканчиваться, мы стали их экономить, но всё равно пришлось ещё закупать их в окрестностях, так что дотянули мы до последнего нашего вечера и даже поделились остатками с товарищами из других отрядов. Этого делать, наверное, было не надо. «Проявитель и закрепитель», попав в массы, привёл некоторых бойцов в состояние крайнего возбуждения. Кто-то решил, что перед отъездом зачем-то обязательно нужно демонтировать стоящий недалеко за вагончиками туалет системы «сортир». Сказано — сделано. Снос строения начался незамедлительно. Мы в этом безобразии не участвовали, но вскоре почувствовали, что что-то пошло не так. Сначала ночной воздух наполнился какими-то новыми запахами. Потом с истошным криком «Ааа!» мимо нас по направлению к озеру пронеслось страшно воняющее чудовище, которое оказалось нашим товарищем, злоупотребившим то ли «проявителем», то ли «закрепителем», то ли и тем и другим вместе, после чего случайно попавшим в выгребную яму.

Поскольку в дальнейшем этот человек занял видные посты на государственной службе, я уже давно забыл его имя и фамилию, но запах, которым он благоухал в ту ночь, и скорость, с которой он телепортировался по направлению к озеру, я запомнил хорошо. Благодаря высказанной одним умным человеком блестящей идее с тех времён у нас осталось большое количество отличных фотографий. Так что мысль об организации фотолаборатории оказалась очень правильной со всех сторон. Жалко, что теперь с переходом на цифровую фотопечать уже отпала необходимость в использовании проявителя и закрепителя. Я бы многое отдал, чтобы снова вместе со старыми друзьями в закутке строительного вагончика вдохнуть пары фотографических реактивов домашнего приготовления. Но фарш невозможно вернуть назад и время ни на миг не остановишь. Всё в прошлом. Осталась только память.

Техника безопасности на всех стадиях трудовой деятельности

Во время пребывания в студенческом строительном отряде «Тамбов-83» мы жили в строительных вагончиках недалеко от чудесного озера. Купаться в нём времени было мало, так как работа занимала большую часть дня и притом это был нелёгкий труд — мы, как я уже рассказывал, строили коровник. Правда, потом, когда мы его соорудили, главный агроном долго задумчиво бродил между бетонными колоннами с рулеткой, всё что-то измерял, почёсывал затылок, пока с болью в голосе не огорошил нас вопросом-заявлением: «Ребята, вы что построили? Сюда же ни одна корова не поместится!» Походив ещё немного по объекту, он в сердцах махнул рукой, произнеся: «Ладно, пусть телятник будет. Не сносить же такую махину».

Так что стройка давалась нам во всех смыслах нелегко. Мои друзья, с которыми мы делили сообща один вагончик, не раз высказывали пожелания взять день-другой дополнительных выходных, но повода для этого придумать мы не могли. И тут я вспомнил, что меня назначили ответственным за технику безопасности всего отряда. Я посмотрел красочные брошюры с требованиями о том, как всё правильно надо организовать, и с присущим нам тогда чувством глубокого удовлетворения обнаружил, что место для купания по правилам должно быть специально оборудовано ограждениями. С этим открытием

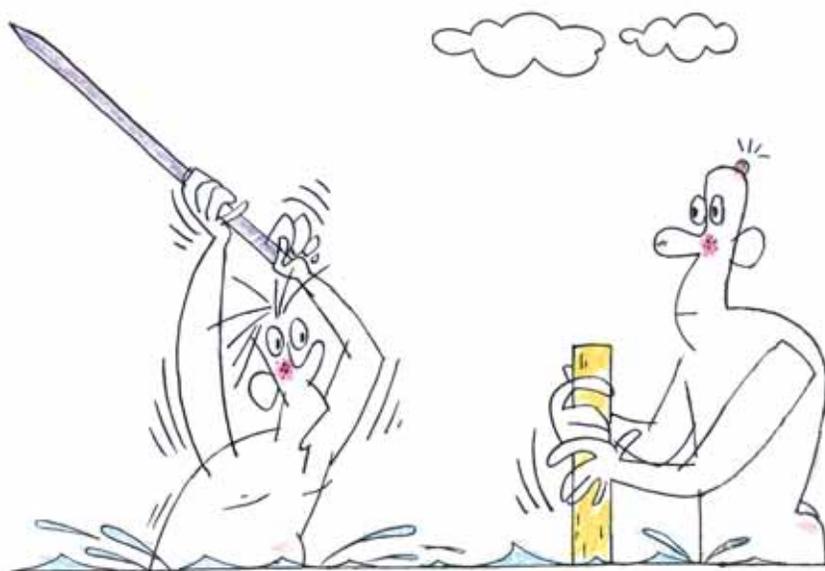
*Алексей Всеволодович Гордиенко —
выпускник 1977 года*

*Андрей Юрьевич Каплунов —
выпускник 1982 года*

я пошёл к командиру (Алексею Всеволодовичу Гордиенко) и комиссару отряда (Андрею Юрьевичу Каплунову). Они высказали резонные сомнения в том, насколько

надо огораживать место для купания, но я был непреклонен. Спорить со мной никто не решился — брать на себя лишнюю ответственность руководителям было не с руки. Техника безопасности — дело святое.

Я предложил для оборудования места на пару-тройку дней задействовать всю нашу бригаду, живущую в вагончике, и со мной, хотя и нехотя, согласились. Так что мечта провести на озере пару-тройку дней сбывалась. Понятное дело, мы на озеро не отдыхать пошли, а заниматься ответственным делом.

– ВАСЯ! ЕСЛИ ТЫ МЕНЯ ЕЩЁ РАЗ
ТРЕСНЁШЬ ЛОМОМ ПО БАШКЕ, Я

СВАЮ НЕ УДЕРЖУ!

**Мы на озеро не отдыхать пошли, а заниматься
ответственными делами.**

В найденной брошюре было сказано, что произвести огораживание следует, вбив в дно водоёма сваи и натянув между ними сетку. Сетки у нас не было, зато несколько свай из подручных жердей мы изготовили. Дальше их надо было забить в дно озера. Это было сделать сложнее. Для этого у нас был лом. Поэтому один из нас плавал, держа в руках сваю, а другой пытался, стоя в воде по грудь, попасть ломом по торцу дерева. Главное было — не двинуть между глаз тому, кто сваю держал. С горем пополам мы как-то забили в дно то ли две, то ли три сваи, пока над озером не раздался дикий крик. Это один из наших товарищей, промахнувшись, вместо сваи ударил ломом по руке своего напарника. Вода, конечно, удар смягчила, ни травмы, ни перелома конечности, славу богу, не было, но больше рисковать мы не хотели. Пострадавший, конечно, высказал доступным языком всё, что думает про того, кто работал с ломом, да и про того, кто всё это придумал. Пришлось идти к руководству и объяснять, что технику безопасности нужно соблюдать ещё и при забивке свай, а у нас для этого нет нужной техники и оборудования. Со мной и на этот раз легко согласились, так что от идеи огородить место для купания в озере пришлось отказаться.

Но задуманное удалось — пару дней мы провели хорошо. И, главное, честно попытались обеспечить технику безопасности. Ведь безопасность труда — это очень важная штука. Ей пренебрегать нельзя!

Солдатская хитрость должна быть дозированной

После окончания четвёртого курса по линии военной кафедры мы на месяц выехали на сборы в летние лагеря, организованные на базе Ярославского высшего военного финансового училища. По прибытии на место нам выдали со склада какое-то пролежавшее, видимо, многие годы обмундирование, сапоги, прочую амуницию и простыни на портянки и для подшивки подворотничков. Руководивший нами капитан показал, как надо правильно пришивать подворотничок, похваставшись, что делает это почти мгновенно, так как у него какой-то свой особый способ делать стежки сверху и снизу. Для примера он взял мою гимнастёрку и действительно в считанные секунды проделал нужные манипуляции.

В технике капитана я лично ничего особо выдающегося не обнаружил, но на всякий случай на следующий день, когда настала пора менять подворотничок, попросил его ещё раз мне показать секреты своего мастерства, которые якобы я не усвоил с первого раза. Мой интерес, как показалось, польстил офицеру, и он с видимым удовольствием также ловко и быстро, как накануне, решил мою проблему. Некоторые товарищи первое время сильно мучились, выполняя эту вроде бы несложную операцию, кололи себе пальцы иголками, перекладывали свою работу по нескольку раз, так как её у них не принимали сержанты. У меня же таких проблем не было. Я набрался наглости и на третий день снова подошёл к капитану, пояснив, что всё ещё не до конца усвоил все премудрости солдатского портняжного дела. Капитан пробурчал что-то вроде того, что нонче студент уже не тот пошёл, неопытный и несмышлёный, и медленно, шаг за шагом очередной раз подробно показал, как всё надо делать. «Ну, что, студент, теперь понял?» — победоносно спросил он. «Кажется понял, — неуверенно кивнул я. — Попробую завтра. Но если не получится, можно я ещё раз подойду?» — «Тяжёлый случай, — вздохнул капитан, — но ты не переживай, справишься. Всё не так уж сложно. Делай, как я показал. Любой мог бы запомнить».

На четвёртый день пришивать подворотничок самому опять не хотелось. Я уже привык к сервису. И решил (была не была) попытаться счастья ещё раз. Хотя смутные сомнения относительно того, стоит ли испытывать судьбу, меня начали терзать. Но лень взяла своё. Товарищи уже смотрели на меня с лёгким изумлением. Слухи о том, что Алексееву аж капитан лично подворотнички каждое утро пришивает начали ползти по лагерю. Видимо, доползли они и до капитана. Во всяком случае, когда я подошёл к нему в четвёртый раз, сложилось впечатление, что он был уже подобно оружию на стрельбах заряжен и даже ждал моего появления, как ворон крови. «Что, Алексей, показать тебе ещё раз как подворотничок надо подшивать? Ещё не всё усвоил?» — как-то не по-доброму язвительно спросил он так, что я сильно засомневался в правильности своего намерения. Мне бы тогда дать полный назад, но я почему-то решил двинуть напролом, мол, будь что будет. И напрасно. Это был перебор. Так что, когда я кивнул и высказался в том смысле, что надо бы ещё раз всё проверить, а то вместо двенадцати стежков сверху у меня все пятна-

дцать выходят, то сразу схлопотал три наряда вне очереди с формулировкой «за попытку издевательства над боевым офицером». С тех пор я подворотнички подшивал себе сам. Зато способ делать стежки, который показал мне тогда капитан, запомнил на всю жизнь. Так же больше я стараюсь в общении со старшими по званию палку не перегибать. А то неизвестно ещё, какие наряды могут выписать.

Двойная ответственность перед Родиной

Ещё один случай, связанный с тем, что на нашем курсе обучались два студента с фамилией Алексеев, произошёл во время учебных сборов в военных лагерях. Через какое-то время после нашего приезда нам предстояло торжественно принять воинскую присягу. Все очень волновались, мы долго репетировали церемонию и основательно к ней готовились. Случайности в таком важном деле, по идее, должны были быть полностью исключены. Всё вроде бы шло хорошо, как по маслу, без сучка, без задоринки, пока не настал момент, когда мне надо было расписаться в том, что я принял присягу. К огромному своему удивлению, я увидел, что мой однофамилец, скорее всего, из-за волнения и присущего ему раздолбайства по ошибке расписался в моей графе вместо меня. Я замешкался. Возникла неловкая пауза. Офицеры начали на меня искоса смотреть. Обратиться к ним у меня духу не хватило, не хотелось портить такой торжественный момент. Марать подписной лист тоже не было желания. «В конце концов кто что заметит? — решил я. — Где один Алексеев, где второй Алексеев никто не разберёт, главное, что оба присягнули и расписались». С этими мыслями я поставил свой автограф на том месте, где должна была красоваться подпись моего однофамильца и посчитал дело закрытым. Только потом я понял, как сильно ошибался. В то время у нас в армии был полный порядок, отцы-командиры и военные контрразведчики зря свой хлеб не ели. Короче говоря, спустя какое-то время меня и моего однофамильца вызвали на беседу. Пришлось отвечать на неприятные вопросы о том, специально мы такое учудили или без злого умысла, по ошибке. Пришлось отдуваться. В конце концов всем пришлось расписаться в нужной графе, так что каждый из нас как бы принял присягу и за себя, и за того парня.

С тех пор я всегда расписываюсь там, где нужно. Военная кафедра так научила, что не забудешь.

Способы смириться с тяготами жизни

После окончания учёбы в институте я поступил в аспирантуру. Мне казалось, что работа над диссертацией должна проходить в более спокойной атмосфере, чем студенческая учёба, но жизнь показала, что расслабляться было слишком рано. В начале сентября 1988 года я, как ни в чём не бывало, в хорошем настроении, с планами приятно провести ближайшие годы выходил из здания института. Чёрт меня дёрнул повстречать секретаря нашей партийной организации Светлану Леонидовну Деркач. Уже на выходе я заметил её пристальный взгляд. Мне надо было бы, потупив взор, постараться серой мышкой прошмыгнуть мимо неё, но я тогда был молод, наивен, самонадеян и вместо того, чтобы проявить бдительность, вальяжно, с гордым видом потрусил мимо. Напрасно, это меня и сгубило. «Алексеев!» — окликнула меня Светлана Леонидовна. «Что?» — спросил я. «Вы член КПСС?!» — вопрос был задвинут под самую штангу. «Кандидат», — выдавил из себя я, уже начав подозревать, что дело добром не кончится. На этот раз аспирантская смекалка меня не подвела. «Отлично! — обрадовалась Светлана Леонидовна. — Вы едете на картошку». — «Когда?» — в ужасе переспросил я, ещё не осознав до конца масштаба свалившегося на меня горя. «Через два часа», — последовал приговор.

Я попытался было что-то возражать, рассказывать про важность сосредоточиться над очередной главой научной работы, но было уже поздно. Вопрос был поставлен ребром — или партия, или картошка. В общем, путь в коммунисты лежал через картофельное поле и никак иначе. Как говорится, против металлических прутьев интеллект бессилен. И что поделаешь? Пришлось заехать домой, взять тревожный чемодан, собрать необходимое и вернуться к институту.

*Владимир Евгеньевич Корольков —
выпускник 1973 года*

Моими товарищами по несчастью оказались доцент Владимир Евгеньевич Корольков и преподаватель

военной кафедры майор Качагуров. Их тоже мобилизовали по партийной линии. Мы разместились в кузове грузовика, получили на каком-то складе сотню телогреек, на которых разлеглись, и поехали к первокурсникам, пару дней назад в авральном порядке, без какого-либо руководства брошенным на сельхозработы. Каждый из нас должен был возглавить отдельный сельскохозяйственный студенческий отряд.

Мы долго ехали и в конце концов прибыли на территорию какого-то вполне приличного пионерского лагеря. Там нас покормили ужином и предложили определиться, кто хочет здесь остаться. Мне не очень понравился компот. Как человек опытный, я заподозрил, что туда добавляют бром. В то время это практиковалось, чтобы народ меньше буйствовал. Мне такой эксперимент над организмом был не нужен, и я решил попытаться счастья в другом месте, в надежде, что там компот будет нормальный.

Впрочем директор столовой всё отрицал и на вопрос о том, добавляют ли бром в компот, отвечал отрицательно, но как-то неуверенно, неуверенно — глазки у него нехорошо бегали. Я прямо ему сказал, что чувствую характерный привкус и поэтому поеду дальше, в другое место, где делают нормальный компот. «Напрасно вы молодой человек нами пренебрегаете. Пожалуете ещё», — ответил на это заведующий столовой.

По молодости и неопытности я к его словам тогда не прислушался. И напрасно. Зато конъюнктуру чутко уловил опытный майор, легко согласившийся остаться здесь. В житейском плане он оказался поумнее доцента и аспиранта. Второе место, куда нас на перекладных доставили, было на порядок хуже. Это был уже не хорошо обустроенный пионерский лагерь, а какое-то полуразвалившееся охотничье хозяйство с большим гнилым бараком. Его я с лёгким сердцем уступил своему попутчику в надежде на лучшую участь. Надежда, как известно, умирает последней. И в этом была моя вторая роковая ошибка.

Теперь мы пересели на «Жигули» члена комитета ВЛКСМ Дмитрия Меньшикова и вдвоём отправи-

Дмитрий Адольфович Меньшиков — выпускник 1988 года

лись искать место моего десантирования. Дмитрий в дороге всё больше молчал, что порождало тревогу. Давно стемнело, дождь лил как

из ведра. Мы плутали по каким-то грунтовым дорогам, где уже не было фонарей, а царили сплошной мрак и непролазная грязь. Вдруг где-то посреди ничего Дмитрий приглушил мотор и сказал мне: «Всё, приехали, выходи, Михаил». — «Куда приехали?» — в ужасе спросил я. «А вот туда, — Дмитрий махнул рукой куда-то в пустоту. — Видишь там огонёк?» Я пригляделся и действительно увидел на горизонте какое-то свечение. Из этого места доносилось злое рокотание. «Что это?» — спросил я. «Общежитие шофёров-лимитчиков, — пояснил Дима, — его в народе ещё гестапо зовут. А проехать я туда не могу. Там грязь такая, что любая машина застрянет. Иди уж сам, там всего-то километр».

Делать было нечего, и я через грязь поплёлся к указанному зданию. Чем ближе я подходил, тем сильнее был звук мотора. Им оказался дизель электрогенератора, которым освещалось общежитие. В это место даже электричество не провели. Увиденное сооружение действительно было злое. «И, правда, гестапо какое-то», — подумал я и не сильно ошибся. Шофёры-лимитчики в этом заброшенном строении, возведённом вдали от близлежащих деревень и посёлков, месяцами жили в страшной тоске и пьянстве, до тех пор пока в один прекрасный сентябрьский день на их улицу не пришёл праздник. К ним поселили два десятка восемнадцатилетних свеженьких студенток-первокурсниц и дюжину худосочных парней, да ещё без начальства. Им показалось, что жизнь налаживалась. Войдя в общежитие, я сразу стал свидетелем сцены выяснения отношений гостей и хозяев. И оценив обстановку, понял, что вопреки ожиданиям счёт складывался не в пользу коренных жителей. Здоровый студент-первокурсник держал на вытянутой руке взятого под воротник хилого, в дупель пьяного мужичка-шофёра так, что его ноги болтались в воздухе и медленно, с чувством, с толком, с расстановкой до слёз понятно объяснял ему диспозицию, примерно в таких выражениях: «Слушай меня внимательно, кореш, и запоминай. Хорошо запоминай, пока я тебя через пару минут не выключу. Я во внутренних войсках на зоне, на вышке на Колыме, два года отстоял. Меня паханы отцом родным называли, а тебя, чувырла, если ещё раз к нашим девочкам нос сунешь, я мехом наружу выверну. Глаз натяну на пятую точку и моргать заставлю!» За добрым словом следовало быстрое дело. Шофёр-лимитчик был нокаутирован. Его товарищи злобно наблюдали за сценой, и что-то мне подсказывало, что так просто они унижения своего дружка не простят. Хотя расклад был

явно не в их пользу. Ребята-первокурсники подобрались крепкие, все только что вернулись, отслужив в армии.

Мне пришлось сказать, что теперь я тут главный, все идут спать и что завтра ещё взвод демобилизовавшихся из армии студентов, служивших во внутренних войсках прибудет для наведения порядка. После этого зашёл к перепуганным насмерть студенткам, жившим на одном этаже с водителями. Мне рассказали душщипательные истории о домогательствах и приставаниях. Посоветовав им пригласить соседей в гости на чай, но только на следующий день, вечером, мы занялись укреплением засовов на дверях комнат, где жили студентки. Хотя надежд на их прочность у нас было мало. В общем, как-то протянули до утра. Несколько раз приходилось выходить на крики и унимать дебоширов.

Сразу после завтрака я решил немедленно ехать к директору совхоза и в категорической форме потребовать немедленного вывоза студентов и студенток из шофёрского общежития. Понимания со стороны сельского руководства я не встретил и поэтому пришлось проводить с ними разъяснительную работу. Видимо, я в конце концов оказался убедителен, и директор, которому я для острастки рассказал про Светлану Леонидовну Деркач и пригрозил ему партийной ответственностью, нехотя согласился после работ прислать за нами автобус, чтобы вывезти всех в другое место.

Злобные взгляды, которые местные аборигены бросали на меня, пока студентки грузили свои нехитрые пожитки в автобус, я ещё долго не забуду. «Обломал ты нам малину, парень», — сказал один из них. Я понял, что действительно лишил многих людей столь возжеленных ими радостей человеческого общения. Зато первокурсницы были счастливы. Мы переехали в охотничье хозяйство к доценту Владимиру Евгеньевичу Королькову и его команде. На этот раз полусгнивший барак мне показался великолепным дворцом. Здесь мы провели две недели. Вместе справились с ситуацией, и уже в октябре я вернулся к работе над диссертацией. С тех пор секретаря парткома я обходил стороной, а на вкус компота не обращал уже никакого внимания. Какой дают, такой и пью. И когда предлагают какой-то приемлемый вариант, уже не привередничаю и не стараюсь искать что-то получше, а то вдруг опять в шофёрском общежитии окажешься. Как говорят, от добра добра не ищут.

Как я не стал врагом народа

В результате первых опытов профильные специалисты Минфина достаточно быстро пришли к пониманию того, что для формирования эффективного рынка государственных ценных бумаг необходима соответствующая инфраструктура, в том числе следует организовать безбумажный документооборот. Была начата подготовка нормативных актов по выпуску казначейских обязательств СССР — прототипа рыночных инструментов типа ГКО. Наши аппаратные недоброжелатели из тогдашнего Кабинета министров СССР выдвинули требование согласовать нормативный акт по казначейским обязательствам с министерствами финансов 15 союзных республик. Летом 1991 года это было уже не такой простой задачей, как, скажем, ещё пару-тройку лет назад. В августе начальники ушли в отпуск и поручили мне исполнить это невыполнимое задание. Утром 19 августа я также безуспешно пытался через начальника управления Госбанка СССР

Дмитрия Тулина получить подпись у председателя правления банка В. В. Геращенко на дурацком проекте закона СССР

Дмитрий Владиславович Тулин — выпускник 1978 года

Виктор Владимирович Геращенко — выпускник 1960 года

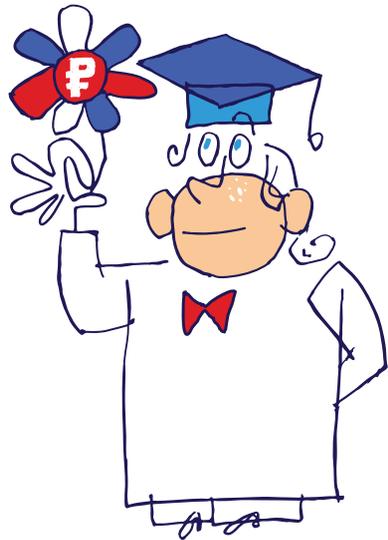
о простом и переводном векселе. Поскольку эти попытки закончились неудачей, я решил попытаться достичь успеха хотя бы в другом начинании. В тот же день была подготовлена и впоследствии подписана у министра финансов СССР Владимира Ефимовича Орлова телеграмма с требованием министерствам финансов союзных республик в кратчайший срок согласовать проект нормативного документа по вопросу организации выпуска и обращения казначейских обязательств. Отправка такой телеграммы на места в дни действия ГКЧП давала хорошие шансы получить желаемый результат.

Владимир Ефимович Орлов — выпускник 1960 года

Однако позднее лица, причастные к рассылке 19–21 августа телеграмм и прочих указаний, попали под подозрение новых властей, изучавших наличие состава преступления по таким статьям Уголовного

...Михаила Алексева

кодекса, как, скажем, измена Родине. Однако комиссары в пыльных шлемах, пришедшие к нам брать под контроль ставший опальным союзный финансовый орган, решили, что инициативу по вопросу выпуска ценных бумаг трудно отнести к расстрельной статье, поэтому я так и не сделался за наши труды врагом народа, незаслуженно наказанным, а затем реабилитированным.

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ТРУШИН
Выпускник спецфакультета Московского
финансового института 1986 года

*В конце 80-х годов — заместитель председателя
правления Агропромбанка СССР. В начале
90-х — первый заместитель председателя
правления Россельхозбанка. В настоящее время —
председатель правления Россельхозбанка.*

Прошу всех сесть

После принятия в июле 1987 года постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР о реформировании банковской системы Советского Союза началась работа по созданию программы функционирования новых кредитных образований. Было решено выделить из Госбанка несколько специализированных банков, в том числе Агропромбанк. Его председателем стал Александр Александрович Обозинцев, первый зампред Госбанка СССР, курировавший АПК. Его вызвали из отпуска и назначили председателем, не освободив от прежней должности. Банк ещё не существовал, но руководитель уже был. Обозинцев заявил нам, что мы всем блоком, как и ожидалось, перейдём в Агропромбанк. Стали ходить уже к Обозинцеву и предлагать свои идеи. Засели за разработку структуры банка — писали документы, что называется, уже под себя. Составляли штатное расписание, должностные инструкции, прописывали функции каждого управления. В результате Агропромбанк собрал 65 % аппарата Госбанка СССР. Одновременно начался раздел филиальной сети, той, которая была прежде у Стройбанка и у Госбанка СССР. Агропромбанк получил более 70 % сети Госбанка СССР — 3,5 тысячи отделений со 110 тысячами сотрудников. У нас сразу были созданы управления по аналогии с госбанковскими. Досталось Агропромбанку и операционное управление Госбанка и, что очень важно, резервные фонды государства. У остальных банков были только оборотные средства, резервы они по вечерам свозили к нам.

Пока работала комиссия по созданию спецбанков, председатель Госбанка СССР В. В. Деменцев уже понимал, что его сменят. Однажды он собрал нас и сказал: «Ребята, спуститесь на землю. Поинтересуйтесь, выделены ли вам фонды материального обеспечения на следующий 1988 год. Вы завтра на чём собираетесь писать? Есть ли у вас бумага, бланки? Всё же сейчас выписано на Госбанк СССР. Надо же эти фонды как-то разделить». Признаться, его слова стали для нас холодным, отрезвляющим душем. Нам было что делить. В результате резкого и одновременного повышения статуса большого числа людей соответственно выросли и потребности. Раньше одна служебная дежурная машина полагалась на двух членов правления (всё правление состояло, кажется, из 11 человек). По машине имели зампреды и председатель. После реформы в каждом новом банке стало по пять зампредов, претендую-

щих на автомобиль, причём чёрную «Волгу» и непременно со спецномера. В комнате для отдыха все водители уже не помещались. Пик разделения пришёлся на декабрь 1987 года. Наши основные бои шли на Неглинке, в здании Госбанка. Начальников стало много, и все захотели получить просторные кабинеты. В здании Госбанка СССР, кроме него, находились союзные Агропромбанк, Сбербанк, часть Внешторгбанка. Бывшие друзья — недавние зампреды Госбанка — начали между собой ссориться. Я как секретарь парткома разругался с секретарём парткома Госбанка по поводу того, кто где будет сидеть. Вынесли этот вопрос на партком. Все бросились строчить друг на друга жалобы. Для урегулирования споров председатели и секретари парткомов банков собрались в феврале 1988 года у только что ставшего

*Николай Викторович Гаретовский —
выпускник 1950 года*

председателем Госбанка СССР Н. В. Гаретовского. Все возбуждены, шумно доказывают свои права

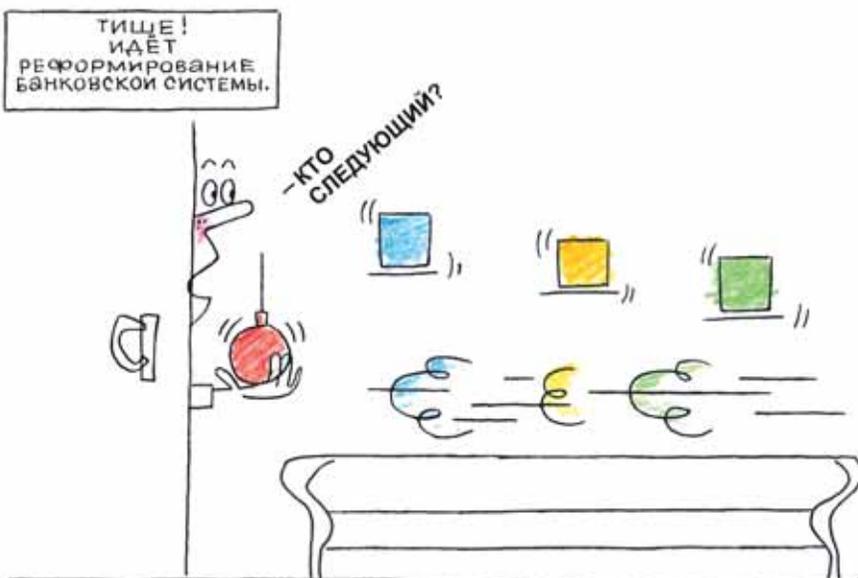
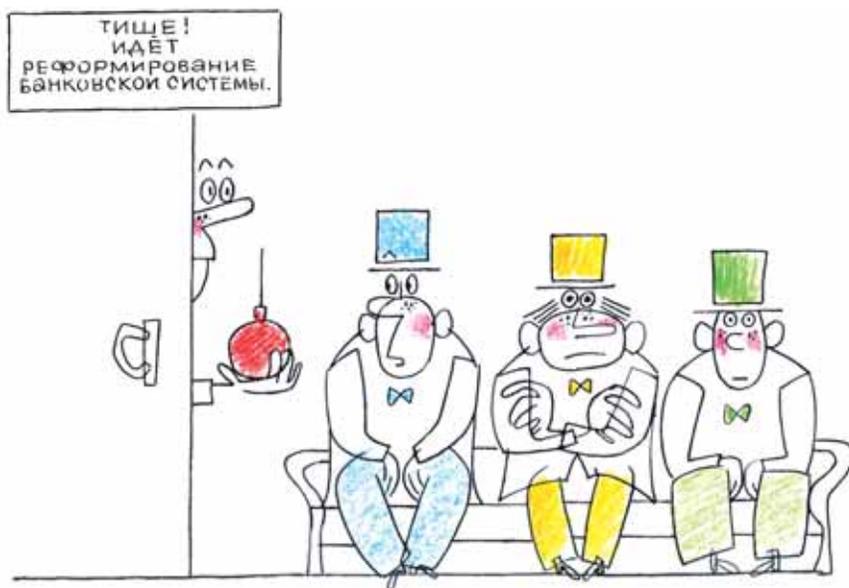
на дополнительные площади. А Николай Викторович, человек деликатный, мягкий, не выдержал нашей ругани, спрашивает собравшихся: «Вы от нас отделились, после этого у вас хоть один новый человек прибавился? Нет. Даже убавилось. До сих пор все сидели нормально? Все! Почему же вы раньше умещались в здании, а теперь нет? Я человек новый, поэтому предлагаю вам сесть там, где вы сидели, и успокоиться». И покинул зал.

Тем временем все сотрудники наконец расселись по своим местам. В марте 1989 года меня назначили зампредом Агропромбанка СССР — начальником ПЭУ (планово-экономического управления). Периодически я даже стал ходить вместо А. А. Обозинцева по четвергам на заседания Совмина СССР. Если туда ездил сам Александр Александрович, то мы предварительно готовили для него справки по обсуждаемой теме. Однажды он вернулся из Совмина и рассказал, что речь там шла о местных отделениях спецбанков. Я, как всегда, подготовил какую-то справку, хотя никто точно не знал, сколько у Агропромбанка отделений. Вёл обсуждение Н. И. Рыжков. Вдруг он раздражённо обращается к председателю Промстройбанка Зотову: «Михаил Семёнович, как же так? Почему на Новой Земле целых два отделения Агропромбанка, а ваших — ни одного?» После этого он показал на нашего председателя и сказал: «Вот он не побоялся открыть свои подразделе-

ния на этих островах и работает на благо Родины!» Александр Александрович удивлённо меня спросил: «Что, действительно у нас там что-то есть?» В справке я этого не указал, потому что ничего про эти отделения не знал. Звоню председателю российского отделения Николаю Петровичу Лихачёву. Он смеётся: «Зачем мне банк на Новой Земле?» Стали разбираться и выяснили, что по МФО действительно значатся два наших отделения, о которых никто из руководства не знает. Нам почему-то передали явочным порядком два полевых оленеводческих учреждения банка, расположенные в чумах.

Чтоб не умер от негодования

4 октября 1991 года Россельхозбанк был зарегистрирован. Напомню, что на тот момент мы имели 857 филиалов в 57 регионах России. Вспоминаю, как подписывали лицензию в Госбанке России у Владимира Петровича Рассказова. Главным бухгалтером в ЦБ тогда была Л. М. Алякина. Она прекрасно понимала, что В. П. Рассказов будет категорически против такого количества филиалов. Все тогда боялись любых проявлений монополизма! Как в воду глядела. Приглашает Владимир Петрович нас с Николаем Петровичем и с места кричит: «Безобразие! 57 филиалов! Это же монополизм!..» А у нас на первой странице написано, в каких регионах открыть филиалы, и перечислены 57 регионов. Л. М. Алякина шепчет сзади: «Не говорите, что филиалов 857!» Тем временем Владимир Петрович дошёл только до конца первой страницы, где об областных филиалах идёт речь, и его захлестнули эмоции. До раздела, где речь шла о полном количестве районных филиалов, он документ просто не дочитал. А у нас тогда только на Алтае в районах был 61 филиал. Побуйствовал В. П. Рассказов и на этом успокоился, а мы приступили к нормальной работе. Однако ЦБ России продолжал бастовать, поэтому всю рассылку в регионы мы делали сами. Тем временем региональные главные управления получили документы и тоже подняли шум. Г. Г. Матюхин собрал совещание, и началось: не читая вторую страницу, выговаривает, что мы 57 филиалов создали. Ругает В. П. Рассказова за то, что он не проявил принципиальность и подписал наши документы. Началась перепалка. Л. М. Алякина опять шепчет:

«Я человек новый, поэтому предлагаю вам сесть там, где вы сидели, и успокоиться».

«Только не проговоритесь, а то он умрёт от негодования!» Так эти два руководителя и не поняли, что мы создали 857 филиалов!

Вы первый, кто предлагает что-то для России

Уже 10 октября 1991 года совет Агропромбанка признал целесообразным ликвидацию банка. В декабре мы провели совместное собрание акционеров. Активы и пассивы его отделений, находящиеся на территории РСФСР, передали на баланс Россельхозбанка (порядка 4,4 млрд рублей). Большинство бывших республиканских подразделений Агропромбанка приняло решение о создании самостоятельных банков. Именно им возвращались кредиты, выданные Агропромбанком предприятиям этих республик. Россельхозбанк, кстати, во всех этих банках имел по 35 % уставного капитала (специально средства мы не вносили, делали какие-то взаимозачёты). Я был зампредом совета в Агропромбанке Украины и членом совета у белорусских и узбекских коллег. Баланс мы разделили легко. Встал вопрос о разделе уставного капитала — живых денег, находящихся в Москве. Взносы союзных министерств в уставный фонд решили распределить между вышедшими из Агропромбанка республиканскими филиалами пропорционально вкладу республик в экономику СССР. Допустим, России — 60 %. Мы так и сделали, посчитали и поделили. Временную комиссию по разделу СССР между республиками возглавлял тогда И. С. Силаев. Комиссия располагалась в здании союзного Госстроя на Пушкинской улице (ныне Большая Дмитровка). Сейчас в этом здании работает Совет Федерации. Застать на месте Ивана Степановича было трудно, однако мы его нашли, объяснили, что хотим. Он наложил резолюцию: «Согласиться». Мы заготовили авизовки на переводы средств и пришли к главному бухгалтеру ЦБ Л. М. Алякиной. Она попросила поставить подпись Матюхина. Георгий Гаврилович же заявил: «Нам все республики должны, ничего им перечислять не будем! Всё забирайте себе, а мы зачтём при дележе между собой». Протестовать мы, конечно, не стали. Вновь пошли к Р. И. Хасбулатову, и он подготовил решение Верховного Совета РФ о передаче нам средств и закреплении их за Госкомимуществом. Помню, пришёл в Госкомимущество. Там все суетятся, бегают с бумагами. Что-то делают! Нор-

мальных акций мы тогда ещё не имели, выпустили сертификаты. И вот с ними я прорываюсь к заместителю А. Б. Чубайса Александру Ивановичу Иваненко. Объясняю, в чём дело. А он на меня смотрит, как на марсианина, и говорит: «Юрий Владимирович, вы первый, кто пришёл сюда и предлагает что-то для России. А то все, наоборот, требуют побольше от страны, под шумок пытаются что-то себе взять...» После этого А. И. Иваненко был прикреплён к нам куратором и даже несколько раз бывал на собраниях. В первый год дивиденды мы так и не перечислили, хотя, я думаю, и наши сертификаты в то революционное время на баланс никто не поставил.

Индивидуальная трудовая деятельность на высшем уровне

В 1990 году мы очень плотно работали с А. И. Вольским. Дело в том, что Аркадий Иванович в 1988–1990 годах возглавлял Комитет особого управления Нагорно-Карабахской автономной области, а у Агропромбанка СССР там в каждом районе было своё отделение. Таким образом, мы хранили все резервные денежные фонды, находящиеся в области. Осуществляя контроль за работой отделений я регулярно выезжал в Карабах, даже когда там происходили боевые действия. Это сблизило нас с А. И. Вольским. Когда он вернулся в Москву и стал президентом Научно-промышленного союза СССР, мы с ним обсуждали возможность приобретения для Агропромбанка СССР и Россельхозбанка своего помещения. Нам приходилось делить площади на улице Неглинной с Госбанком СССР. В результате Аркадий Иванович, бывший в близких отношениях с Михаилом Сергеевичем Горбачёвым, предложил нам посмотреть бывшее здание банка, входящее в комплекс домов на Старой площади, занимаемых ЦК*. Как оказалось, там сохранились даже старинные банковские сейфы и хранилища. Просили с нас 300 млн рублей. Заявлялось, что деньги будут направлены на развитие

* Разговор идёт о здании Посольского подворья по адресу: ул. Ильинка (тогда ул. Куйбышева), д. 12. В нём до революции 1917 года на втором и третьем этажах располагались банки: Сибирский торговый и Русский для внешней торговли. — *Прим. летописца.*

крестьянских фермерских хозяйств. Мы подготовили письмо на имя президента СССР и в августе 1991 года пошли к нему на встречу. Так как в этот день проходило заседание правительства, нам предложили прийти в полдевятого утра. На Старой площади в приёмной Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачёва на третьем этаже собрались А. И. Вольский, председатель Агропромбанка СССР А. А. Обозинцев и я. Утром встретиться с нами Михаил Сергеевич не успел, уехал на заседание, было велено ждать. Ждали мы до наступления темноты, всё это время нас держали в неведении. Тем временем на заседании правительства произошло выяснение отношений по Союзному договору, и расстроенный Горбачёв, не заезжая на Старую площадь, укатил домой, а на следующий день улетел отдыхать в Форос*. Нас при этом успокоили: оставляйте письмо, договорённость остаётся в силе. После путча мы должны были радоваться, что так произошло и мы спаслись от бессмысленных трат, так как понимали, что наша покупка была бы конфискована и деньги не удалось бы вернуть. Однако оставленное на столе Горбачёва письмо после путча попало в прокуратуру, и нас стали туда регулярно приглашать. Только я был на допросах раз десять! Нас пытались уличить в сговоре с ЦК КПСС и уводе денег партии. Хорошо, что нам удалось доказать, что сделка не состоялась**.

* По рассказам А. А. Обозинцева, президенту позвонила жена и скомандовала: «Завтра уезжаем в отпуск, немедленно приезжай домой!» Он безропотно выполнил указание. — *Прим. летописца.*

** Такую же операцию первый и последний президент СССР проделал и с Госбанком СССР, и Сбербанком СССР. С последним управляющий делами ЦК КПСС в июле даже подписал договор на приобретение 11 000 кв. м. Он, правда, не успел войти в силу. Автор-составитель этой книги задавал вопрос последнему председателю Сбербанка СССР о судьбе этой сделки. В ответ он помолчал недолго, а потом сказал: «А мы успели деньги перевести!»

Возможно, это был соседний дом 10, в котором когда-то находился Московский торговый банк знаменитого промышленника, банкира, биржевика, энергичного общественного деятеля, писателя, знатока Москвы Н. А. Найдёнова. Но не исключено, что продавался один и тот же дом. — *Прим. летописца.*

АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ КОЗЛОВ
Выпускник 1989 года

Начинал свою карьеру в Госбанке СССР, затем занимал руководящие должности в ЦБ РФ, был заместителем председателя, а на момент своей трагической гибели в сентябре 2006 года — первым заместителем главы Центробанка.

Базар ценных бумаг и биржа спортивных побед

В июле 1990 года Госбанк принял решение создать управление, курирующее работу на рынке ценных бумаг. И я перешёл туда. Управление возглавил Д. В. Тулин,

Дмитрий Владиславович Тулин — выпускник 1978 года

и в течение трёх месяцев я был у него единственным сотрудником. В российском

ЦБ никто специально этой проблемой не занимался. Отдел ценных бумаг там был создан только в середине 1991 года. В нём было три человека, и возглавлял подразделение Сергей Георгиевич Никитин, ставший потом на некоторое время главным бухгалтером ЦБ. Сейчас это выглядит курьёзным, но отдел ценных бумаг в ЦБ РФ создали в составе департамента эмиссионно-кассовых операций. Логика была следующая: ценные бумаги надо печатать, а за печатание денег в банке отвечал начальник этого департамента Александр Леонтьевич Зинченко. То есть ни к надзору, ни к кредитно-денежной политике созданный отдел как бы не имел отношения. В таком странном состоянии отдел существовал до конца 1991 года. Единственной ценной бумагой в то время, имевшей хождение, была бумага облигационного выигрышного займа 1982 года. Трёхпроцентная. Поэтому до середины 1991 года вопрос, который я курировал, был чисто теоретическим. Самым заметным событием этого периода были встречи организационного комитета по развитию рынка ценных бумаг при Госбанке СССР. Дмитрий Владиславович Тулин, своевременно решив, что полезно было бы организовать первых профессиональных участников рынка, выступил инициатором создания неформального клуба на Неглинке.

Тогда различные неформальные организации были в моде. А в стране активно множились кооперативы, брокерские компании и конторы, то есть потенциальные участники рынка ценных бумаг. В общем, всё было подготовлено для появления бирж. Собирались мы в большом зале на втором этаже Госбанка, в крыле, расположенном ближе к ЦУМу. Приходило до 40 человек. Были среди них и некоторые будущие олигархи, будущие руководители бирж, брокеры: Константин Боровой, Константин Затулин, Михаил Ходорковский, Вячеслав Панькин, Игорь Сафарян... Но к настоящему

времени из нашего актива никто практически не остался на рынке ценных бумаг — либо стали «великими», либо давно переквалифицировались. Законодательства тогда ещё практически не было, знаний у участников клуба тоже, даже набор необходимой литературы был скудный. Лишь небольшое число людей, стажировавшихся на Западе, либо читавших иностранные книги по этой тематике, имели о предмете обсуждения какое-то представление. Среди этих немногих были лучшие дилеры Внешторгбанка: Сергей Осинягов, Михаил Фёдоров. Но как раз они-то и не хотели заниматься общественной деятельностью. У нас же ещё не было разработано даже общей терминологии. Из небольшого лоскутного одеяла указов, подзаконных актов каждый выдёргивал тот кусочек, который ему нравился, и трактовал его так, как ему нравится. Из-за этого работа тормозилась. А хотелось иметь более-менее компактно прописанный набор понятий, которые все понимают одинаково, и какие-то требования, хотя бы минимально обязательные для исполнения. Только после этого можно было с людьми договариваться. Весь 1990 год мы провели в теоретических спорах и обсуждении случайно попавшейся нам литературы. В первое время одним из главных вопросов, обсуждавшихся в нашем клубе, стал вопрос: что следует делать для создания в нашей стране фондовой биржи. Заметным персонажем клуба был колоритный челябинский строитель Эдуард Теняков. Помню, как на одном из заседаний он возбуждено заявил: «Я недавно был на фондовой бирже в Вене. Я туда ездил перенимать опыт. Опыт классный! И я теперь знаю, что такое биржа! Её площадь 400 квадратных метров». Далее он рассказал, какова высота зала биржи и сколько в нём установлено столов... Более того, он предложил создать биржу прямо из нашего неформального комитета. На что мы ответили: «Пожалуйста, только без нас и вне стен Госбанка». Началась гонка, так как при российском Минфине очень толковый парень, начальник вычислительного центра министерства, Андрей Захаров тоже тогда создавал биржу — Московскую международную фондовую. (Он, к сожалению, позже погиб.) В ноябре 1990 года в подмосковном пансионате «Бор» состоялось учредительное собрание Московской центральной фондовой биржи. Председателем её биржевого совета и стал Эдуард Теняков. Первые торги на МЦФБ проходили в конце 1990 года во Дворце культуры

электролампового завода, в районе метро «Щукинская». До сих пор перед глазами эта картина. Покатый зрительный зал, из которого вынесли кресла. Сцена, на которой стоят столы президиума, покрытые красной материей. Президиум возглавляет председатель биржевого совета Теняков и Вячеслав Владимирович Панькин, позже сменивший Тенякова и ставший сопредседателем Союза фондовых бирж. За трибуной, с которой предварительно снята атрибутика Советского Союза, стоит старичок. На вопрос «Где вы его взяли?» мне ответили, что нашли на ломбардном аукционе — он знает, как молотком работать. Организаторы долго решали, с каким шагом повышать стоимость лотов во время торгов. В зале стояла вольная толпа брокеров. Председатель президиума зачитывал по бумажке: «На торги выставляется лот из 20 акций». И дальше следовало название какого-то прибалтийского предприятия. Считалось, что его местоположение доказывает надёжность. За ними шёл вагон с женскими колготками. Когда кто-то выигрывал торг, его посылали к задней стенке, где девочка за компьютером распечатывала ему договор. Как расплачиваться, стороны решали самостоятельно. Так в России проходили первые торги «фондовыми ценностями». Конец 1991 года стал сумасшедшим по активности создания бирж. Все стали себя рекламировать. Я жалею, что не записывал на магнитофон эти перлы. Самой моей любимой рекламой была реклама Международной спортивной биржи и звучала она так: «Залог вашего процветания — золото спортивных побед!» Бирж было в России больше, чем во всём остальном мире.

Первая российская пирамида

В начале 1991 года начал выпускать свои бумаги банк МЕНАТЕП. Он же стал первым в СССР, кто стал активно размещать рекламу, призывающую покупать акции. Ни Закона «О правах потребителей», ни Закона «О рекламе», ни Закона «О рынке ценных бумаг» тогда ещё не было. К тому же при продаже первой эмиссии акций МЕНАТЕП пользовался методами, которые сейчас называются «формирование капитала ненадлежащими активами». Они сами давали покупателю ссуду для приобретения своих акций. На две трети от стоимости акции.

Бирж было в России больше,
чем во всём остальном мире.

И даже в пределах бестолкового законодательства того времени делали много ошибок. Мне довелось участвовать в проверке банка. Не скажу, что банкиры в ту пору как-то особенно злоупотребляли, просто в то время только входила в силу так называемая финансовая инженерия и все придумывали различные схемы, как-то вписывающиеся в существующее законодательство. Так вот, главной ошибкой МЕНАТЕПа было то, что они выдавали бессрочные ссуды, то есть ссуды без даты возврата. Бессрочных ссуд и сейчас нет, и тогда не могло быть! Если срок не указан, то ссуда считается до востребования и её возврат банк может потребовать в любое время. И об этом он должен предупредить клиента. Но в случае МЕНАТЕПа этого сделано не было. Мы за это зацепились и потребовали изменить условия продажи акций. Благодаря МЕНАТЕПу появилась первая инструкция Госбанка СССР о выпуске банковских акций (№ 29111, февраль 1991 года) — рекомендации центральным банкам союзных республик, как им на местном уровне регламентировать эмиссию ценных бумаг. Мы инструкцию списали с американского образца, сделав её покороче. Получился компактный (около 30 страниц) документ, в котором впервые вводился ряд необходимых понятий, в частности «проспект эмиссии». Кстати, эта инструкция дожила до настоящего времени. Конечно, она продолжала развиваться, но логику сохранила первоначальную! Идеология этого документа была использована и в основополагающих документах Минфина и Федеральной комиссии по ценным бумагам по этому вопросу. И даже попала в Закон «О рынке ценных бумаг», в раздел о процедуре эмиссии. Ещё одним характерным распространённым нарушением, с которым пришлось нам столкнуться в период становления рынка ценных бумаг, стало следующее: первым инвесторам продавали акции по одной цене, а потом цену на акции того же выпуска постоянно поднимали. В конце процедуры эмиссии стоимость акции удваивалась или даже утраивалась. И первые покупатели продавали свои акции последним. Так поступали и банки, и другие компании. Мы с Беллой Ильиничной Златкис подготовили совместное требование — продавать акции одного выпуска по одинаковой цене. Это положение до сих пор есть в законе. Тогда практически был создан механизм контроля за эмис-

*Белла Ильинична Златкис —
выпускница 1970 года*

сией ценных бумаг банков, который стал составной частью концепции ЦБ по защите инвесторов. В целом этот механизм ориентирован на пресечение попыток банков использовать средства, полученные от реализации акций, до окончания подписки на них. Аккумулируемые на специальных накопительных счетах в ЦБ эти средства замораживаются до завершения эмиссии. Это помимо поддержания репутации коммерческих банков заставляет их действовать выверенно, не перезакладываться. При начальном уставном капитале в 10 тыс. банк уже не пойдёт на миллиардную эмиссию, а использует тактику нескольких небольших эмиссий или плавного увеличения уставного капитала. В то время из-за пробелов в законодательстве и излишней инициативы участников рынка случалось достаточно много казусов, которые теперь кажутся невероятными.

Запомнились, например, металлические депозитные сертификаты Всероссийского биржевого банка. Было это в 1991 году, я ещё работал в Госбанке СССР. ВББ обратился за разрешением выпустить депозитные сертификаты. Возражений не было, и он начал выпускать серебряные монеты с надписью: «Всероссийский биржевой банк. 10 рублей. Депозитный сертификат». Нас в Госбанке от неожиданности перекорёжило! Эмиссия денег в СССР позволялась только Госбанку. Вызвали руководителей банка, в том числе достаточно известного сейчас Александра Конаныхина. Потребовали быстро найти выход из сложившейся ситуации. А иначе ведь и сесть можно! Они струхнули. Мы им предложили принять постановление правления банка о том, что выпущена была не монета и не депозитный сертификат, а памятная медаль. Что они и сделали. В результате появился раритет, который был изъят из обращения.

МИХАИЛ ДМИТРИЕВИЧ ПРОХОРОВ
Выпускник 1989 года

Всё остальное за него говорит его фамилия-бренд.

Мы вернулись из армии, когда в стране началась перестройка. Наша гиперактивность зашкаливала, и мы взяли власть на курсе. Часть из наших ребят, служа, вступили в партию, и одного из них мы двинули в партбюро, несколько человек были выбраны в комитет комсомола института. А уж в факультетском бюро у нас был контрольный пакет. Ещё бы, наши ровесники, учившиеся на четвёртом курсе, не имели такого жизненного опыта, как мы, а пятикурсникам было не до общественной работы — они ушли на преддипломную практику.

Мы выразили недовольствие нашему декану Михаилу Эскиндарову: «Что за хлев у нас рядом с учебным корпусом?!» Он с вызовом ответил: «А если хлев, то возьмишь и его почисти!»

Надо сказать, к тому моменту мы успели поработать в Дзержинском детском парке, получить опыт разбивки и оформления клумб и кладки плитки.

К тому же я уже был бригадиром на разгрузке вагонов на Ярославском вокзале, поэтому смог внести основную финансовую лепту в будущее дело.

Желая произвести эффект, мы договорились, что декан увезёт ректора Аллу Георгиевну в два часа на какое-нибудь мероприятие. Мы рассчитали, что, исходя из четырёх часов сна (я жил недалеко и мог принять бригаду у себя), к шести утра работа будет закончена.

В наш коллектив входило человек 6–7, среди них были Саша Хлопонин, Андрей Козлов, Дима Ушаков.

В первую очередь был убран мусор, потом сооруди-

*Александр Геннадиевич Хлопонин,
Андрей Андреевич Козлов,
Дмитрий Львович Ушаков —
выпускники 1989 года*

ли в центре двора большую клумбу, посадив на ней цветы. Убились за полтора дня насмерть! Еду нам приносили на рабочее место. В шесть утра в понедельник, как и планировали, работа была закончена.

Ждём эффекта, время проходит, а Алла Георгиевна в окно не смотрит! Наконец мы не выдержали и попросили Эскиндарова обратить внимание Грязновой на сделанное. Он подвёл её к окну, и ожидаемая реакция была получена.

Алла Георгиевна 13 ноября 1986 года пригласила нас к себе, поблагодарила и, посчитав, что на общественное дело неправильно

тратить свои деньги, решительно распорядилась написать нам заявления на предоставление материальной помощи на сумму, потраченную на приобретение необходимых материалов. Я отказывался от этого, но она была неумолима: «Всё, прекрати, вы такую красоту создали! Пиши заявление!» Текст его нам продиктовали: «Прошу оказать мне материальную помощь в связи с тяжёлым материальным положением».

Получив даже чуть больше, чем нужно, мы остаток прогуляли в ресторане.

После этого, войдя во вкус, мы решили отремонтировать кабинет декана. Он тоже хитростью был удалён из здания института, мы ободрали обои, размыли потолок, побелили его. Когда же поклеили купленные обои, то выяснилось, что расчёт был неверный и на одну стенку их не хватило. Докупать было некогда, а дома у меня оказались только остатки обоев «кирпичная стена». Всё было сделано вновь за полтора дня.

Что делать, поклеили их, частично спрятав полученное за занавесками.

Алла Георгиевна как-то собрала наш актив (человек семь) и сказала, что мы можем приходить к ней в любое время. И действительно у нас не было проблем попасть к ней на приём. Мне интересно было проверить, работает ли её обещание, и я находил поводы для встреч. Первый раз она приняла меня в тот же день, второй раз — на следующий. Таким образом наша договорённость работала и в дальнейшем, как часы.

Таким образом и ректор, и декан нас поддерживали во всём.

Алла Георгиевна одобрила нашу инициативу преподавания у нас второго языка. Когда она спросила нас, как мы собираемся совмещать эти занятия с уже преподававшимися нам предметами, ей был представлен ватман с проработанным новым учебным графиком.

Конечно же, во всех стройотрядах командирами и комиссарами были тоже мы. И Алла Георгиевна никогда не отказывала нам в просьбе сдать сессию досрочно.

А я, например, предпочитал на объект заранее не посылать квартирьеров, а сам съездить на место и посмотреть объём работы и, самое главное, условия, в которых нам предстоит работать и жить.

Байки от...

Я стал единственным из студентов, кого на четвёртом курсе послали командиром на картошку, до меня это были только преподаватели. Алла Георгиевна вызвала меня, узнав, что назначенный ранее преподаватель заболел.

Таким образом мы стали у ректора узкой группой, которая могла закрыть те или иные чрезвычайные прорывы. И отношения с Грязновой у нас были, как у старших и младших товарищей.

Неслучайно я те годы вспоминаю с большим удовольствием. Мы чувствовали себя в институте, как дома.

Внутренняя конкуренция между нами была, но по отношению к внешнему миру мы были едины и могли дать отпор кому угодно!

АРТЁМ СЕМЁНОВИЧ ГЕНКИН **Выпускник 1995 года**

Разработчик Закона «О национальной платёжной системе». Генеральный директор и владелец «Консалтингово-аналитического союза», а с 2012 года — учредитель электронного СМИ «ИНВЕСТ-ФОРСАЙТ».

Знает всё о биткойне и делится своими знаниями, публикуя их в книгах.

«Девушка моей мечты» и профессор Ямпольский

На втором курсе дисциплину «Деньги и кредит» у нас читал профессор Михаил Моисеевич Ямпольский. Уже пожилой мужчина, он оставался очень активным и знающим свой предмет. Студентам он рассказывал много историй из своей жизни. Эпизоды из Великой Отечественной войны в них тоже фигурировали.

В частности, будучи в 1945 году комендантом австрийского города (то ли Граца, то ли Линца), Михаилу Моисеевичу пришлось устанавливать личность — кого бы вы думали — Марики Рокк. Она была поймана военным патрулём без документов. Если верить Ямпольскому, Марика успешно доказала ему свою личность, станцевав перед ним на столе.

Как нас спасла болгарская гимнастка

На втором курсе самым сложным предметом оказалась статистика. Её приходилось сдавать на компьютере, примерно, как сейчас сдают экзамен на права. Компьютер не знал пощады, и под своим логином можно было сдавать тест только один раз... Если только ты не получал двойку: её можно было тут же пересдать.

Нам помогла числившаяся на нашем потоке Мария Гилова. Однофамилица известной болгарской гимнастки с первого курса не посещала занятия, но в журнале продолжала числиться. Прости нас, Мария! Благодаря нашим умельцам, ты стала двоечницей, под твоим именем весь поток методом проб и ошибок узнавал правильные ответы на вопросы коварных билетов. А у меня статистика стала первой и последней четвёркой в зачётке.

Что Вас смущает?

Я был капитаном институтской команды по шахматам, и мы играли в первой лиге московского вузовского первенства. В равном со мной спортивном звании — кандидат в мастера спорта — был и мой тогдашний декан Вячеслав Никитович Шенаев. Удивительно элегантный,

Она была поймана военным патрулём без документов.

аристократичный, внешне он напоминал Шерлока Холмса в исполнении Василия Ливанова. Довелось мне «скрестить шпаги» с Вячеславом Никитовичем и в блиц-поединке. Декан в пылу боя «зевнул» вилку, и я было занёс над доской руку, чтобы выиграть фигуру, но на секунду призадумался... Всё-таки декан... Тогда Шенаев посмотрел на меня в упор и ледяным тоном произнёс: «Что Вас смущает?» Пришлось делать выигрывающий ход. В дальнейшем, правда, счёт у нас с профессором в личных поединках сложился равный.

Как профессора «арестовали»

На первых курсах преподавала у нас профессор Елена Семёновна Стоянова. Удивительно женственная, задорная, по-хорошему ребячливая, при этом настоящий профессионал в своей предметной области.

Однажды она нам, студентам, рассказала историю, произошедшую с ней во времена Андропова, в которую мы сначала не поверили. Тогда была кампания по борьбе с «бездельниками и тунеядцами», и милицейские облавы ловили прогульщиков в рабочие часы в магазинах, банях и кинотеатрах. Елена Семёновна «попалась» милиционерам в парикмахерской. Её робким оправданиям, что она уже приняла сегодня зачёт у группы студентов и таким образом рабочие свои обязанности в этот день выполнила, стражи порядка не поверили. Под их конвоем профессор была препровождена на кафедру, где её невиновность подтвердила зачётная ведомость.

ГЕОРГИЙ ГАВРИЛОВИЧ МАТЮХИН
Защитал в Московском финансовом
институте докторскую диссертацию

*Первый и единственный председатель правления
Государственного банка РСФСР. Со 2 декабря
1990 года первый председатель Центрального банка
РСФСР (Банк России).*

Банк России я брал штурмом

Верховный Совет России утвердил меня в должности председателя Центрального банка республики (до этого я был исполняющим обязанности председателя правления Госбанка РСФСР) 25 декабря 1990 года. Первое время нам пришлось работать параллельно с Госбанком СССР, банковская система которого оставалась нетронутой. Она включала шесть государственных банков: Госбанк СССР, совмещавший функции одного из управлений Министерства финансов (он не только обслуживал бюджет, но и составлял по нему годовые отчёты), Центрального банка (эмиссионного центра) и коммерческого банка (сам обслуживал клиентуру в лице министерств и ряда предприятий), Внешэкономбанк СССР, который вёл все международные расчёты Советского Союза, Сбербанк СССР (по сути не банк, а сберегательная касса для населения, который, несмотря на название, каких-либо серьёзных банковских функций не выполнял) и, наконец, Промстройбанк, Жилсоцбанк и Агропромбанк СССР, функции которых определялись их названиями. Госбанк СССР в основном руководил республиканскими нацбанками, пытался руководить и российским. Но мы спустили директивы региональным управлениям, чтобы они подчинялись только тем его указаниям, которые соответствовали нашей линии. После этого и начался наш конфликт с тогдашним

Виктор Владимирович Геращенко —
выпускник 1960 года

председателем Госбанка, Виктором Геращенко. Нам нужно было создавать банк и добывать себе место под

солнцем. В Москве существовал Российский республиканский банк Госбанка СССР с отделениями во всех областях. Туда я первым делом и направился. Но, несмотря на обнародованное постановление Президиума Верховного Совета о моём назначении, меня в здание просто не впустили. В. В. Геращенко, будучи председателем правления Госбанка СССР, заявил, что решение российского президиума для него не указ — он, дескать, подчиняется только решениям союзных органов власти. «Если хотите, создавайте свой банк на пустом месте, как это было сделано в Эстонии», — заключил он. Тогда я решил с группой российских депутатов во главе с М. А. Бочаровым пойти на «штурм» российской конторы Госбанка СССР. А если бы и на этот

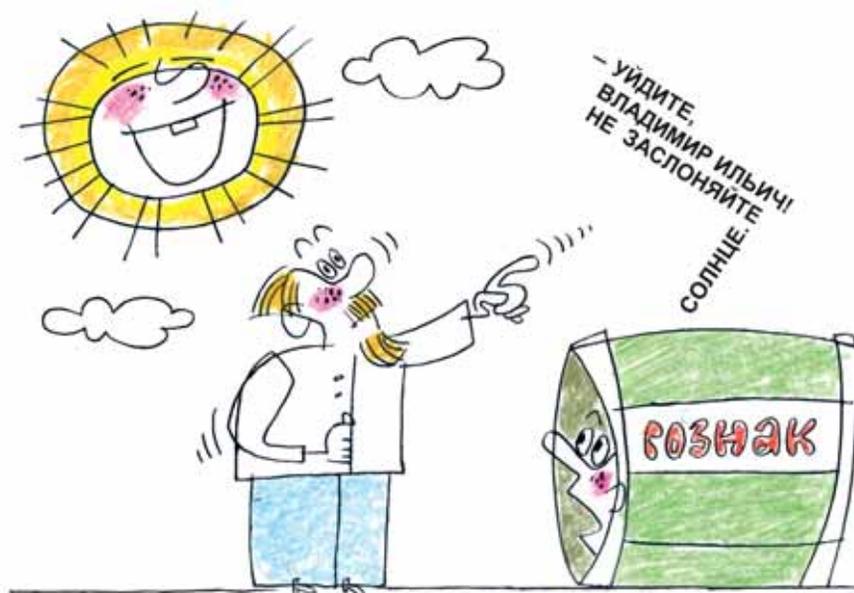
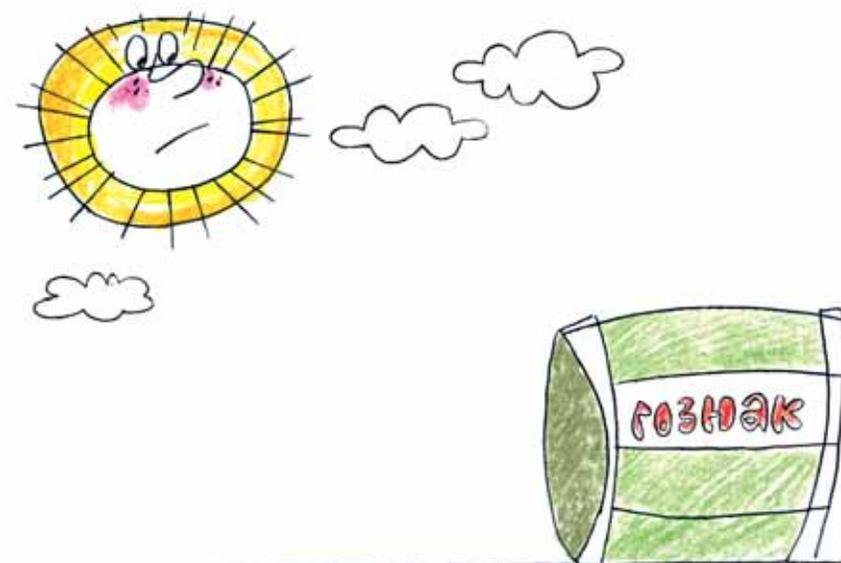
раз нам не удалось пройти в здание банка, мы предполагали пригласить корреспондентов радио и телевидения и прямо у входа дать интервью. К счастью, наш «штурм» удался, и Михаил Александрович представил меня сотрудникам банка, сказав, что согласно решению Верховного Совета должен быть создан Центральный банк республики, и было бы желательно, чтобы не на пустом месте, а на базе уже существующего банка. Коллектив такую идею поддержал, и мы начали работать. Что касается Валерия Михайловича Телегина, то ему удалось уговорить руководителей одного из филиалов Жилсоцбанка СССР преобразовать его во Внешторгбанк России, так что его работа также началась не на пустом месте. Геращенко по старой привычке как-то вызвал меня на совещание в Госбанк СССР, на котором я объявил, что мы уже не контора, а самостоятельный банк, поэтому инструкций нам не надо. Геращенко, конечно, чрезвычайно обиделся. Понравилось мне тогда выступление начальника управления Госбанка Дмитрия Тулина. Он яростно спорил со мной. А я ему сказал: «Такой умный, а отстаиваешь неумную идею! Лучше переходи ко мне». В дальнейшем он так и сделал, став зампредом ЦБ РФ.

Дмитрий Владиславович Тулин — выпускник 1978 года

Хозяин вы, но денег нет!

В августе 1991 года появились первые признаки кризиса наличности. Можно указать, по крайней мере, пять причин этого: 1) замедление расчётов; 2) непомерно высокое налогообложение, а расчёты наличными позволяли избегать налогов; 3) продолжавшаяся дефицитность экономики, поддерживавшая рост взяточничества и коррупции, требовавших наличных денег; 4) подчинённость Гознака сначала Министерству финансов СССР, а затем Минфину России, вследствие чего Центральный банк не мог своевременно планировать и контролировать выпуск денег печатным станком; 5) популистские меры президента, правительства и парламента, увеличение заработной платы, пенсий и других наличных выплат без предварительного согласования с Центральным банком. Тогда возник первый кон-

фликт с Б. Н. Ельциным. Он, уезжая в очередную командировку, потребовал обычную порцию подарочной наличности, я отказался её давать. Борис Николаевич взвился: «Кто в доме хозяин?» Пришлось ответить: «Вы, но денег нет!» Анализ складывающейся угрожающей ситуации был представлен Центральным банком Б. Н. Ельцину и тогдашнему премьер-министру И. С. Силаеву. От Ельцина реакции не последовало, Силаев же обещал разобраться и даже принять специальное постановление правительства по этому вопросу, но дальше обещаний не пошёл. Тогда Центральный банк на свой страх и риск выпустил инструкцию, согласно которой выдача наличных, кроме зарплаты, ограничивалась относительно небольшими суммами. Было сказано, что это временная мера впредь до разрешения проблемы увеличения производственных мощностей Гознака, потому что мы понимали, что в рыночной экономике не могут существовать два типа денег: наличные и безналичные; как это было в прежней системе. А пока мы каждый день жёстко распределяли существующую наличность по областям. Но вместо того чтобы передать Гознак Центральному банку, как мы просили, или выделить Гознаку средства на закупку дополнительного оборудования, где-то наверху решили взвалить всю вину за кризис наличности на Центральный банк. В прессе развернулась ожесточённая кампания против Центрального банка, с нападками личного характера на меня как на председателя. Началось всё с нашей телеграммы от 14 августа 1991 года с предложением банкирам перейти преимущественно на безналичные расчёты и объявления об ограничении выдачи наличности в связи с кризисом наличности. У нас был выбор: либо выдавать зарплаты, стипендии и пенсии, либо продолжать выдавать миллионы банкам и предпринимателям, перешедшим в своих торговых отношениях на наличный расчёт. К тому же в то время чрезвычайно выгодными были операции с наличкой — в первую очередь при игре на бирже на росте курса доллара. Эти операции давали до 800 % годовых! Огромные состояния делались. Конечно, терпеть ограничения эти люди не могли. Кампанию активно инициировали банки: Промстройбанк, МЕНАТЕП, Кредо-банк, «Столичный». К концу года, по крайней мере на уровне Г. Бурбулиса и Е. Гайдара, которому уже был обещан пост премьер-министра, было решено снять меня с должности. Поскольку банк подотчётен парламенту, было продумано

Социализм окончательно распрощался с Россией.

несколько вариантов реорганизации банковской системы, в которой бы мне не оставалось места. Эти варианты, несомненно, были согласованы с президентом. Но по неизвестной мне причине я остался на своём посту: то ли Хасбулатов отстоял меня, то ли не нашлось на моё место подходящей кандидатуры (Геращенко в то время ещё вёл войну с Россией с позиций Госбанка СССР).

Без Ленина, но с подписью председателя

Отдельная история с введением российских денег. Ещё 18 октября 1991 года я заявил о возможности сделать это, десятью днями позже меня поддержал Ельцин. В результате тогда же, в октябре, появилась купюра в 200 рублей. Мы знали, что мощностей Гознака для изготовления республиканских денег не хватит: он уже не успевает печатать деньги на текущие нужды. Следовало спешить, и первые деньги были отпечатаны не очень качественно. В декабре того же года, когда на свет появились пятисотки, полиграфисты Гознака оказались уже на высоте. В феврале 1992-го появилась купюра в 1000 рублей. Последняя, к слову, с Лениным. Социализм окончательно распрощался с Россией. А появившаяся в июле 5000 была уже совершенно не советской, а российской. На ней я поставил свою подпись. Когда мы начали делать баланс ЦБ, он у нас был рублёвый, а валютной составляющей в пассивах у нас не было. Тогда мы выпросили у правительства 50 тонн золота, которые получили из Госхрана. Эти бруски складировались в хранилищах на Октябрьской площади. Наш баланс пришёл в норму. Когда мы начали в декабре 1991 года работать с Внешэкономбанком, то обнаружили пропажу 12 млрд долларов валютного резерва и 300 т золота! Остались одни расписки. Из-за этого мы и ездили в командировки за счёт принимающей стороны.

БОРИС ВАСИЛЬЕВИЧ ЧЕРКАССКИЙ

*Активный участник фондового рынка
1990–2000-х годов.*

Акционеры-козлы

До выхода Закона «О рынке ценных бумаг» эмитент мог сам вести собственный реестр, если в нём было меньше тысячи акционеров. Однако Госкомимущество, а потом ФКЦБ постоянно грозились лишить эмитента этого права, ужесточить, усугубить и так далее. Поэтому запуганные банки, услышав очередной слух о близящемся запрете, регулярно посылали в ЦБ официальные запросы: «Можно ли нам?» А мы им с той же регулярностью отвечали, что можно. Обычно такие ответы писал я. Один раз запрос пришёл в форме телеграммы. Недолго думая, я набросал стандартный ответ, завизировал его, у кого положено, получил подпись начальника и отдал на отправку. Ответ заканчивался примерно такой, совершенно невинной по тем временам фразой:

ТАКИМ ОБРАЗОМ, КРЕДИТНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ИМЕЕТ ПРАВО САМОСТОЯТЕЛЬНО ВЕСТИ РЕЕСТР СВОИХ АКЦИОНЕРОВ В СЛУЧАЕ, ЕСЛИ В СООТВЕТСТВУЮЩЕМ СПИСКЕ СОДЕРЖИТСЯ НЕ БОЛЕЕ 1000 АКЦИОНЕРОВ

Эта фраза не случайно набрана прописными буквами. Дело в том, что на телеграфные запросы отвечать полагалось тоже по телеграфу. Начальником Управления ценных бумаг в то время был А. А. Козлов. Его фамилия и должна была стоять под ответом. Особенностью отпра-

*Андрей Андреевич Козлов —
выпускник 1989 года*

вки телеграфного текста было то, что точка в конце не ставилась, фамилия подписавшего ответ без инициалов печаталась на отдельной строке, а перед ней почему-то было положено ставить знак «=». Когда принесли копию отправленной телеграммы, её вид произвёл на меня сильное впечатление. При форматировании текста получилось так, что последняя строка оказалась заполненной до конца, в результате чего в банк ушло следующее сообщение:

ТАКИМ ОБРАЗОМ, КРЕДИТНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ИМЕЕТ ПРАВО САМОСТОЯТЕЛЬНО ВЕСТИ РЕЕСТР СВОИХ АКЦИОНЕРОВ В СЛУЧАЕ, ЕСЛИ В СООТВЕТСТВУЮЩЕМ СПИСКЕ СОДЕРЖИТСЯ НЕ БОЛЕЕ 1000 АКЦИОНЕРОВ
=КОЗЛОВ

Интересно, что больше запросов из этого банка про ведение реестра не поступало. А сама телеграмма, наверное, до сих пор хранится в архивах Центрального банка.

Козлов и Баранов

Многие немудрёные шутки того времени были связаны в Банке России с фамилией А. А. Козлова. Что и говорить, смешная фамилия. И шутки, обычно, были смешные. Примерно, как тортом в лицо или коленом под зад. Каждый согласится: что бы ни говорили интеллектуалы, а смешнее этих шуток не бывает. Вот и с фамилией Козлов так же. Кто не знает фразу: «А Вас (вас), Козлов (козлов), я попрошу остаться». Ей-богу, смешно!

Конечно, в присутствии Андрея Андреевича на эту тему шутили с некоторой оглядкой, но, надо сказать, что Козлов к подобного рода юмору относился спокойно (привык, наверное), а при случае мог и сам поддержать.

В те времена Управление ценных бумаг располагалось на 4-м этаже корпуса «Г» на Неглинке. Это было четырёхэтажное казённое здание старой постройки с широким и длинным коридором на каждом этаже. На четвёртом этаже в левом конце здания (если стоять лицом к Неглинке) был кабинет Козлова — в комнате, кажется, 403, а в правом крыле — в комнате 426 — кабинет замначальника хозяйственного управления Баранова. Других серьёзных начальников на этаже в те времена не водилось. Ну, казалось бы, что в этом такого? Ну, Козлов, ну Баранов — фамилии как фамилии. Но всё же какая-то тайная симметрия пространства не давала покоя автору. Хотелось подчеркнуть и отметить сформировавшуюся гармонию бытия. Вспоминалась бабушкина прибаутка о дореволюционной вывеске: «Стрижём и бреем. Козлов и Баранов». В общем, что-то надо было делать...

Решение подсказали посетители. Время от времени, забредая на 4-й этаж и не ориентируясь должным образом в пространстве, кто-то из них спрашивал: «Где кабинет Козлова?» Тогда как другой путешественник вполне мог поинтересоваться: «Как найти Баранова?» Мысль повесить полезный для общества указатель, пронзила

ЦБ

ЦБ

Запуганные банки, услышав очередной слух о близящемся запрете, регулярно посылали в ЦБ официальные запросы: «Можно ли нам?»

меня вечером. Дождавшись, пока народу в коридоре стало поменьше, озираясь по сторонам, я водрузил на стену напротив входа с лестницы примерно такой указатель:

Что и говорить, шутка, конечно, немудрёная, но смешная. К тому же трудно поспорить с практической пользой указателя. А симметрия пространства в этом знаке проявилась максимально ярко. Народ был доволен, да и я порадовался, хотя, разумно решив остаться анонимным, лишился заслуженной порции аплодисментов. Что с того, что указатель, веселя общественность, провисел всего полдня и был снят со стены неизвестным цензором-злоумышленником. Все всё увидели. Цель была достигнута: гармония бытия восторжествовала.

«Вот умру я, умру я...»

Андрей Андреевич Козлов был жизнерадостным и чрезвычайно энергичным человеком. Рука не поднимается писать про него «был», но вот уже полгода прошло со дня его смерти.

Конечно, к своим сорока годам к середине двухтысячных он стал гораздо более солидным, матёрым, хотя глаза оставались живыми. А в середине 90-х был худым, стремительным, искрящим энергией, всё ещё безбородым, хотя уже усатым. То есть стопроцентно позитивный, при этом и не глупый человек с различными талантами, способностями, хорошей семьёй и блистательно складывающейся в Центральном банке карьерой. В момент, про который я пишу, он либо уже стал заместителем председателя, либо вот-вот должен был им стать.

Козлов сидел один в своём кабинете, а наш отдел располагался за стенкой. Его стол вместе с компьютером стоял слева у окна. Как-то раз, вломившись в кабинет начальника, я обнаружил, что там никого нет и совсем было собрался уйти восвояси, но какое-то мелька-

ние на экране козловского компьютера привлекло моё внимание. Приглядевшись, я увидел, что Андрей в качестве заставки выбрал себе не популярное в то время звёздное небо, а какую-то фразу, гуляющую в разных направлениях по экрану. Такое тоже случалось. Многие остроумцы любили писать что-то типа «Ушла на базу» или «Пива нет». Однако, несмотря на всю свою подслеповатость, я всё же разглядел, что по экрану движется не короткая фраза, а какое-то четверостишие. В короткой борьбе любопытства с порядочностью победило любопытство, и, сделав несколько шагов, я подошёл к столу, недоумевая, какие же это стихи поместил себе на экран Андрей, который ранее мной в склонности к поэзии замечен не был.

На экране было стихотворение неизвестного мне автора. Его художественные достоинства явно оставляли желать лучшего, но идея была отчётлива и пронзительна. Смысл этого выдающегося произведения можно коротко передать гораздо более известным сочинением примерно на ту же тему:

Вот умру я, умру я,
Похоронят меня.
И никто не узнает,
Где могилка моя.

Это настолько не соответствовало сложившемуся у меня образу успешного, брызжущего энергией жизнерадостного человека, что я вышел из комнаты в полном недоумении, ни разу потом не спросил об этом Козлова и никому про увиденное не рассказал.

Вряд ли это было пророчеством. Я не видел в Андрее вплоть до его последних дней какой-то тревоги и беспокойства о своей судьбе, хотя банковский надзор, которым он в последнее время занимался, являлся делом небезопасным. Скорее всего, это была минутная жалость к себе, в сущности, тогда ещё мальчишке по какому-то одному ему известному поводу.

Смерть Андрея в 2006 году была неожиданной и неправильной. От него немало зависело в банковском мире, и после его ухода многое переменилось. Сильный, талантливый и симпатичный человек ушёл из жизни. Где его могила, известно всем, но лучше от этого не становится.

«Банка России»

В самую суть вещей направлен орлиный взор начальника. Никогда не достичь такой глубины и ясности нам, простым исполнителям.

Но это так, вступление, а история про то, как один раз Андрей Козлов уберёт меня от страшного промаха.

В Управлении ценных бумаг Центрального банка, где я работал под началом Козлова, была одна интересная статья в бюджете. Называлась она «Реклама ценных бумаг». Трудно сказать, что имелось в виду. То ли перетяжки на Неглинной с надписью «Покупайте ГКО — не прогадаете!», то ли раздача сувенирных ваучеров банковским работникам — мне это не известно. Факт состоял в том, что рекламный бюджет был, а если бюджет есть — его надо израсходовать. Иначе в будущем году отберут.

По ходу обсуждения того, как использовать рекламный бюджет в мирных целях, решили, что надо заказать какие-нибудь прикольные значки и потом их дарить. Первые наброски были плодом коллективного творчества. А вот реализацию проекта — поиск исполнителя, разработку макетов, подписание договора и всё остальное — высочайшим указанием было поручено выполнить мне, хотя никакого отношения к изготовлению металлоизделий я раньше не имел. Наверное, причиной была уже ставшая широко известной моя любовь к небольшим приключениям. Ну, значки так значки — дурацкое дело нехитрое. Всё было сделано вовремя, за разумную цену и с приемлемым качеством. Значки получились, без ложной скромности, неплохие, особенно «Любитель ценных бумаг». Остальные тоже вышли ничего: «Почётный депозитариус», «Заслуженный авалист» и «Торговец ГКО».

Но один из значков задумывался не шутейным, а вполне серьёзным. Это был маленький однотонный криволинейный треугольник

со сглаженными углами, предназначенный быть «опознавательным знаком» Управления ценных бумаг. Текст на значке был запланирован не смешной, а скромный и даже в чём-то официальный: «Управление ценных бумаг Банка России».

Обсуждая с изготовителем эскиз, мы решили, что эстетически будет верно, если первые три слова пойдут по периметру значка, а последние два окажутся в центре. То есть по периметру будет написано: **Управление ценных бумаг**, а в центре — **Банка России**. Так действительно получалось лучше, значок выглядел неплохо, всем понравился, и я со спокойной душой отправился утверждать эскиз к Козлову.

Андрей внимательно посмотрел на рисунок, а потом, ласково взглянув на меня, как смотрят на недоразвитых детей, спросил: «И ты здесь ничего плохого не видишь?» — «А что?» — недоуменно спросил я. «А вот то!» — продолжил Козлов. — Что это ещё за “Банка России”?!» И, о ужас, «Банка России» бросалась в глаза сразу, тогда как скромный текст по периметру становился заметен уже потом. От стыда я готов был провалиться сквозь землю. Ещё немного и произошла бы непоправимая ошибка. Скромный значок, который должен был стать предметом гордости сотрудников управления, оказался бы объектом насмешек и издевательств.

Так мудрость и пронизательный взгляд начальника спасли меня от позора. Впоследствии я уже не был таким наивным, стал внимательней и сам не раз выявлял неурочные «Банки России», а один раз уберёг рынок ГКО от смертельного пророчества. Сам же Козлов, потом признался, что орлиный взор его был неслучаен: с «Банкой России» он сталкивался не впервые и даже как-то раз от неё пострадал.

Вот что получилось в итоге (увеличен в два раза). Даже в изготовление значков Андрей Андреевич внёс бесценный вклад.

Понаехало тут...

Кажется, году в 97-м очередной банковский конгресс в июне в Питере был посвящён рынку ценных бумаг. ГКО были в ореоле славы

и величия, и до дефолта было ещё далеко. Поскольку направление ценных бумаг в Банке России в то время возглавлял А. А. Козлов, то он и был председательствующим на конгрессе, а значит, имел прямое отношение к его организации. Техническую работу выполняли сотрудники Главного управления ЦБ по С.-Петербургу. Сами понимаете, что организация таких мероприятий не обходится без накладок, сбоев и прочих милых неожиданностей. Вот и на этот раз их было не меньше, чем обычно. Поэтому отношения между Козловым и теми, кто отвечал за организацию, временами складывались напряжённо. Дело житейское, по-другому не бывает. Потом все разошлись более или менее довольные. Но вот в процессе...

Вместе с Козловым на конгресс приехали два начальника департаментов ЦБ, которые в те времена занимались ценными бумагами: Константин Корищенко и Дмитрий Будаков (кстати, учившийся в одной группе с Андреем Козловым). Они тоже принимали участие в руководстве деятельностью конгресса и тоже временами «доставали» организаторов. И вот в какой-то момент, будучи в очередной раз доведённым до точки кипения, один из питерских в сердцах сказал: «Понаехало тут всяких козлов!» — «И будаков», — немедленно добавил второй питерец. Только Корищенко остался ни при чём.

*Дмитрий Юрьевич Будаков —
выпускник 1989 году*

Алексащенко и ещё двое

Эту историю я раньше не знал. Её рассказал мне мой питерский друг М. Образцов, прочитав остальные байки. С его разрешения помещаю её вместе с другими.

Произошло это во время банковского конгресса, проходившего, как уже было сказано, в 97-м году в С.-Петербурге. Помимо руководства конгрессом, частично описанным в предыдущей байке, Козлову предстояло решить в Питере ещё одну задачу. Она была связана с организацией расчётов по питерским муниципальным облигациям. Не затрудняя читателя техническими подробностями, скажу только, что рынок питерских муниципальных облигаций (МКО) был, в известной мере, региональным аналогом рынка ГКО. По тем временам он был скон-

струирован неплохо и играл существенную роль в экономике города. Но были у этого рынка и недостатки. В частности, расчёты по сделкам с МКО проводились нестандартным образом и, во многом находясь вне контроля Банка России, приносили разнообразные радости организаторам этой системы. Конечно же, окрепший к тому времени Банк России такого терпеть не мог, и А. Козлов, будучи ответственным за рынок ценных бумаг, попытался исправить положение и привести расчёты по МКО к общепринятым нормам. Однако не тут-то было. Усилия ЦБ натолкнулись на жёсткое и хорошо организованное сопротивление — сражаться было за что. Боевые действия шли с переменным успехом, но всё же война проходила на законной территории Банка России, и перевес оказался на его стороне.

Финальные переговоры, завершение разгрома и подписание капитуляции должно было произойти в Питере, на Фонтанке, на территории Главного управления ЦБ по Санкт-Петербургу как раз в дни банковского конгресса. Значение этого события можно оценить ещё и по тому факту, что Козлов ехал на встречу не один, а вместе с Сергеем Алексашенко, который был старше Андрея по должности (Алексашенко был первым зампредом, а Козлов — обыкновенным), фактически являлся вторым (а в чём-то и первым) лицом в Банке России и при этом отличался жёсткостью и непримиримостью к врагам ЦБ и другим нехорошим людям.

Начало встречи приближалось, атмосфера накалялась, и воздух немного дрожал. Наконец, машина с Алексашенко и Козловым въехала в шлюз Главного управления, и сотрудник охраны по рации отрапортовал дежурному службы безопасности ГУ ЦБ, отвечавшему за встречу во внутреннем дворе высочайшего начальства: «Подъехали двое: Козлов и Алексашенко». Чётко по-военному встав со своего места и энергично направляясь навстречу въезжавшей во двор машине, дежурный всё же успел уточнить ситуацию: «Ну, Алексашенко — это понятно. А эти двое кто?» К сожалению, последовавший ответ так и не стал достоянием общественности.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ КРОТОВ
о встречах с Виктором Владимировичем
Герашенко и другие истории
про совзагранбанковцах

Генеральный директор АНО «Экономическая летопись».

О начале нового тысячелетия и о том, как писать книги в соавторстве с Гераклом

Как-то в преддверии важного события — наступления третьего тысячелетия — на банковской конференции банкиры в перерыве между обсуждением актуальных профессиональных вещей заспорили, а когда же начинается оно — с 2000-го или с 2001 года. Спор был горячим, приводилось много различных научных и околонучных аргументов, можно было подумать, что от этого зависит дальнейшая судьба российской банковской системы. Всё это время председатель

Виктор Владимирович Геращенко — выпускник 1960 года

Банка России Виктор Владимирович Геращенко наблюдал за спорящими.

Наконец, они обратились в главную инстанцию за разъяснением, определив Геракла в качестве арбитра последней инстанции.

Виктор Владимирович сказал всего одну фразу, разом успокоив всех спорщиков, настолько она оказалась убедительной: «Я точно знаю, что второй ящик водки начинается с 21-й бутылки!»

Другая история связана с написанием книги «Жизнь и удивительные приключения Виктора Владимировича Геращенко...» В это время он был уже безработным, в Банк России пришла чужая команда,

Олег Владимирович Можайсков — выпускник 1957 года

и культ Геракла поддерживался в одном отдельно взятом кабинете — в приёмной зампреда банка Олега Владимировича Можайскова

всех встречал большой портрет бывшего председателя Банка России.

И вот комнату отдыха Олега Владимировича Виктор Владимирович выбрал для наших творческих поисков. Хозяин, как мог, выполнял роль нашей музы. А мог он многое. Одним из признанных достоинств руководителя блока, курирующего валютные операции банка, было то, что он замечательно готовил самогон. Именно готовил, т. к. этот напиток был у него всегда доведён до совершенства: он его настаивал на множестве полезных добавок, делавших продукт запоминающимся.

В один из первых наших симпозиумов — этот термин подходит, как никакой другой, — Олег Владимирович прервал наши воспоминания о том, как председатель правления Госбанка СССР Геращенко занимался вступлением во Всемирный банк и Европейский банк реконструкции и развития (кстати, в этом процессе участвовал и хозяин кабинета). Он заявил: «Кротов, ты неправильно пишешь книгу о Геращенко!» Я был удивлён и не знал, что ответить. Старший товарищ продолжал: «Книгу про него следует писать втроём, один должен наливать!»

Кстати, ещё один человек, преподававший в Московском финансовом институте, был связан с этим напитком. Это ещё один Виктор Владимирович — Деменцев. Будучи первым заместителем министра финансов СССР, он в мае 1985 года выступал с докладом на сессии Верховного Совета СССР, представляя Постановление Совмина СССР № 410 «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, искоренению самогонарения».

Всем партийным, административным и правоохранительным органам тогда было предписано решительно и повсеместно усилить борьбу с пьянством и алкоголизмом; кроме значительного сокращения производства алкогольных напитков, было предусмотрено уменьшение числа мест и времени их продажи. Вслед за этими постановлениями 16 мая 1985 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с пьянством и алкоголизмом, искоренении самогонарения», который подкреплял эту борьбу административными и уголовными наказаниями.

Об этом не стоило бы вспоминать, мало ли какие доклады приходилось делать в те времена нашим руководителям. Но при наших встречах он угощал меня хорошим самогоном, приговаривая, что его до сих пор помнят в Ярославле, где он когда-то возглавлял областное финансовое управление.

Уже после его смерти его близкие мне признались, что самогонный аппарат всё это время стоял у него в кладовке. Точнее, не стоял, а регулярно работал.

О том, кто такой Геракл

Чтобы никто не подумал, что все мои взаимоотношения с банковским мэтротом связаны с алкоголем, расскажу вполне трезвые истории.

Однажды мы с ним фактически разыграли старый анекдот про Леонида Ильича Брежнева. Тот в котором говорилось: «Я не знаю, кто едет в машине, но за рулём у него генеральный секретарь ЦК КПСС».

Виктору Владимировичу (на тот момент безработному) как-то понадобилось несколько экземпляров совместно подготовленной нами книги. У меня в офисе их не оказалось, и я предложил соавтору, если у него есть возможность, взять книги прямо на складе. Договорились, что это сделает его водитель.

Мне оставалось позвонить менеджеру на склад и предупредить его, что подъедет мой водитель (усложнять задачу, рассказывая, что это будет кто-то не связанный со мной напрямую не следовало) и возьмёт две пачки книг.

Через некоторое время всё было сделано в лучшем виде, только вот исполнитель удивлённо, но с уважением спросил меня: «Николай Иванович, а кто у Вас работает водителем? Неужели Геращенко?»

Оказалось, что Виктор Владимирович был в тот день за рулём и решил самостоятельно решить проблему.

И ещё одна история, требующая разъяснения. Журналисты начали привыкать к факту, что В. В. Геращенко возглавлял главный банк страны четыре раза (ещё недавно во всех текстах фигурировала цифра три). Когда у них спрашиваешь, а когда же это происходило, они обычно насчитывали три пришествия, а дальше повисала пауза.

Расскажу, как произошло это превращение.

Когда мы готовили книгу, я обратил внимание, что трижды возглавляли главный банк два человека Виктор Владимирович Геращенко и Николай Александрович Булганин (1938–1940, 1940–1945, 1958).

Тогда я предложил: раз 26 августа 1991 года Виктор Владимирович покинул пост председателя правления Госбанка, написав заявление об уходе и его, пусть временно (как вскоре выяснилось), сменил

Андрей Викторович Зверев — выпускник 1978 года

Андрей Викторович Зверев, выпустивший свои приказы, значит, когда 29 августа «комиссарство» Зверева закончилось, можно счи-

тать, что Геращенко стал председателем правления Госбанка СССР второй раз.

Это дало нам возможность считать, что председателем правления Госбанка СССР Геращенко был дважды. Ещё дважды, как известно, он был председателем Банка России.

А эти истории мне рассказал первый руководитель пресс-службы Банка России (1992–1997) Алексей Всеволодович Ситнин.

Летом 1992 года перед первой встречей с председателем Виктором Владимировичем, новые сотрудники очень волновались. Гадали, какие требования будет предъявлять высокий руководитель к немногочисленной службе (в неё входило тогда 3 или 4 человека), готовились зафиксировать все мудрые напутствия начальника.

А Геращенко, увидев их волнение, заявил: «Так, записывайте первое правило». Блокноты и ручки в руках бывших журналистов были приведены в боевую готовность.

Тогда Геракл, не изменяя строгого выражения лица, сказал: «Запоминайте, как вести себя после пресс-конференций. Есть закуска — пьём водку, нет её — пьём виски».

О пользе и вреде домашнего воспитания

В качестве бонуса история из жизни совзагранбанковцев, к которой так близок Виктор Владимирович.

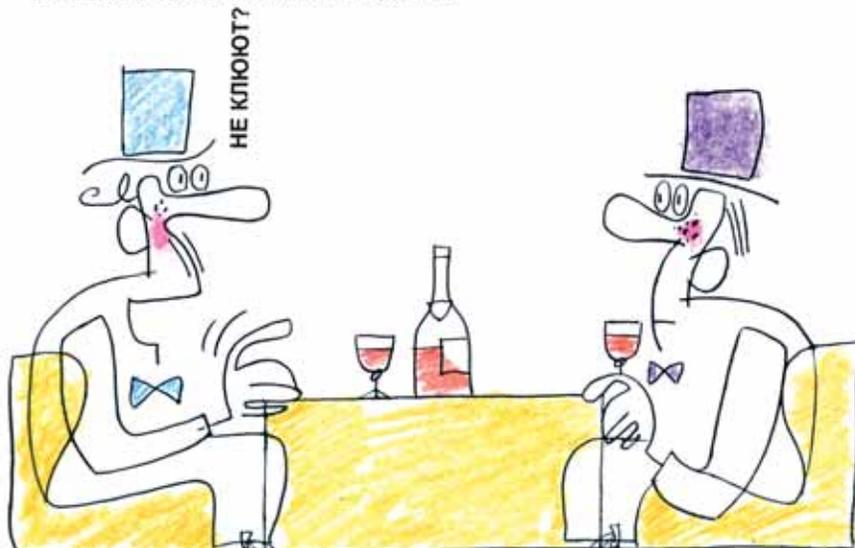
Я не буду называть настоящие имена всех участников этого рассказа, выпускников МФИ. После прочтения читатель поймёт по какой причине.

В одном из европейских банков, курируемых Внешторгбанком СССР, проходил традиционный корпоратив. Советские сотрудники, которых было очень мало, с жёнами стояли с бокалами вина и стаканами виски и вели неторопливые беседы ни о чём.

И вот в центре зала появляются два новых участника: девочка лет 4–5, мальчик старше её года на два.

Более активная молодая дама представилась: «Я Маша — дочь председателя правления банка Петровская (назовём её так), а ты кто?» — «А я Паша — сын председателя правления банка Петрова (фамилия, естественно, тоже вымышленная)».

– ПОЧЕМУ У КУРОЧКИНА КУРЫ ДЕНЕГ

– А ПОТОМУ ЧТО У НЕГО НЕТ НИ КУРЕЙ,

Нужны ли птицам деньги?

Маша отреагировала на эти слова моментально: «Зато мой папа делает всю работу, а твой только щёки надувает!»

В зале никто не решался больше сказать ни слова.

Финансовая орнитология

Существует версия, почему Виктор Владимирович Геращенко оказался крайним после «чёрного вторника» в октябре 1994 года. Говорят, на него был сильно обижен любимец президента, «лучший» министр обороны П. С. Грачёв... Начальником Главного управления военного бюджета и финансирования Министерства обороны России в начале

Василий Васильевич Воробьёв — выпускник (заочник) Военного финансово-экономического факультета при Московском финансовом институте 1974 года

90-х годов был генерал-полковник В. В. Воробьёв. Для полного контроля над финансами, выделяемыми на содержание армии, в те, скажем так, непростые годы (Чечня, вывод войск из Германии и другие денеж-

ноёмкие операции), Василию Васильевичу хотелось переподчинить себе ещё и полевые учреждения Центрального банка — структуры, через которые проводятся расчёты между всеми воинскими частями и учреждениями. Возможности после этого открылись бы огромные! Активно поддерживал коллегу в этом порыве министр обороны. И вот однажды, рассказывают, на заседании правительства Геращенко прислал Грачёву записку: «Уважаемый Павел Сергеевич! Давно хотел вам рассказать анекдот. Василий Иванович Чапаев спрашивает: “Товарищи бойцы! Нужны ли птицам деньги?” — “Нет, товарищ комдив!” — отвечают они ему. “Тогда вот какое дело, орлы...” — обращается к ним командир... Вот и я хочу сказать, что, пока в Минобороны сидят люди с птичьими фамилиями, все расчёты через полевые учреждения Центробанка останутся в моём ведении. С уважением, В. Геращенко».

БАНКОВСКИЕ МИНИАТЮРЫ

Рассказывает **Павел Захаров**. Эта история произошла осенью 2014 года. Я тогда работал в банке «Приско-капитал». Крым уже полгода как наш, американский банк-корреспондент присылает кредитовку о зачислении средств нашему клиенту, находящемуся в г. Находка Приморского края. Следом идёт запрос: «Просим подтвердить, что Находка не в Крыму».

Долго ржём, но ответ пишем со ссылкой на гугл карты. Хотели глобус послать в подарок, но решили, что такого юмора американцы могут не понять...

Рассказывает **Алексей Водилев** (выпускник 1986 г.). В начале 1990-х годов я работал в коммерческом банке. Однажды мы получили письмо, в котором некий товарищ, даже не наш клиент, жаловался нам на деятельность Центробанка и просил принять к нему меры. Вот чем ЦБ ему не угодил, за давностью лет не упомяну.

Впрочем ничего странного в этом не было. Тогдашний председатель Банка России Григорий Матюхин рассказывал, что банк МЕНАТЕП на свою вывеску помещал надпись: «Центральный банк России», желая повысить авторитет своей молодой коммерческой структуры. На требования убрать надпись, отвечал, что законом это не запрещено, ведь, как известно, в то время, практиковалось правило: «Что не запрещено законом, то разрешено».

Рассказывает **Руслан Алиев** (выпускник 1986 г.). Сразу после окончания института на встрече с одноклассниками все рассказывали о том, как сложилась их судьба. Я сказал, что работаю в Госбанке. Друзья переспросили меня: «В сберкассе?» (Единственный фильм про банковских работников был «Карьера Димы Горина», в нём глав-

ный герой работал в районной сберкассе). «Нет же, в банке!» — повторил я. Недоумение одноклассников было общим: «А разве есть такой? Банки же бывают только у буржуев!»

Через несколько лет всё изменилось. Когда в 1990 году я вернулся из армии, все мои однокашники работали в коммерческих банках и этим очень гордились. Престиж профессии кардинально изменился в лучшую сторону.

А вот ещё один рассказ. В 1992 году инкассаторская сеть переставшего существовать Госбанка СССР после расформирования большей частью перешла в Элексбанк.

По инерции бывшие отделения Госбанка, ставшие самостоятельными коммерческими банками, получали подкрепление кассы бесплатно. Однако так продолжаться долго не могло, и мы решили, что они тоже должны оплачивать эту услугу, хотя и по спецтарифу ($\frac{1}{2}$ от стандарта). Управляющие бывших отделений, ставшие председателями правлений, поехали к нам подписывать договоры.

И вот сидит у меня дама — председательница Лефортовского коммерческого банка и кричит: «Как вы смеете так поступать! Да мы же государственные! Да мы всю жизнь наличные бесплатно получали! И клиенты у нас бесплатно получают их по чеку! Да вы тут жулики-коммерсанты! Да я на вас!!!»

Молча кладу перед ней тарифы Лефортовского банка, красиво напечатанные с виньеточками, где чёрным по-русски значится: «Выдача наличных по чеку — 4 %».

Немая сцена длилась всего секунд пять, после чего крик возобновился: «Да эти клиенты все жулики и мало с них 4 процента брать!!!»

Следует отметить, что в 1992 году разразился кризис нехватки наличных денег и некоторые предприимчивые банкиры за выдачу наличность брали аж 25–30 % от её стоимости.

Рассказывает **Михаил Беляев** (выпускник 1972 г.). Однажды при обсуждении проблем резервных валют один депутат-правдоруб заявил: «Хватит рассказывать о резервной валюте, давай говорить об основной!»

Похожая история о невысоком уровне знания «матчасти» достаточно распространена. Авторы-составители этой книги слышали её, по крайней мере, от полудюжины банкиров. На вопрос проверяющего, коллеги или просто любопытного: «Как у Вас с валютой балан-

са?» — новоиспечённые банкиры отвечали: «Мы валютой не занимаемся!» Но вот **Георгий Пашнёв** стал очевидцем, когда так ответил в конце 1980-х годов в здании Госбанка на ул. Житной президент банка «Столичный» Александр Смоленский.

Рассказывает **Аллы Эль-Мунер** (выпускница 1986 г.).

В Московской городской конторе Государственного банка СССР поддерживалась железная, трудовая дисциплина. За опоздание на работу хотя бы на минуту можно было лишиться квартальной премии. Молодым мамочкам с маленькими детьми, по утрам решающим проблемы колготок-какао-шапок-шубок, крепить дисциплину всегда удавалось с трудом. Однажды я опоздала на работу на 5 минут. Начальник отдела кредитования и финансирования торговли Московской городской конторы Госбанка СССР Нина Николаевна Панкратова боролась с такими безобразиями. Перед наступлением критического времени она садилась в отделе под часами и укоризненно смотрела на циферблат.

И вот однажды и я — молодая мама — попала под её каток: в конце одного из кварталов меня приказом лишили половины квартальной премии (на всю премию, видимо, у неё не поднялась рука, всё-таки действовал социалистический гуманизм). Зарплаты тогда у нас были мизерные, но я проявила принципиальность и в знак протеста перечислила оставшуюся половину премии в Фонд мира.

А вот начальник Москворецкого отделения МГК Госбанка СССР на Пятницкой Нина Алексеевна Портупеева была дама хозяйственная. Естественно, она курировала и работу Москворецкого торгового центра. В результате своим сотрудникам организовала в голодный перестроенный 1989 год хорошие продовольственные заказы к Новому году.

В Москворецком отделении были огромные витринные стёкла на фасаде. И вот иду я вечером 30 декабря 1988 года, закончив проверку, и вижу такую картину: все сотрудники стоят в этом витринном стекле в линейку, а перед ними пакеты из которых торчат бычьи хвосты (на студень) и Портупеева считает их. Видимо, идёт «шмон» — кто-то спёр неположенный ему хвост, решила я. И точно! Утром мне позвонили из отделения и деликатно спросили, а не оказалось ли у меня случайно трёх лишних хвостов.

Вопрос был актуальный, в тот же вечер я зашла в магазин «Колбасы», что располагался на углу улицы Пятницкая и Садового коль-

ца. На его витринах стройными рядами лежали плавленные сырки «Дружба».

Комментирует **Руслан Алиев**. Ох уж эти бычьи хвосты! Их надо было рубить. Парни из отделения жребий тянули, кому идти. Никто не хотел, кроме Васи (он же Олег Круглов). И именно Васе каждый раз жребий и выпадал. Но хвосты эти далеко не самое вкусное, что было в заказах. У нас ведь и фабрика «Рот-Фронт» обслуживалась.

Рассказывает **Аллы Эль-Мунер**:

У нас на на кредитном факультете был очень суровый декан Владимир Анатольевич Успенский. Дисциплину он установил железную. Мы были с ним соседями, жили рядом на Тверской улице. В институт ездили на одном трамвае № 5.

Я боялась его как огня и старалась выйти из дома раньше, чтобы не пересечься в трамвае даже взглядом. И вот однажды у нас во всём районе отключили электричество и трамваи встали. Именно утром, именно в рабочий, учебный день. Выхожу я на остановку, вижу: трамваи стоят, а по остановке туда-сюда бегают Успенский. Декан и сам не любил опаздывать. Я за дерево спряталась и стою, жду, когда он уедет. А Успенский поймал такси, сел в него и оставил дверь открытой. Я стою за деревом и думаю: «Ну, когда же его черти унесут!» И вдруг он громко на всю улицу рыкнул из недр такси: «Алтухова, ну долго вы за деревом прятаться будете? Мы опаздываем!» Алтухова, как догадался читатель, моя девичья фамилия.

Владимир Семёнович Бард читал нам курс «Финансы отраслей народного хозяйства». Непостижимый предмет для ума двадцатилетней студентки, занятой театральными средами в студии МАИ! Всякий раз, выслушивая от нас «сказки Венского леса», Владимир Семёнович говорил: «Выше тройки не ждите от меня, не ждите!» Я зубачила предмет перед экзаменом, умоляя судьбу о четвёрке, училась почти отлично, и тройка была ну совсем мне не нужна, а передачи Бард не принимал. И вот на экзамене он, глядя мимо меня холодным взглядом, заслушал формулировку первого вопроса билета, потом второго, наконец, третьего. И так и не дав ответить ни на один, раскрыл зачётку и что-то там нарисовал. «Трояк», — грустно подумала я и, рыдая в душе, вышла из аудитории. В туалете, утерев сопли и слёзы, открыла зачётку и прочитала: «Отлично».

Что с ним тогда произошло, для меня осталось загадкой!

Байки от...

Рассказывает **Руслан Алиев**. В банк «Навигатор» году в 2004-м обратилась (с рекомендациями) страховая компания, которая хотела у нас обслуживаться и выплачивать через наш банк страховые премии. Мы согласились. Сначала страховщик стал получать наличными 3 млн рублей в день, а уже через месяц сумма возросла до 20 млн. Банк поинтересовался, чем занимается страховщик. Однако все договоры на страховые выплаты были в порядке. Мы сообщили о своих подозрениях в надзор, но больше ничего сделать не могли, тогда счета блокировать нельзя было. Во избежание неприятностей с ЦБ нам удалось договориться с этими страховщиками, чтобы они закрыли свои счета. Чтобы долго не объяснять, мы сообщили нежеланным клиентам, что у нас грузовик для денег сломался.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ШУТКИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА: ГЛАМУРНЫЕ ДЕНЬГИ И ЦЕННЫЕ БУМАГИ

ТАРАНКОВ ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ Выпускник 1979 года

*Окончил в 1982 году аспирантуру МФИ.
Преподавал на кафедре денежного обращения и
кредита Московского финансового института.
Был председателем Совета молодых ученых
института.*

*1990-е годы — председатель правления Ипотечного
Стандартбанка и «АвтоВАЗбанк-Москва».
Много лет работал в Сбербанке России.
Автор первого альбома-справочника «Ценные
бумаги Государства Российского» (1992)*

ШУТКИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА: ГЛАМУРНЫЕ ДЕНЬГИ И ЦЕННЫЕ БУМАГИ

На протяжении многих столетий в России любые шутки в отношении денег, правительственных займов были чреватy самым серьезным наказанием для подобных юмористов. Поэтому тем удивительнее, что на рубеже XIX–XX веков появились смельчаки, которые на свой страх и риск модифицировали дизайн банкнот и облигаций, выпустив их в виде почтовых открыток с добавлением многочисленных иллюстраций женских портретов. Тема деНЕЖНАЯ переплелась с НЕЖНОЙ основой. Почему это произошло именно в этот период, а не раньше и не позже?

1. Драйв для мужчин. «Дама с собачкой» уже вышла на прогулку...

Удивительно, но первым синергию НЕЖНОЙ и деНЕЖНОЙ тем сделал сам великий А. П. Чехов. Именно ему пришло в голову послать крохотное письмецо в конвертике в адрес другого писателя — И. А. Бунина. Такое коротенькое, что мало кто на него из исследователей обращал внимания.

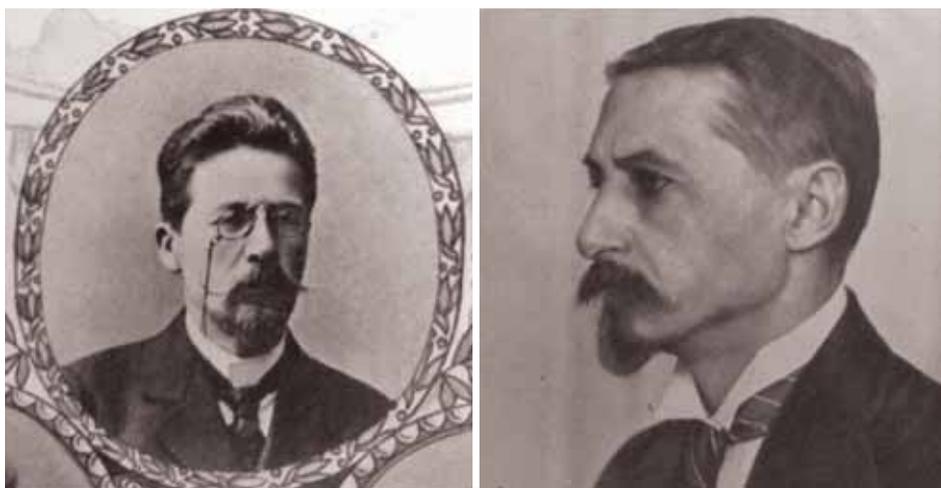

Фото А. П. Чехова и И. А. Бунина

Да, и в полном собрании сочинений Чехова оно почти затерялось в одном из самых последних томов, где собрана переписка с многочисленными адресатами Чехова. Ведь электронной почты в то время не было, мобильного телефона тоже. Не говоря про факс. Писем, записок было огромное количество. Вообще-то это большое чудо, что записка сохранилась!

15 января 1902 года, Ялта. *«Милый Иван Алексеевич, здравствуйте! С Новым годом, с новым счастьем! Желаю Вам прославиться на весь мир, сойтись с самой хорошенькой женщиной и выиграть 200 тысяч по всем трём займам...»* А. П. Чехов. Сочинение в 12 томах. Т. 12. М., Правда. С. 382.

Так вот, А. П. Чехов, поздравляя И. А. Бунина с Новым годом, пожелал ему три вещи. Славы, женщины и денег. Казалось бы, обычное дело. С древнейших времён три «вызова» обеспечивало драйв для каждого среднестатистического мужчины. Но что в этой фразе было интригующим?

Во-первых, именно в это время Россия максимально открылась для всего мира. Международная слава для российского писателя стала теоретически достижимым тезисом.

Приложение

Открытка. «Жена не рукавица, с руки не снимешь, за забор не кинешь»

Открытка. «Дама с собачкой»

Приложение

Во-вторых, «сойтись с самой хорошенькой женщиной» было бы смелым пожеланием на Новый год в патриархальной России XIX века, население которой по отношению к узам Гименея придерживалось старинных традиций и обычаев.

Но в новой России мужчины безошибочно почувствовали: пора! Открываются новые горизонты! Страна зачитывалась рассказом Чехова «Дама с собачкой», в котором отношения мужчины и женщины развивались по иным правилам...

Раскрепощение «основного инстинкта» произошло под влиянием многих обстоятельств. Это и увиденное, и, возможно, пережитое во время путешествий россиян по Европе, раньше начавшей переосмысливать отношение к женщине. Это появление перед изумлённым взором мужской половины «просвещённой публики» созвездия великолепных актрис на сценах русского театра. Это активная визуализация женской красоты благодаря новому явлению — открытым письмам-открыткам с фотографиями русских и иностранных хорошеньких женщин. Самых-самых. Россия впервые узнала красавиц в лицо. И что особенно удивительно, оказалось, что красавиц намного больше, чем думалось раньше, пока не было фотографии.

Третье пожелание Чехова Бунину было особенно интригующим. Он рекомендовал И. А. Бунину самый короткий путь к деньгам — через игру. Но через какую!

В это время многие играли в карты, рулетку и другие азартные игры. Но пожелать выигрыша через билеты (облигации) Государственного банка, а также закладные листы Государственного банка для дворянства — для этого надо быть действительно великим писателем и драматургом!

В этой фразе Антона Павловича отразилось перманентное состояние возбуждения российской публики вокруг знаменитых «трёх займов» (подробнее о них будет рассказано ниже). Ажиотаж был сродни завораживавшей магии трёх карт из «Пиковой дамы» А. С. Пушкина.

И тем не менее лаконичное чеховское словосочетание «выиграть 200 тысяч по трём займам» представляет собой огромный зашифрованный фрагмент истории российских финансов и фондового рынка. Фраг-

мент, который активно будоражил публику более 50 лет — в царствование трёх императоров: Александра II, Александра III и Николая II.

Заметим, что пожелание А. П. Чехова оказалось пророческим. И для И. А. Бунина почти всё сбылось: была и мировая слава, и красавица, спутница жизни, и Нобелевская премия — её оказалось получить легче, чем выиграть по трём займам!

Пожелание А. П. Чехова получилось таким «свежим и новаторским» потому, что оно отразило особый дух, настроения, которые витали тогда в обществе. Это был период Серебряного века России. Годы, которые в Европе потомки назвали Прекрасной эпохой. Время многих реализованных желаний. Ведь «Дама с собачкой» уже вышла на прогулку.

2. Прекрасная эпоха креатива: мечты сбываются?

Прекрасная эпоха, или по-французски Бель эпок, — это понятие о периоде с 1895 года по 1914 год — родилось и укоренилось после Первой мировой войны. Слишком велик был контраст в жизни миллионов людей до войны и после.

Прекрасная эпоха — это крохотный отрезок, почти мгновение в жизни человечества, всего два десятилетия, но каких! В исторической памяти многих людей, кто выжил в жестокой войне народов, этот период воспринимается как золотой век счастья, гармонии, обновления. Времени, когда люди умели жить легко и беззаботно, а мечты, желания — в общем, романтика, сочеталась с роскошью и была неотъемлемой частью жизни.

Кажется, что Бель эпок — это всего лишь эфемерная ностальгия людей о времени, которое безвозвратно ушло. Может быть, это воспоминание о молодости человечества, которое ещё не познало двух мировых войн, которое продолжало мечтать о многом? И всё же: почему помнят о Прекрасной эпохе? В чём же была её особенность?

Бель эпок — два десятилетия креатива в сфере технического прогресса, экономической стабильности, мира в политических отношениях, расцвета культуры в большинстве европейских государств: Франции, Великобритании, Австро-Венгрии, Германии, Италии, Бельгии, России, расцвета, наступившего после упадка 1870–1880 годов.

Открытка. Купальщицы

Открытка. Моторный лимузин

Приложение

Прекрасная эпоха — это время, когда на улицах городов появились автомобили, а в них дамы и господа, спешащие куда-то по своим делам. И наступившая эпоха автомобиля была напрямую связана с женщиной!

В 1886 году «мечтатель» из Германии Карл Бенц явил миру своё изобретение — автомобиль с бензиновым двигателем. Однако в течение двух лет так и не нашлось ни одного смельчака для поездок на «безлошадном экипаже»! И лишь жена изобретателя — 39-летняя Марта Бенц — спасла ситуацию. Тайно от мужа, взяв с собой детей, она совершила длительную авантюрную автомобильную поездку к родственникам. Успешный тест-драйв первой в истории автоледи!

Кафе, кабаре, бульвары превратились для горожан в любимые места для встреч и общения и формировали новый стиль жизни. Вечерние прогулки на моторном лимузине заменили катание на лошадях.

Стремительно набирали популярность и морские купания. Купальные костюмы вошли в разряд самостоятельных элементов моды.

Это были годы, когда человек смог воплотить мечту Икара. Люди активно устремились в небо на дирижаблях и самолётах. На старинной шуточной открытке появился выразительный диалог Луны и Человека.

Наряду с отважными лётчиками появились первые женщины-авиаторы! Их тогда называли «авиатрисы», почти как актрисы! Такое слово возникло, возможно потому, что многие первые лётчицы приходили на лётное поле со сцены, а полёты на аэропланах были больше похожи на публичные шоу. Первой поднялась в небо баронесса Де ля Рош — профессиональная актриса (настоящая фамилия Элиза Раймонда Дерош).

Она выступала с воздушными представлениями в Париже, Руане, Будапеште, Каире, а также Петербурге, где демонстрировала лётное мастерство Николаю II. Император лично выразил восхищение лётчице.

В некоторых европейских городах было построено метро, очень быстро превратившееся в самый популярный вид общественного транспорта.

Прекрасная эпоха — это ещё и рождение кинематографа. Грёзы человечества выплеснулись на экран.

Открытка. Луна: «Вы, люди, дерзки, жадны, стала вам Земля мала?»
Человек: «Изобрели мы новый способ беспокоить и тебя»

Приложение

Казино в Монте-Карло

Эти годы стали периодом расцвета фотографии и открытых писем-открыток, как массового явления.

Современники добились огромных успехов в естественных науках, новейших технологиях, медицине и социологии. Сплошной креатив!

Археологические открытия обогатили культуру.

Это эпоха модерна и модернизма в искусстве и литературе, дискуссий о «женском вопросе», начавшееся движение суфражисток, пытавшихся по-своему воплотить в жизнь многовековую мечту женщин о равноправии.

Прекрасная эпоха — это возникновение большевизма, реакции на настроения тех людей, которые были лишними на этом празднике жизни и мечтали об иной доле.

В Бель эпок благодаря развитию железнодорожного сообщения миллионы людей начали активно путешествовать по миру. Европейские курорты получили второе рождение. На них приезжали попить целебной воды, отдохнуть от службы и домашних дел, стать героем тайного романа, испытать острые ощущения от азартных игр.

Открытка. Монте-Карло, казино и отель «Париж»

Почти во всех крупных городах появились казино. Это были настоящие предприятия, где на конвейер ставилась страсть многочисленных господ и дам к риску, их мечта о выигрыше. Люди охотно, как мотыльки на огонь, устремлялись в погоню за призрачной Фортуной. Залы были переполнены (фото открытки казино в Монте-Карло).

Внешне казино походили на роскошные театральные здания. Особенно знаменитые казино для всех желающих были открыты на юге Франции — в районе Лазурного Берега.

Примечательна открытка с изображением морского побережья и играющих детей. Они увлечённо строят песочные сооружения, замки. Им интересно и азартно делать это без всяких рулеток. А на заднем плане фотографии здание казино, где, возможно, в это же мгновение, прямо среди белого дня взрослые испытывают удачу. Как известно, в казино дневной свет не проникает, и клиент не знает — день или ночь в это время в нормальном «неигровом» мире.

Приложение

Открытка. Дети играют на песке на фоне казино

Многие русские часто ездили за рубеж на отдых. Писатели, художники, артисты, поэты, предприниматели, госслужащие, аристократия. Они в полной мере впитывали в себя опыт жизни в Прекрасную эпоху и несли его в Россию. Известная фраза в адрес бывшего предводителя дворянства — «Барин вернулся из Парижа» — была абсолютно уместна именно тогда, а не в 1920-е годы.

Состоятельные русские охотно покупали зарубежную недвижимость. В Европе появились мини-колонии русских. Русские церкви украсили европейские города, став здесь очагами православной веры, духовными центрами русской общины, островками для спасения в годы вынужденной эмиграции после 1917 года миллионов русских.

А на Лазурном Берегу, в Ницце, был создан небольшой русский порт.

Русские сезоны знаменитой группы блистательного Дягилева в Париже, Монте-Карло проходили с аншлагами.

Прекрасная эпоха — это всемирные выставки, каждая из которых превращалась в крупное международное событие. Страны-участни-

Открытка. Курсы российского рубля к иностранным валютам

цы сражались за право быть первыми по оригинальности своих павильонов, демонстрации национальных достижений. В 1900 году парижанин прямо в своём родном городе мог назначить свидание с возлюбленной у стен Московского Кремля — его уменьшенной копии. Именно так выглядел павильон России под названием «Сибирь» на Всемирной выставке в Париже в 1900 году. Сооружение и его экспозиция вызвали живейший интерес у европейцев.

Прекрасная эпоха — это было время, когда финансисты мира особенно креативно воплотили в жизнь старую мечту алхимиков. Бумага стала золотом. Европейские валюты, в том числе российский рубль, были его эквивалентами. В обращении находились золотые монеты, банкноты, разменные на золото. В Европе обращались местные валюты. Североамериканские доллары были пока мало известны широкой публике.

В эпоху Бель эпок многие люди считали, что золотой век, его атрибуты сохранятся навсегда. Рантье — частные инвесторы, считая государственные устои незыблемыми, охотно ссуживали деньги своим

Приложение

и чужим государствам на десятилетия и даже бессрочно. Вообще, это был период, когда все охотно давали займы свои капиталы — частные инвесторы, банки, государства. Ссудный процент был умеренным и достаточно стабильным.

Прекрасная эпоха — это два последних десятилетия господства старейшей финансовой столицы мира Лондона. Прочные позиции пока сохраняли также другие финансовые центры Старого Света — Париж, Амстердам, Берлин, Брюссель, Петербург.

Именно они обеспечивали движение капиталов для Прекрасной эпохи, требовавшей огромных расходов для красивой жизни. А за океанские финансисты пока мечтали о переделе экономической карты мира, копили силы, осторожно вкладывая средства в европейские активы.

Тонны облигаций, акций, векселей перемещались между странами. «Русские фонды» — государственные облигации — были желанными ценными бумагами на фондовых рынках Франции, Германии, Великобритании, Бельгии, Голландии. Табакерки Фаберже, усыпанные бриллиантами, высочайше дарились наиболее активным партнёрам русского правительства по привлечению займов (автор видел их, до сих пор хранящихся, например, в Лондонском Сити, в одном из известных старейших банков, который, к сожалению, несколько лет назад был продан за... 1 доллар США).

В условиях политической стабильности и расцвета экономики России иностранные капиталы устремились на её внутренний рынок в виде инвестиций в акционерные капиталы совместных предприятий в промышленности, на транспорте, торговле, финансовой сфере.

Об этом времени Александр Блок в поэме «Возмездие» скажет:

Век расшибанья лбов о стену,
Экономических доктрин,
Конгрессов, банков, федераций,
Застольных спичей, красных слов,
Век акций, рент и облигаций.

Телеграф, а затем телефон ускорили международные сделки с товарами, валютами, золотом. На фондовом рынке господствовали,

как правило, «быки». Политическая и экономическая стабильность создавали благоприятные условия для роста котировок акций. «Медведи» крепко спали в берлогах. Им снился роскошный пир, но в реальной жизни он был ещё нескоро.

3. «Ты — женщина, и этим ты права»

Прекрасная эпоха — это золотой век моды, период прекрасных одежд, особенно женских. Сегодня подобные наряды уместны только на светских костюмированных событиях или на свадьбах.

Бель эпок — это два последних мирных десятилетия, когда мужчины особенно сильно восторгались женской красотой, мечтая о ней, воспевая её в разных образах.

Прекрасная эпоха — это появление международных мегазвёзд в искусстве, театре, свободно перемещавшихся между странами, превращаясь иногда в национальных звёзд в неродных странах.

В это время изменилось отношение к женской красоте и её изображению. Ранее художники рисовали императриц, королей, фавориток, принцесс, знатных дам, святых. Видели такое искусство только избранные. Благодаря фотографии и фотографическим открыткам, креативности фотографов женские образы стали тиражироваться

Старинные открытки. Мужчины и женщины

Приложение

миллионами экземпляров. Они оказывали сильнейшее воздействие на мужчин, да и на самих дам.

Каждый мужчина получил возможность создать для себя «карманную» галерею любимых дамских портретов, истратив на это сущую безделицу денег.

Люди полюбили писать и отсылать друг другу открытые письма, сокращённо названные открытками. Очень лаконично и выразительно они рассказывали родным и близким о жизненных событиях, поздравляли с праздниками, направляли весточки, чтобы помнить о себе.

Открытки в мельчайших подробностях запечатлели эпоху. Они представляют собой часть жизни людей и её отражение — атмосферу прошедшего столетия с лёгкой и беззаботной жизнью, полной удовольствий. Открытки берегли в течение многих лет как память о близких людях, каких-то сугубо личных событиях.

Прошло уже более ста лет. Время покрыло тёмной патиной антикварные открытки. Растрескалась бумага, но восхитительная жизнь Прекрасной эпохи, её отблески по-прежнему угадываются, как только в руки берёшь эти старые письма.

И вместе с прикосновением к плотной бумаге вы можете почувствовать давно ушедшую уникальную эпоху. Жизнь, где самой главной мечтой и целью была, бесспорно, женщина.

Ты — женщина, и этим ты права.
От века убрана короной звёздной,
Ты — в наших безднах образ божества!
Мы для тебя влечём ярем железный,
Тебе мы служим, тверди горб дробя,
И молимся — от века — на тебя!

*В. Брюсов. Женщине.
11 августа 1899 г.*

Именно обольстительные женщины Бель эпок придали особый блеск мужчинам...

4. Их знали в лицо: визуальная революция. Красота как бренд

Интересный исторический факт: на протяжении почти 150 лет в финансовых учреждениях России работали только мужчины. Даже работа в бухгалтерии и канцелярии банка рассматривалась как сугубо мужская.

По существу, в то время любой бизнес представлял собой мужской закрытый клуб, где вход женщинам был закрыт. Вне работы, в приватной обстановке к услугам господ была собственная территория — мужская половина в доме, апартаментах, где присутствие женщин было заказано. К святой святых для мужчин относились: кабинет, диванная, курительная, бильярдная.

На рубеже XIX–XX веков, в Прекрасную эпоху, что-то в таком устройстве стало давать сбой. Рутинная домашняя и строгая офисная жизнь требовали отдушины. И ею стало искусство во всех формах и проявлениях, но с участием прекрасных дам: артисток, танцовщиц, художниц, поэтесс. Бель эпок, Серебряный век сопровождался расцветом искусства. И в этом была большая заслуга женщин, которые в массовом порядке пошли в искусство.

Артистки, танцовщицы образовали класс дам полусвета, «пернатых», из-за моды на аксессуары — шляпки, веера — с перьями редких птиц. Они отличались от светских дам-аристократок, по крови, принадлежавших к свету, и от простолюдинок из народа.

Аристократки были богаты, но их материально благополучная жизнь ограничивалась всевозможными условностями, правилами света. Гражданские браки были для них исключены. Они не могли путешествовать без супруга, родственников, многочисленных помощниц и прислуги. Даже посещение ресторана без мужа было немислимо. И, конечно, как правило, светские дамы никогда не работали.

Дамы полусвета всего должны были добиваться самостоятельно, но зато пользовались относительной свободой в вопросах образования, личной жизни, работы, путешествий. Их судьбы сопровождалась многочисленными романами, которые редко завершались официальными браками. Талантом, трудолюбием и упорством они добивались успеха.

Приложение

Это были харизматичные личности. О многих из них написаны книги, созданы фильмы. Стоит ли говорить, что мужчины их боготворили, обожали, желали видеть снова и снова. Мечтая о дамах, мужчины хотели лицезреть их облик.

Социальный заказ мужской половины общества был услышан полиграфической индустрией. Потребность в визуализации женской красоты и новые технические возможности дали возможность создать образы женщин, запечатлённые на фотографиях, которые стали массовым продуктом потребления. Лица на открытках одухотворённые, позитивные, выражающие глубинные чувства, а их наряды в полной мере можно отнести к разряду высокой моды!

Фотографии изготавливались двухцветные. И что удивительно, в XXI веке, когда господствует цифровая технология фотоиндустрии, мода на чёрно-белые фотографии вернулась. Два этих контрастных цвета наиболее лаконично и выразительно передают образ человека, его внутренний духовный мир. Поэтому почти все старые фотографические открытки с постановочными сценами позирующих фотомоделей обладали и обладают притягательной силой.

Лица были столь узнаваемы, что открытки печатались без указания на них фамилий. Как писал А. Блок:

И я боюсь тебя назвать
По имени. Зачем мне имя?
Дай мне тревожно созерцать
Очами жадными моими...

Спустя 100 лет имена многих уже забыты и их можно назвать блоковскими «прекрасными незнакомками».

Артистки, как настоящие фотомодели, охотно позировали. Ведь для них это была отличная реклама (как в XXI веке — видеоклипы). Для фотографов изготовление и продажа широкой публике карточек было прекрасным способом заработать деньги. И мужчины, и женщины, состоятельные и бедные люди с удовольствием покупали открытки.

Фотографии вешались на стены, как картины. Зачастую под общей рамкой со стеклом помещалось сразу несколько штук! К внутренней стороне крышек сундуков для сугубо личных вещей крепились многочисленные фотографии открыточных див.

Наряду с красавицами на открытках появились другие самые разные темы и сюжеты. Большинство событий, которые волновали публику, находило отражение в фотографии и, соответственно, открытках. При их помощи люди получили возможность увидеть изображения известных государственных деятелей, представителей разных народов мира, автомобилей, аэропланов, морских кораблей, памятников архитектуры, панорам самых разных городов, их площадей и улиц, свадеб, счастливых молодых родителей и их детей и многое, многое другое.

Огромное количество открыток были художественными, т. е. рисованными. Они создавались как малоизвестными художниками, так и известными мастерами: И. А. Репиным, В. М. Васнецовым, К. А. Сомовым, А. Н. Бенуа, В. С. Маковским, И. А. Билибиным, Л. С. Бакстом, М. В. Добужинским, Е. Е. Лансере, Е. Бем и другими.

Визуальная революция охватила разные страны и сословия людей. Коллекционирование открыток стало самым массовым хобби в истории человечества.

Если мужчины млели от красоты фотомоделей, то женщины — от их роскошных платьев, шляпок, драгоценностей и даже причёсок. Как только в России распространились фотографии звезды парижского балета Клео де Мерод со знаменитой укладкой волос, названной в её честь, все кассиры-женщины в день открытия Верхних торговых рядов (современный ГУМ в Москве) пришли на работу с причёской «под Клео».

И это совсем не удивительно. Сам король Бельгии Леопольд, один из богатейших мужчин Европы (хозяин, в частности, Бельгийского Конго — африканской земли, напичканной алмазами, которую он впоследствии был вынужден передать государству), влюблённый в течение многих лет в Клео де Мерод, по её просьбе... профинансировал строительство метрополитена в Париже. Острословы немедленно присвоили ему шуточный титул — Клеопольд Бельгийский...

После приобретения очередной фотографии с красавицей российские модницы устремлялись к парикмахерам, портнихам делать заказы на платья, шляпки по фасону, как у Клео. Когда в очередной российский город приезжали на гастроли артистки, публика валом валила в театры, где часто возникал аншлаг. Увидеть воочию звезду, узнать, так же она хороша, рассмотреть её изображение на открытке, её туалеты, драгоценности — были мечтой многих барышень!

Приложение

Именно в годы Прекрасной эпохи и Серебряного века женская красота превратилась в мощнейший бренд, который стал использоваться для продвижения товаров массового потребления. В 1912 году крупнейшая парфюмерная фирма Остроумова опубликовала два небольших по объёму тома под названием «Наши артистки о парфюмерии т-ва Парфюмерной фабрики провизора А. М. Остроумова». В ней были приведены фотографии красивейших и известнейших актрис русских театров и их факсимильные отзывы о всевозможных духах, одеколонах, кремах, пудрах, пастах, косметических и гигиенических средствах. *«Если бы Наполеон душился остроумовским “Наполеоном”, Жозефина никогда бы ему не изменяла»*, — написала артистка Императорских театров Раиса Романовна Рейзен рядом со своей фотографией.

А вот какие чувственные ощущения выразила Вера Алексеевна Каралли: *«Причудливый аромат Ваших произведений перенёс меня в сказочный волшебный сад... Я упиваюсь благоуханием роскошных цветов!»* Отзыв дорогого стоил. Вера Алексеевна была знаменитой балериной Большого театра, звездой русского (а в последствии и голливудского) немого кино, утончённой красавицей, известной всей России.

И вот, наконец, наступил момент, когда популярность отдельных артисток достигла такого уровня, что их портреты стали помещать на открытках, объединяя с изображением денег и ценных бумаг, вексельной бумаги.

5. Звёзды — фотомодели для «женских денег и ценных бумаг»

Послушайте!

Ведь, если звёзды зажигают —
значит — это кому-нибудь нужно?
Значит — кто-то хочет, чтобы они были?

(В. Маяковский. 1914. Антология
Серебряного века. Мир книги, 2007.
С. 183)

Большинство людей к деньгам испытывают сильные положительные эмоции. Приятно слушать мягкий трезвон золотых монет, слит-

Открытки в виде карт. Каролина Отеро, Лина Кавальери

ков или шелест банкнот или ценных бумаг. Или, как это было в начале XX века, просто созерцать их в качестве изображения на почтовых открытках, отправляемых в канун праздников. Лозунг «Хлеба и зрелища» соединился на открытке в виде изображения денег как товарного эквивалента и женского лица.

Появились открытки с женскими головками, с портретами женщин на деньгах, ценных бумагах, векселях. И что интересно, на таких «деньгах» печатались портреты двух дам, известнейших соперниц — Каролины Отеро и Лины Кавальери.

Благодаря им в России появились две партии их поклонников — так называемые отеристы и кавальеристы!

Каролина Отеро Иглесиас (1868–1965) — актриса, певица, танцовщица, последняя куртизанка эпохи, «королева бриллиантов»,

Приложение

богатейшая женщина в Европе, родилась в Испании в бедной семье, у матери-одиночки. В раннем возрасте она получила жестокую психологическую травму от неизвестного лица, которая серьёзно повлияла на всю её жизнь, на отношение к мужчинам, браку (она никогда не вышла замуж), азартным играм и многому другому.

В 14 лет Каролина убежала из дома. Зарабатывала танцами и песнями в кабачках, кафе, затем в мюзик-холлах Марселя. В дешёвом кабаре «Куколка» её увидел Эрнест Андре Джургенс, представитель известного нью-йоркского мюзик-холла «Эден мюз», посланный в Европу для поиска испанской танцовщицы, имеющей хорошую репутацию на французской сцене.

Этот мужчина, 36 лет от роду, отец семейства, с первого взгляда влюбился в Каролину и пригласил её в Новый Свет.

Влюблённый администратор вложил в создание нового образа Каролины все свои силы, время, талант, личное состояние и даже допустил крупную растрату, часть средств театральной кассы. Он создал легенду, привлёк к своему кумиру благосклонное внимание представительниц высшего света Нью-Йорка.

Триумфальный дебют Каролины Отеро состоялся в Нью-Йорке в 1890 году. Критика, публика, светские дамы были в восторге. Из провинциальной танцовщицы, о чём мало кто знал, в считанные дни Каролина превратилась в настоящую звезду. Её приняли богатейшие семьи города.

Вместе с успехом у Каролины появился новый поклонник — Вильям Вандербилт — железнодорожный король Америки, который стал для неё любовником, щедрым спонсором на многие годы. Он открыл длинный список подобных мужчин, в который вскоре вошли короли, принцы, аристократы-миллионеры, поэты, писатели, другие известные люди.

После блестящего старта в Америке, Каролина вернулась в Европу, где получила прекрасные контракты на сценах Парижа, затем Лондона, Вены, Будапешта, Петербурга, Москвы и других городов.

Рост её популярности как актрисы сопровождался новыми романами с самыми громкими именами, в том числе с пятью коронованными особами, ставшими друзьями Каролины, среди которых были короли Англии, Сербии, Испании, Кайзер, принц Монако, русские великие князья, герцог Вестминстерский и писатель Габриэле Д'Ан-

нунцио. Каждый очередной поклонник дарил Каролине роскошнейшие подарки: уникальные бриллианты, рубины, сапфиры, жемчуг. Каролина полюбила танцевать на сцене, её костюм был декорирован ювелирными шедеврами. В результате за страсть к «радостям богов», публика прозвала Каролину «королева бриллиантов».

Каролина Отеро обладала сильным энергичным характером, отличалась поразительной жизненной силой, что притягивало к ней многих мужчин, спор между которыми иногда заканчивался дуэлями.

Её фигура была безупречна. Художники с удовольствием посвящали ей свои полотна, а фотографы — фотографии, открытки.

Существует легенда о том, что архитектор знаменитого французского отеля «Карлтон» в Каннах, влюблённый в Каролину, повторил очертания её груди при строительстве двух угловых башен. В честь артистки был назван ресторан отеля — La Belle Otero, кухня которого считается одной из лучших на Лазурном Берегу.

В 1898 году Каролина Отеро стала первой кинозвездой, снявшись в Санкт-Петербурге в минутном фильме у французского киноопера-

Открытка. Каролина Отеро и вид Санкт-Петербурга

Приложение

тора. Камера запечатлела знаменитый танец Отеро — вальс бриллиантов. Фильм был показан в мюзик-холле «Аквариум» в Петербурге, после чего разразился скандал. В одной из «зажигательных» сцен вместе с Каролиной на экране появился офицер русской императорской армии. Последствия были печальными: француза выслали из России.

В 1914 году Отеро ушла со сцены. Затем вследствие увлечения азартными играми последовало полное разорение, почти анонимная скрытая от глаз публики жизнь в тиши и забвении в течении почти полувека и смерть в 1965 году в возрасте 97 лет.

Отеро в 1926 году продиктовала свои воспоминания. Они были опубликованы, не раз переиздавались, переведены на многие языки. Она была большой выдумщицей, подчас мистификатором, любила приукрашивать реальные события своей жизни, сознательно путать правду с вымыслом. Благодаря этому в разных странах мира о ней написано множество книг, в которых авторы попытались правдиво отразить её жизнь. Судьбе Отеро были посвящены несколько фильмов.

Лина Кавальери (1874–1944) — другая яркая личность Прекрасной эпохи, первая всемирно признанная фотомодель, одна из красивейших женщин-легенд, добившаяся всего самостоятельно, ставшая одной из звёзд Европы, в том числе и России рубежа XIX–XX веков, с успехом пережившая бурные годы славы, умевшая ориентироваться в быстро менявшемся мире.

Кавальери родилась в Италии, в маленьком городке близ Рима. Рано начала работать — сначала продавала цветы «на углу», затем за символическую плату пела в кафешантане. Семье Кавальери было трудно дать какое-либо образование Лине, поэтому ей пришлось добиваться всего самостоятельно. Дефицит знаний компенсировался трудолюбием и упорством. Вскоре она пела в одном из ресторанов Рима, а затем её имя появилось на афишах лучших развлекательных заведений Рима. А ещё через год Лину включили в репертуар знаменитого парижского «Фоли Берже» и, наконец, Лондонского Императорского театра.

В начале 90-х годов XIX века Кавальери приезжает по контракту в Россию, в Санкт-Петербург, где должна была выступать в ресторанах. Вскоре она стала известна как исполнительница неаполитанских песен, а также как танцовщица. Но особую славу ей принесла удивительная, редкая красота.

Открытка. Лина Кавальери

Приложение

Она привлекла внимание лучшего парижского фотографа Леопольда-Эмиля Рутлингера. Его клиентами были представители самых богатых и известнейших аристократических фамилий Европы. Но особенно ему удавались фотографии парижских красавиц, что натолкнуло мастера на идею развития открыточного бизнеса — изготовления фотографий с огромными тиражами.

Рутлингер обладал тонким чутьём при выборе будущих моделей. Без помощи модельных агентств он находил красавиц, которые обладали редкими внешними данными, а главное — принципиально отличались от обычных людей характером, внутренним состоянием души, энергетикой. Как правило, такие модели уже имели успех, публика их знала и даже боготворила. Это обрекало фотопроект на гарантированный успех.

Красавицы Рутлингера вызвали настоящую сенсацию. Прекрасная эпоха получила материализованные (в виде фотографий) образы героинь. В его перечень входили: первая красавица Парижа балерина Клео де Мерод, звезда варьете Лиан де Поги, испанская танцовщица Каролина Отеро и, наконец, молодая певица, красавица Лина Кавальери.

Согласно долгосрочному договору, Лина становилась моделью для

фотографирования, причём фирма оговорила своё право на изготовление и сбыт в огромном количестве открыток с её изображением.

Юная артистка проявила удивительную дальновидность. Не желая себя компрометировать в глазах будущего жениха, она поставила условие в части своего фотоимиджа — её туалеты должны были отличаться строгостью и скромностью!

Успех контракта превзошёл все самые смелые ожидания. Открытки пользовались у публики огромным спросом, раскупались молниеносно. Вскоре Лину заочно знали многие люди в разных странах, в том числе в России.

Её карьера сложилась в России очень удачно. Обладая посредственным голосом, Лина оказалась незаменима там, где требовался драматический талант, эффектная внешность, точёная фигура, умение грациозно танцевать.

Её красота привлекла массу поклонников, которые осаждали артистку, задаривая букетами и венками.

Выступая в кафе, ресторанах, снимаясь у лучших фотографов, Лина Кавальери брала мастер-классы по вокалу у профессионального педагога. Несмотря на посредственный голос, Лина строила фантастически смелые планы — стать оперной певицей.

И её огромное трудолюбие, помноженное на амбициозность, дало результаты — голос звучал всё чище, сильнее, завораживающе. Вскоре её мечты сбылись — Лина Кавальери запела на лучших оперных сценах Старого Света, выступая в театральных группах с известными оперными певцами.

В качестве оперной дивы Кавальери появилась в Санкт-Петербурге летом в 1897 года. Знаменитый русский певец Леонид Собинов пел в составе итальянской оперы вместе с Кавальери. Он один из первых в России разглядел и высоко оценил её талант.

Приложение

Санкт-Петербург и Москва рукоплескали Лине, находившейся в расцвете своей уникальной красоты. Её портреты можно было увидеть в витринах магазинов, фотоателье.

В 1900 году журнал «Стрекоза», в котором в своё время был опубликован самый первый рассказ Антона Павловича Чехова, издал брошюру «Красавицы европейских сцен». В нём были приведены 10 портретов красавиц актрис. Под фотографией Кавальери давалась её характеристика: «Знаменитая королева шансонетки с танцами. Премированная красавица, королева бриллиантов и командирша огромной международной армии поклонников, которыми играет как кошка мышкой. Первоклассная красавица и первостатейная модница».

Имя Кавальери было в центре внимания публики, газет, слухов и даже происшествий. В Санкт-Петербурге из-за сорвавшихся гастролей Кавальери, разорившийся антрепренёр, задолжавший по проданным билетам 60 тыс. рублей, лишил себя жизни.

В Москве после выступления артистки восторженные студенты самовольно доставили карету с Кавальери внутри от театра до гостиницы. В качестве тягловой силы были сами студенты.

В цветочных магазинах продавались специальные букеты для «Лины Кавальери»! А знаменитая шоколадная фабрика Абрикосовых вкладывала фотографии Кавальери в коробочки с печеньем, что повышало их спрос.

Осенью 1909 года журналисты популярной «Петербургской газеты» изучили структуру продаж фотографий — карточек, открыток и гравюр. Опрашивались владельцы магазинов, фотоателье. Целью анализа было определить, кто в глазах петербуржцев был героем или героиней тогдашнего времени, что должно было раскрыть особенности вкусов, предпочтений публики. Места распределились следующим образом: первое место — изображения Лины Кавальери, второе — виды Невского проспекта и на третьем оказались портреты Льва Толстого.

Таким образом Лина стала первой в истории признанной фотомodelью, которой поклонялись миллионы. Феномен Кавальери — реальный успех, полученный благодаря личному труду, а не знатному происхождению. В те годы для женщины это было из области

Открытка. Лина Кавальери в знаменитом жемчужном ожерелье

Приложение

фантастики, настоящей сенсацией. Художники посвящали ей картины, поэты — стихи.

О личной жизни Лины Кавальери ходили разные слухи. Многочисленные поклонники мечтали стать её «благодетелями». Вскоре заговорили о романе Кавальери с русским князем, представителем высшего света.

Князь влюбился в неё с первого взгляда. Увидев на балу Кавальери, он был настолько потрясён её красотой, что едва не упал в обморок.

Семья князя приложила все усилия, чтобы положить конец бурному роману, который чуть было не завершился браком. В конце концов князь был вынужден жениться на другой женщине и из высшего света.

Лина несколько раз выходила замуж. С последним мужем, вино-торговцем Джованни Кампари, она прожила до конца своих дней.

Оперную карьеру Кавальери прервала в 1914 году Первая мировая война. Публика потеряла интерес к искусству. Миллионы людей ушли на войну, сводки с которой стали важнее светских новостей. Кавальери стала сестрой милосердия в госпитале.

В 20–30 годах XX века Кавальери совсем перестала выступать. Она стала писать книги по косметологии. «Наставления Лины Кавальери», как сохранить женскую красоту и молодость, были бестселлерами. А в Париже она открыла Институт красоты.

Кавальери погибла 8 февраля 1944 года. По одной из легенд, во время бомбёжки Лина вернулась в дом, чтобы забрать свои украшения. Бомба попала в здание, и его обломки похоронили «первую супермодель мира».

Эта открыточная дива оставила яркий след в истории — более 500 видов фотографий.

6. Гламурные деньги с портретами «королевы бриллиантов» и «царицы жемчуга»

Что такое гламур? Это роскошь, красота, а главное — состояние души! Каролина Отеро и Лина Кавальери соответствовали этому понятию в полной мере. Их богатство было прежде всего в редкой красоте. Также их отличали романтизм, сила характера, поразительная жизненная сила.

«Богатство к богатству», решил неизвестный автор шедевральных денег и поместил двух «королев» на изображение русских кредитных билетов образца 90-х годов XIX в.

Так денежные билеты стали достойным фоном для двух гламурных дам. Ведь банкноты были эквивалентом золота, причём впервые российские бумажные деньги разменивались на этот благородный металл.

До этого бумажные деньги, первыми из которых были ассигнации, как правило, являлись неустойчивой валютой. Для России из-за хронического дефицита бюджета и использования эмиссии денег для его покрытия была характерна инфляция.

Приложение

Открытка. Государственный банк, Санкт-Петербург

В XIX веке денежная система сдерживала развитие внутренних и внешних экономических связей. Например, любой банк, предоставляя кредит, понимал, что его сумма будет подвержена «коррозии» от инфляции — реальный возврат средств уменьшался за счёт обесценивания рубля. Европейские денежные тузы были заинтересованы в инвестировании капитала в Россию, но слабая валюта их отпугивала. Словом, Прекрасная эпоха требовала новых прекрасных денег — золотых!

Вот почему 4 февраля 1895 года министр финансов Сергей Юльевич Витте в докладе императору Николаю II предложил ввести в России золотое обращение.

Но государству требовалось накопить большой золотой запас — в виде слитков и монет.

Для этого в России впервые сложилась благоприятная ситуация — подъём экономики, рост доходов бюджета за счёт налогов, увеличение золотодобычи, доступность внешних и внутренних займов.

В результате к 1897 году в хранилище Государственного банка образовался запас золота на сумму более чем 1 трлн рублей. Астрономическая сумма, ранее неведомая для России! Грифоны на Банковском мостике рядом с Главной конторой Госбанка, что на Екатерининском канале в Петербурге, оправдывали своё местонахождение. В мифах Древней Греции сокровища Зевса надёжно охраняли именно такие крылатые существа.

Указанная золотая наличность в Госбанке России почти полностью соответствовала сумме находившихся в обращении государственных кредитных билетов. Поэтому размен билетов на золото можно было смело вводить!

Реформа зафиксировала сложившийся уровень обесценивания рубля — почти на одну треть, а с тем, чтобы предотвратить дальнейшую инфляцию, в качестве монетной единицы и был введён золотой рубль.

29 августа 1897 года был принят Указ об эмиссионных операциях Государственного банка. Он получил право выпуска кредитных билетов, обеспеченных золотом. Любой желающий мог обменять кредитные билеты на золотые монеты. Указ сохранял и серебряные деньги, введённые реформой министра финансов графа Е. Ф. Канкрин в 1837–1841 годах, а также медные деньги. Но основой денежной системы становился золотой рубль.

Вот на такие кредитные билеты, номинированные в золоте и разменные на него, попали знаменитые «королевы».

Для этого был удачен стиль оформления тех кредитных билетов — эклектичный, что позволяло легко в них включить женские портреты. Следующие выпуски кредитных билетов начала XX века были исполнены уже в новом стиле модерн, где все элементы оформления были столь органично переплетены, что любое «вторжение» исключалось...

На открытках с изображением банкноты в 10 рублей появилась прекрасная Каролина Отеро. Десятирублёвка с Каролиной Отеро печаталась на тончайшей бумаге.

Последняя складывалась в несколько раз и помещалась в крохотный конвертик. В свою очередь, он был приклеен к почтовой открытке, на которой были напечатаны слова «Ценный» и «С вложением».

Даже маленький портрет передаёт энергетику артистки, состояние её души. В густых волосах красавицы можно увидеть белую розу.

Когда Каролина танцевала, она любила вплетать в волосы цветы. Если танец был в ресторане, цветы могли быть взяты прямо из какой-нибудь вазы на столе.

На портрете можно разглядеть ювелирные украшения — кольцо и серьги, по-видимому, от Карла Фаберже или от Болина. Каролина очень любила бриллианты. Поэтому она, как и многие другие европейские звёзды, с удовольствием приезжала в Россию. Страна находилась на подъёме, публика в театрах была при капиталах и с восторгом и восхищением делала бенефисные подношения — роскошные бриллианты.

А может быть, это были подарки на день рождения Каролины. Ведь банкнота была выпущена 1898 году. Именно в этот год, 4 ноября, Каролине исполнилось 30 лет, и она пригласила своих королевских друзей в знаменитый парижский ресторан «Максим» отметить это событие. И гостями были князь Монако Альберт, король Бельгии Леопольд II, принц Уэльский, будущий Эдуард VII, кайзер Вильгельм II, и, согласно некоторым хроникёрам, юный Альфонс XII, король Испании (Кармен Посадас. Прекрасная Отеро / пер. с исп. Н.А. Огиенко. М.: АСТ: Транзиткнига, 2006. С. 197). Вот таких высот к 1898 году достигла Каролина Отеро — дама, изображённая на шедевральной банкноте в 10 рублей.

С годами страсть Каролины к «радости богов» уступила место страсти к азартной игре. Отеро проиграла почти все драгоценности в рулетку. Так что те кольцо и серьги, которые мы видим на портрете Каролины Отеро, по всей вероятности, стали добычей казино Монте-Карло. Как подсчитали биографы Отеро, за период с 1895-го по 1948 год она проиграла сумму, равную 40 млн долларов США по тогдашнему курсу.

В книге «Прекрасная Отеро» приведён перечень проигрышей Каролины: «Со временем в сточную канаву рулетки помимо целого состояния наличными попали все драгоценности, полученные от поклонников: кольцо Марии Антуанетты и другое, принадлежавшее Евгении де Монтихо; ожерелье Леониды де Бланк; нить чёрного жемчуга весом два килограмма, подарок восточного принца, диадема с тридцатью бриллиантами в три ряда, чайный сервиз из чистого золота, подаренный царём Николаем; туда же ушли другие ценные вещи — четыре кольца из двух бриллиантовых нитей, восемь руби-

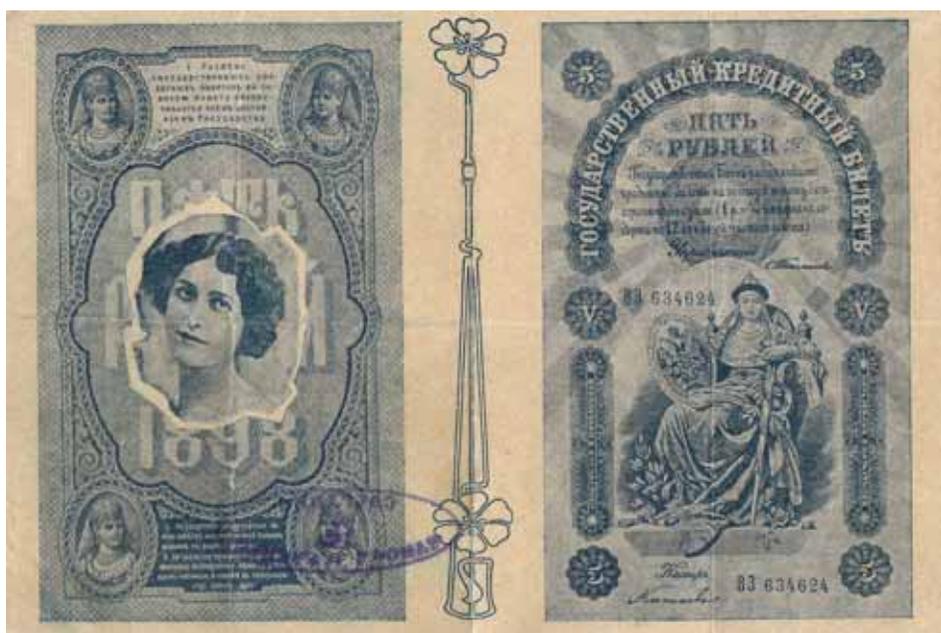
Приложение

новых браслетов, несколько сапфиров и бриллиантов, десять рубиновых кабошонов по пятьдесят карат, несколько солитеров и прочие менее значительные украшения, которые она продала за бесценок. К этому нужно прибавить некоторое движимое и недвижимое имущество: дом в Остенде, подарок короля Бельгии Леопольда; другой дом — на Чёрном море, знак внимания царя Николая II; третий — в Триэле на Сене; яхта, подаренная Вильямом Вандербильтом; маленький отель в Париже и два дома на Лазурном Берегу, а ещё остров, полученный в дар от японского императора. Та же участь ожидала и двести сорок бриллиантов знаменитого болеро, из которого Картье изготовил Каролине кольцо и лиф: она продала его камень за камень, оставив себе на память лишь крошечный бриллиантик» (Кармен Посадас. Прекрасная Отеро. С. 153).

Когда звезда полностью промотала всё состояние, казино содержало её, выплачивая скромное пособие... Хотя существует несколько иных версий тайных отправителей денег...

Получатель такого конвертика, по-видимому, должен был в Новом году оказывать знаки внимания близкому человеку: чаще дарить цветы, предоставлять другие маленькие радости жизни.

Открытка. Гламурные деньги со вставкой портрета Лины Кавальери

Приложение

Такой же портрет Каролины Отеро был на изображении купюры достоинством 50 рублей образца 1898 года.

На шедевральных купюрах достоинством 3, 100 и 500 рублей можно увидеть множество разных портретов Лины Кавальери.

На купюре в 500 рублей актриса украшена тремя длинными нитками жемчуга. Известно, что это были жемчужные ожерелья с бриллиантовыми вставками и подвесками. Судя по многочисленным фотографиям, данное украшение было для Лины любимым. Она носила его много лет.

Если Каролина Отеро проиграла все свои драгоценности в казино, то Лина их берегла как память о людях, которые её любили. Как уже рассказывалось, легенда гласит, что погибла она из-за драгоценностей, вернувшись в дом за шкатулкой. Так что, возможно, три знаменитых нитки жемчуга, которые мы видим, — случайная причина её гибели.

7. Облигация с азартом и интересом

Если «гламурные деньги» были созданы на основе современных для того времени банкнот, то по «женским облигациям» существовала интрига. Портрет танцующей Лины «приземлился» на облигацию довольно старую — 1866 года, хотя на дворе был 1898 год. Может быть, это ошибка?

Эта облигация появилась на рубеже старой николаевской и новой финансовой кредитной систем Александра II. А подробнее её история выглядела так...

Финансово-кредитная и денежная системы, созданные при Николае I, очень походили на знаменитую железную дорогу Петербург — Москва. Эта дорога, в проектировании которой принимал участие сам император, была абсолютно прямой, без каких-либо изгибов. Она была государственной, т. е. казённой. В сфере зарождавшегося железнодорожного транспорта частная инициатива тогда была запрещена, исключалась возможность создания акционерных обществ, хотя об этом банкиры и инвесторы во главе с известным финансистом Штиглицем очень просили царя.

Таковой же была кредитная система и организация рынка капиталов. Все банки были казёнными, привлекали деньги от населения

Открытка. Гламурная облигация в 100 рублей со вставкой портрета Лины Кавальери

Приложение

во вклады под одинаковый невысокий процент, извлекая «пользу» от монополии на вклады.

А привлечённые ресурсы государство заимствовало из банков на финансирование собственных нужд. Часть средств использовалась для кредитования дворян, причём вклады были на короткие сроки, а брало государство деньги на длительные. Нарушалось «золотое правило» банковской деятельности — сбалансированность активов и пассивов по их срокам. Это было чревато проблемами, таило в себе угрозу банкротства. Однако государство не очень-то заботилось о возврате средств. Многие поместья дворян были заложены и перезаложены в банках. «В долгах как в шелках» — говорили в то время.

Словом, столь упрощённая организация казённой кредитной системы привела к плачевному результату. Государство так глубоко запустило руку в карман своих же банков, что, когда люди в связи с Крымской войной, кризисом экономики середины XIX века пожелали изъять деньги, их там в требуемом объёме не оказалось.

Положение особенно усугубилось, когда император Александр II объявил о начале преобразований, получивших название Великие реформы. Они были нацелены на создание многоукладной экономики на основе развития прежде всего частной, а не государственной собственности.

Впервые предприниматели получили возможность создания частного бизнеса в разных отраслях. Это потребовало денежных средств для инвестиций в их бизнес. Первоначальным источником финансирования стали вклады в банках, которые «обналичивались». Отлив денег из банковской системы был огромен. Банки не сумели удовлетворить вкладчиков и по существу превратились в банкротов. Не могло быть и речи о выдаче кредитов предпринимателям на организацию и развитие бизнеса, что ставило под сомнение возможность реформ.

Выход был найден — создание многозвенной, многоукладной кредитной системы во главе с новым Госбанком. Впервые в России создавались акционерные частные коммерческие банки, кредитная кооперация, ипотечная система. Все новые кредитные учреждения работали на рыночных принципах с соблюдением правил по своей ликвидности и требований кредитоспособности заёмщиков.

Заметим, что при Александре II стали строиться наряду с казёнными, также частные железные дороги — в форме акционерных обществ.

В царствование Николая I кризисные явления были на фондовом, точнее, долговом рынке. Он был монополизирован государством через облигации, которые были малоинтересны публике — низкий процент, неинтересны и другие условия.

Перед государством Александра II стояла сложная задача — собрать на длительные сроки свободные капиталы для их использования на цели Великих реформ. Публика и здесь, как и со вкладами в казённых банках, была сильно разочарована. Чем её можно было заинтересовать?

Финансисты должны были придумать новый инструмент, в разы более привлекательный для инвесторов, чем было ранее. И решение было найдено — абсолютно креативное и нетипичное для финансов России, через соединение займа и принципов азартной игры.

В России многие играли в азартные игры, в основном в карты. Они печатались на государственных фабриках, и доход от их продажи направлялся на благотворительные цели — содержание богоугодных заведений.

Интересная деталь: на обложке первых карт в XVIII веке был нарисован пеликан, кормящий своих птенцов. Впоследствии это изображение стало символом первых сберкасс при Николае I.

В карты играли представители всех сословий, обладатели самого разного уровня состояний. В. И. Даль привёл в Толковом словаре очень выразительную характеристику данного явления: «Азарт — задор, вспыл, вспых, горячность, запальчивость. Азартные картёжные игры, случайные, роковые, противопологаются коммерческим, потешным, расчётливым, зависящим более от умения». *В.И. Даль. Толковый словарь. Т. 1. С. 7.*

Никакие указы правительства и полицейские меры не могли остановить карточные игры в России как в XIX веке, так и начале XX века. Об этом свидетельствуют нижеприводимые публикации в газетах того времени.

Русское слово, 09.06.1908.

Вятка, 26 мая. *«Губернатор получил письма от многосемейной дамы с ходатайством о воспрещении азартных игр в общественном собрании. Муж просительницы в один вечер проиграл там како-*

Приложение

му-то приежжему более тысячи рублей. Азартные игры в клубе иногда продолжались более суток».

Русское слово, 18.03.1903.

Тирасполь. 4 марта. «В связи с небывалым развитием азартной карточной игры, превратившейся в общественное бедствие, исправник предложил советам старшин клубов, под угрозой личной ответственности, упразднить азартные игры и строго следить за взиманием штрафов за позднее пребывание в клубах».

Так что в 60-е годы XIX века идея финансистов о совмещении займа и принципов азартной игры, сочетавших риск потерь и прибыль, упала на подготовленную почву.

В 1864 году состоялся выпуск билетов Государственного банка 5-процентными выигрышами. Как видно из названия, эмитентом облигаций был Госбанк, который возглавил барон Александр Штиглиц — меценат и промышленник, прозванный «русским Ротшильдом». Его подпись можно увидеть на облигации.

Фамилия Штиглица была хорошо известна в деловом мире России и крупнейших европейских стран. Фирма «Штиглиц и компания» получала миллионные прибыли на посредничестве между Россией и Западом в сфере привлечения заёмных средств для российского бизнеса, нужд правительства, в том числе для финансирования строительства железных дорог.

Значительную часть средств огромного личного состояния, которое оценивалось в 50 млн рублей, Штиглиц направил на создание училища технического рисования, которое было основано в 1876 году в Петербурге и названо в его честь.

По условиям займа, купив облигацию номиналом в 100 рублей, можно было в первом же розыгрыше выиграть 200 тыс. рублей. Более того, счастливицу выплачивалась эта сумма, а сам билет не отбирался. Он мог продолжать участвовать в новых розыгрышах. Билет гасился в рамках отдельных тиражей погашения.

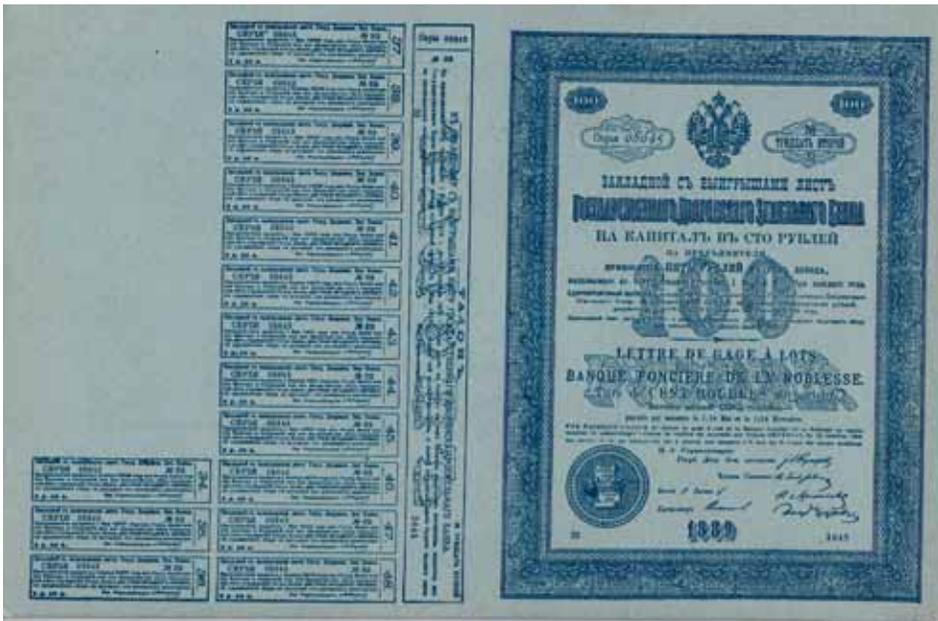
Но это была только часть «приманки» для инвестора. Кроме этого, по облигации регулярно платился доход в виде 5 % годовых в течение всего срока её обращения.

Сначала публика мало распробовала новый инвестиционный продукт. Котировки билетов были ниже номинала.

Фото облигации выигрышного займа в 100 руб. 1864 года

Приложение

Открытка. Облигация Дворянского земельного банка

Но уже через несколько месяцев сформировался ажиотажный спрос. Для его удовлетворения правительство дало добро на второй аналогичный заём.

А через 25 лет — в 1889 году, — когда правительство перестраивало ипотечную систему и потребовались долгосрочные средства на эту цель, оно вновь обратилось к технологии выигрышных займов. Это были закладные с выигрышами Государственного банка для дворянства — третий по счёту выигрышный заём.

Вот про эти три займа А. П. Чехов писал в ранее указанном письме И. А. Бунину, невольно свидетельствуя о том, что займы были столь популярны.

И действительно, про них знали граждане самого разного социального статуса! Билеты покупали рабочие и доктора, сельские учителя и мелкие торговцы овощами, бедная вдова с тремя детьми и портниха, вахтёр женского института. Их дарили на юбилеи как ценный подарок, например, рабочему! Этому были посвящены публикации в газетах.

Московский листок, 19.12.1904.

Московская жизнь.

«40-летний юбилей».

Вчера на заводе Густава Листа состоялось скромное торжество, чествовали рабочего завода токаря Д.Н. Мельникова, прослужившего на заводе сорок лет. После молебствия юбиляру поднесли икону от Бутырского завода, икону от рабочих Софийского завода; от служащих последнего завода Мельников получил дорогой самовар с чайным прибором. Правление поднесло юбиляру выигрышный билет. Было сказано несколько речей».

Страсти буквально выплёскиваются из публикаций на читателя! Кто же были счастливые обладатели «заветных» номеров?

Русское слово, 31.(18)01.1906.

Телеграммы.

«Рязань, 17 января. Здешняя портниха Земцова в тираже 2 января на билет первого с выигрышами займа выиграла двести тысяч».

Новости дня, 20.05.1903.

По России.

«Выигрыш в 200 000 руб.»

Главный выигрыш в 200 тыс. рублей последнего тиража Дворянского банка, как известно, вновь пал на Одессу. Обладательницей этого счастливого билета на этот раз оказалась женщина — бедная вдова с тремя детьми Тауба Питерман, урождённая г. Гинцберг».

Последние известия, 13.07.1908.

Петербургские вести.

«Выигрыш в 75000 руб. в последний майский тираж дворянского займа, послов. Пет. Г., пал на билет, принадлежащему вахтёру Еленинского женского института в СПб. Антону Ивановичу Гат».

Новости о том, что кто-то выиграл 200 000 рублей как молния распространялись в российском обществе, горячо обсуждались среди друзей и знакомых, в семьях. Каждый думал: «Мне бы такое везение». Строились планы, как и на что истратить деньги. Это было настолько типичной картиной, что в литературе появились сочинения на данную тему.

Антон Павлович Чехов написал рассказ «Выигрышный билет». (Собр. соч.: в 12 т., 1887. Т. 6), характеризующий не очень симпатично одного мужа, которому показалось, что он выиграл крупную сумму денег, и эгоистично хотел было распорядиться выигрышем,

Приложение

не поделившись с женой. Свой взгляд на расходование средств было и у супруги. Надвигалась семейная сцена... Делиться надо! — актуальный вывод из рассказа, как всегда, очень по-чеховски мудро. Впрочем оказалось, что серия номера всё-таки не совпала. Это была шкура убитого медведя.

А в жизни — смотрите. Из нижеприводимой публикации видно, каким образом поступил другой человек.

Московский листок, 13.06.1907.

«Выигрыш в 200 000 рублей.

Нам сообщают, что выигрыш в 200 000 рублей 1 мая пал на билет дворянского займа, принадлежащий москвичу Дмитрию Веденеевичу Веденееву. Он много лет торговал в овощной лавочке в его доме, по Божедомке, близ Мариинской больницы, и всегда отличался сердечным отношением к бедным соседям. Билет, на который пал выигрыш, был приобретён несколько лет тому назад. В его семействе находятся жена и двое взрослых детей, которые помогали отцу в торговле.

По случаю выигрыша г. Веденеев пожелал отделать на свой счёт один из московских храмов, в приходе которого он много лет жил. Он так чтит эту церковь, что, когда в прошлом году её обокрали, он из своих скудных средств пожертвовал».

Словом, чтобы выигрыш распределить, нужен ум и опыт. И ни в коем случае нельзя торопиться.

Русское слово, 11.04.1908.

Собственные телеграммы.

«Выигрыш 200 000 р.

Одесса, 28 марта. Двухсоттысячный выигрыш январского тиража пал на билет, принадлежащий сельскому учителю Одесского уезда Савченко, три месяца державшего в секрете выигрыш и только теперь предъявившего билет для получения денег».

А вообще с этими выигрышными билетами было столько криминальных историй! Чуть что — они сразу попадали в газеты. То мошенничества по подделке билетов, то кого-то ограбили в квартире, то кража на ипподроме во время скачек.

Русское слово, 11.08. 1908.

Варшава. 28. V.11.

«Сыскной полицией обнаружена шайка, скупавшая вышедшие в тираж билеты выигрышных займов, подделавшая за границей но-

мера и сери и сбывавшая билеты по биржевому курсу. По задержании сбытчик ранил в руку начальника сыскного отделения».

Новое время, 12.02.1908.

Хроника. Происшествия.

«29 января в 7 ч. утра на окраине города, в районе Петергофского уч., в квартиру рабочего Павла Стрелкова в д. 6 по Новому пер. ворвались пять человек в масках, вооружённых револьверами и ножами, похитили 3 выигрышных билета, 2 шубы и скрылись».

Новое время, 16.03.1908.

Происшествия.

«2 марта на бегах на Семеновском плацу у доктора Крижицкого из внутреннего кармана сюртука похищен бумажник с процентными бумагами и выигрышным билетом на сумму 12 тыс. рублей».

«Эксперты» зарабатывали на предсказаниях удачи. В газете публикуется реклама с предложением купить «верную» книгу с научным математическим обоснованием «правильных» номеров выигрыша.

Московские ведомости, 18 января 1907.

Телеграммы.

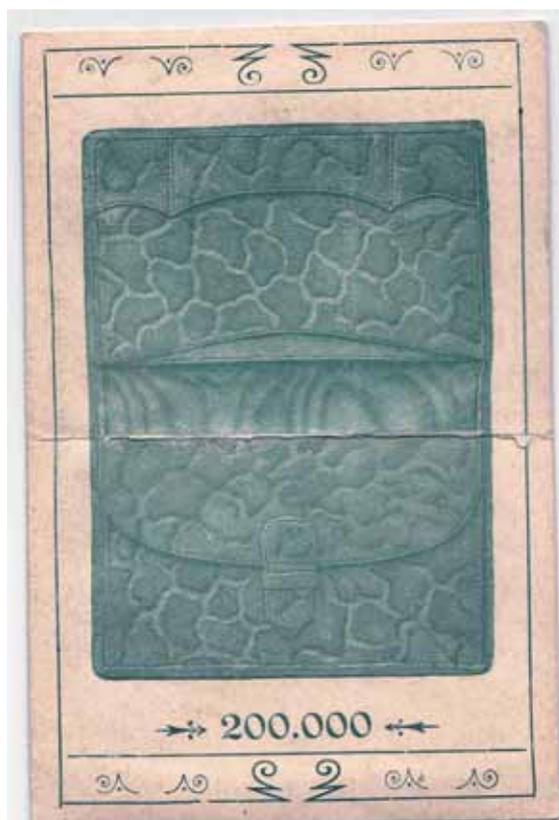
«Я ВЫДАМ за каждую купленную теперь популярно-научную книгу, доказывающую счастливые № № выигрышных билетов 1-го, 2-го и 3-го займов, ЕСЛИ МОИ ПРЕДСКАЗАНИЯ НЕ ИСПОЛНЯЮТСЯ в 1907, 8 или в 1909 году. Цена книги 1 руб., с пересылкой 1 руб. 30 коп. (можно марками). СПб., Английский пр., 34, кв. 9. Красильников. 2 января сего года на доказан. № № пало 239 выигрышей на сумму 295,5 тыс. рублей».

Покупатели облигаций играли с долгосрочной перспективой, с ожиданием позитивного исхода. Ведь число билетов постоянно сокращалось из-за их погашения, следовательно, возможность выигрыша на оставшиеся росла.

Увы! Фортуна редко улыбалась игрокам. Как правило, их ожидали прямые потери. Если человек покупал облигацию по рыночному курсу в 1200 рублей, а через какое-то время получал всего лишь 100 рублей при её погашении по номиналу в результате тиража, то его убыток составлял 1100 рублей!

Словом, прав В. И. Даль, который говорил, что где азарт — там «задор, вспых, горячность, запальчивость». Поэтому ряд экономистов возражали против самой идеи выигрышных займов. Считали, что это развивает страсть населения к игре.

Приложение

Открытка. Портмоне для выигрыша в 200 тыс. рублей

Фото серебряных кошельков с гравировкой выигрышных облигаций

К этому ещё следует добавить, что государству такие займы влетали в копеечку. Ведь оно выплачивало выигрыши плюс ссудный процент.

Выигрышные займы не могли стать основным долговым инструментом для государства, хотя свою роль они выполнили. Инвесторы вернулись с «холода» на рынок капитала, принесли свои накопления. А им уже можно было предложить «более коммерческие», «расчётливые» займы без «вспылохов» и «горячности». И этими новыми займами стали облигации срочные и бессрочные, золотые и денежные, рублёвые и в валютах...

Впрочем выигрышные займы ещё долго будоражили публику — вплоть до 1917 года.

Так что господам, имеющим склонность к азарту, риску, дамы сердца могли послать почтовую открытку с портретом «царицы жемчуга» Лины Кавальери на фоне билета внутреннего 5-процентного выигрышного займа на капитал в сто рублей.

Кому-то посылали открытку с изображением на ней портмоне и цифрами 200 000.

Полная визуализация пожелания выигрыша в займы — дальше можно было не объяснять!

А кто-то решил свою мечту, а может быть, уже реальность, воплотить в серебре 84-й пробы. Изящная серебряная коробочка — дамский кошелёчек, а сверху на крышке миниатюрная гравировка билета внутреннего 5-процентного выигрышного займа на капитал в сто рублей. Доставая её из ридикюля, дама могла каждый раз получать положительные эмоции...

«Желаю в Новом году сойтись с хорошенькой женщиной и выиграть 200 тысяч по всем трём займам!» — чеховское пожелание в самом деле было очень и очень приятно.

8. Рента и женская красота как вечные ценности. «Серийная» актриса

После выигрышных займов 1864-го и 1866 годов правительство выпустило обычные, «без всполохов» займы: золотые и денежные, рублёвые и валютные, целевые железнодорожные и займы на обще-

Приложение

бюджетные цели. Все они были рыночными и имели определённую специфику, достоинства и недостатки. Типов займов было много, проценты по ним уплачивались разные, сроки погашения были с позиции Министерства финансов недостаточно хороши, например, всего лишь 70 лет...

А главное, правительству всё время следовало помнить: «Долг платежом красен!» Иными словами, нужно было заботиться о возврате средств по мере наступления сроков окончания займов. Вот бы обойтись без этого! И выход был найден... в виде новых облигаций — государственной ренты. Её полное наименование было следующим: «Свидетельство на государственную ренту в 40 рублей годового дохода на капитал в тысячу рублей». Это была серьёзная ценная бумага, запущенная в оборот самим С. Ю. Витте — великим магом и волшебником в области финансов.

Название «государственная renta» ласкало слух обладателя денежного капитала. Оно напрямую ассоциировалось с понятием «рантье» — мечтой инвестора. Как в сказке: лежать на печи, ничего не делать, печка сама поит, кормит и ездить умеет. В роли печки — само государство!

Ведь renta — это доход, получаемый владельцем капитала (земли, имущества), не требующий от владельца предпринимательской деятельности, затраты дополнительных усилий от предоставления капитала (от сдачи земли или помещений в аренду).

Русская renta была столь выдающимся изобретением, что неизвестный автор шедевральных ценных бумаг уделил ей особое внимание.

Были выпущены открытки с изображением свидетельства ренты и Каролины Отеро, и Лины Кавальери. Солидные господа могли получить по почте открытку с конвертиком, в который была вложена уменьшенная копия облигации. По-видимому, отправительница подобной почтовой открытки на что-то намекала. Был ли это намёк на желание постоянства отношений или чего-то другого?

Рентная облигация не имела срока погашения, т.е. была «вечной». И данное явление было сопоставимо с понятием «женская красота». Во все времена женская красота — непроходящий элемент. На протяжении столетий художники, скульпторы отражали в искусстве эволюцию красоты.

Приложение

Открытка. Гламурная облигация государственной ренты со вставкой портрета Лины Кавальери

Об этом подробно говорилось в фундаментальном труде «Женская красота с древних времён до наших дней», иллюстрированной художественно-исторической монографией, изданной в Санкт-Петербурге в 1902 году. В этой книге отмечалось, что Рубенс даже написал целый трактат в форме афоризмов «Теория человеческого тела» о том, как художнику следует писать женщину. Главный критерий: изображение женщины должно отличаться от мужчины: «Она должна быть круглая, нежная и гибкая и представлять совершенный контраст с мужеством и силой мужской фигуры» (с. 46).

Популярность ренты была огромной. Все хотели «прикоснуться к вечности», стать вечным пожизненным рантье. К концу XX века С. Ю. Витте путём так называемой конверсии и консолидации провёл реформу государственного долга.

Необходимость конверсии была связана с возможностью удешевления для государства стоимости займов. В конце XIX века экономика России поднималась, росли её рейтинги как заёмщика, долгосрочные капиталы в Европе благодаря мирному периоду развития во время Прекрасной эпохи изобиливали.

Поэтому многие держатели облигаций ожидали существенного снижения государством процентных ставок по государственному кредиту. И они добровольно обменяли свои облигации с высокими процентами (кроме выигрышных) на предложенные правительством новые облигации с 4%. Эта операция правительства получила название «конверсия займов». А так как она проходила путём обмена на государственную ренту, которая не имела срока погашения, то это одновременно означало консолидацию государственного долга. Срочный долг стал бессрочным, что и означало его консолидацию. Государство объявило своё право по мере необходимости скупать свидетельства ренты на бирже, если котировки падали и государству было выгодно выкупать собственные долги с дисконтом.

Таким образом вместо разных займов был организован процесс их унификации в виде ренты. Словом, рента активно внедрялась в оборот, замещая другие облигации, причём делалось это на добровольной основе.

Скоро рента стала самой популярной, раскрученной бумагой. Государство: а) понизив процент, сэкономило деньги на их уплату;

Приложение

Фото облигации государственной ренты в 25 тыс. рублей

б) отодвинуло погашение срочных займов на «бессрочный» срок;
в) унифицировало госдолг, уменьшив операционные расходы на его обслуживание.

Министерство финансов во главе с С. Ю. Витте максимально и очень профессионально воспользовалось благоприятным состоянием рынка капиталов во время Прекрасной эпохи. Рента в огромном объеме была размещена как на внутреннем рынке капиталов, так и на зарубежном. Французы, немцы, англичане с удовольствием покупали ренту.

Словом, шедевральное блюдо «рента» с Отеро и Кавальери вышло достойное. Но на этом женская «атака» на ценные бумаги не закончилась. Следующее блюдо — «серийная артистка» — было приготовлено вслед ренте!

Почему артистка «серийная»? Можно подумать, что это как-то связано с кино. Звезда кино снимается во многих сериях какой-либо мыльной мелодрамы? Нет, это не так. Тогда ещё не додумались до подобного массового продукта. Кинематограф был великим немым, а продолжительность фильмов исчислялась несколькими минутами.

Открытка. Гламурный казначейский билет в 50 руб. со вставкой портрета Лины Кавальери

Речь шла о разновидности государственных ценных бумаг — знаменитых казначейских билетах, выпуск которых совершался в определённом количестве в рамках некой серии номера. Отсюда эти ценные бумаги вошли в экономический деловой оборот под названием «серии». Это были своего рода казначейские векселя — средство покрытия кассовых разрывов между доходами и расходами государственного бюджета в течение года.

Правда, при хроническом дефиците бюджета, который выходил за рамки бюджетного года, эти серии стали выпускаться на сроки более года, приблизившись по значению к облигациям долгосрочных займов. Казначейские билеты — это государственное обязательство выплачивать его владельцу установленные доходы периодически в течение всего срока, на который был выпущен билет.

На таких сериях и появилась симпатичная Лина Кавальери.

Так что в начале XX века почтовые открытки, авторские послания с намёками, печатались в виде уменьшенных копий ценных бумаг — на 50-рублёвых билетах Государственного казначейства.

9. Вексель с поцелуями

Что может быть общего между серьёзным коммерческим и кредитным документом — векселем — и столь романтической вещью, как поцелуй? Тем не менее оно было — в обещании поступка.

Вексель как разновидность ценной бумаги — это обещание векселедателя заплатить определённую сумму в назначенный срок и в указанном месте. Понятно, что в обычной жизни вексельная сумма указывается в деньгах.

В нашем же случае вексель, изготовленный в форме почтовой открытки, имел особый номинал и потому был единственным в мире.

Такую открытку было особенно приятно отправить по почте как послание с неким обещанием поступка. На вексельной бумаге для личных долговых обязательств можно было прочитать «номинал векселя» — 1000 поцелуев: по 3 в день. Его было достаточно подписать и отправить респонденту.

Открытка. Гламурный вексель на 1000 поцелуев

На изображении вексельной бумаги можно было увидеть портрет прекрасной векселедательницы, т. е. самой должника. А кто же он счастливчик бенефициар?

В. И. Даль в своём знаменитом словаре определял старинное выражение «векселеваться», как «верить друг другу». Так что вексель на 1000 поцелуев свидетельствовал также о полном доверии отправительницы к своему избранному. И если «обычный» вексель можно было передать другому лицу, оформив передаточную надпись — индоссамент, то в случае с нашим векселем, по-видимому, индоссамент не предусматривался!

Вексельный оборот, банковский учёт векселей, т. е. покупка векселей с дисконтом, развивалась в первой половине XIX века при системе казённых банков. Но особенно активное развитие данные операции получили с 60-х годов XIX века в годы Великих реформ в связи с оживлением торговли и деятельности только что созданных в промышленности, торговле, транспорте, в банковской сфере акционерных обществ.

Приложение

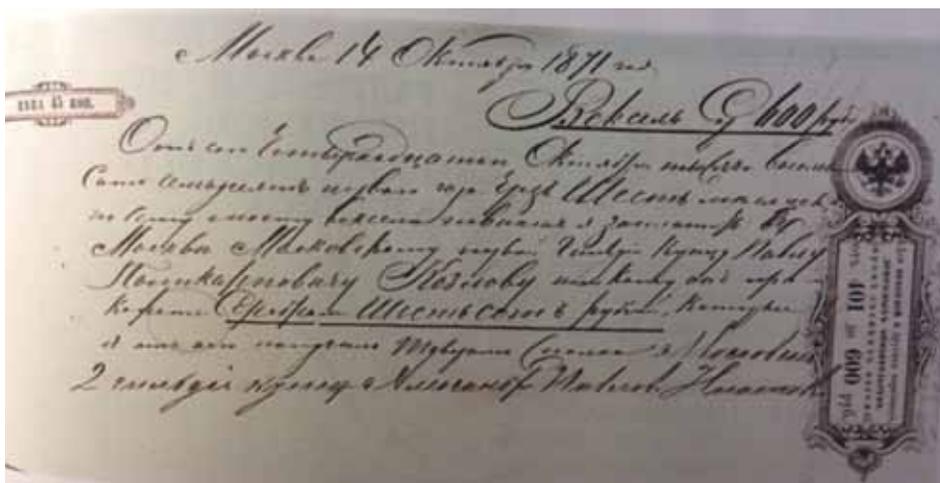

Фото векселя 1871 года

Векселя активно переучитывались банкирами за рубежом, что позволяло привлекать зарубежное финансирование товарных операций.

В 1903 году в России было принято новое вексельное законодательство. Вышел новый Устав о векселях — результат 50-летнего совместного труда юридических сил — официальных и частных, российских и иностранных, выдающихся представителей торгового и делового мира. Прежний устав 1832 года имел недостатки, и ещё Николай I распорядился разработать новый, что и было сделано.

Благодаря новому закону предприниматели в деловом обороте стали ещё более активно использовать векселя. Они были столь популярны, что разнообразные вексельные истории публиковались в газетах тех лет на регулярной основе. Подчас это были совсем исключительные происшествия...

Так, однажды вексель стал причиной крушения свадьбы и скандала с неоплаченными цветами для невесты.

Брачная газета, 15.03.1908.

Хроника.

«В Варшаве много толков возбуждает случай, имевший место на прошлой неделе. В одном из варшавских костёлов должно было состояться бракосочетание дочери богатого варшавского промыш-

ленника Г. Бракосочетание не состоялось, так как жених отказался венчаться, не желая получить вместо приданого в наличных деньгах векселя на соответствующую сумму. Эпизод этого недоразумения разыгрался в суде. Жених отказался заплатить 500 руб. цветочному магазину за цветы, которые получала ежедневно его невеста, доказывая, что так как она расписывалась в получении цветов, то должна и платить за них, но против этого протестует отец невесты, почему цветочный магазин привлёк к суду их обоих — и отца, и жениха».

А вот в другой истории дама не растерялась и заставила своего кавалера выдать вексель не «на 1000 поцелуев», а на реальные 100 рублей.

Русское слово, 20.03.1908.

Дневник происшествий.

Вымогательство.

«Проживающий в д. Российского общества, в Богословском пер., П. Г. Завьялов заявил, что сожительница его Ш. под угрозой смерти заставила его выдать ей вексель на 100 рублей».

А вот одному человеку присвоение векселя оказалось мало, он ещё и овец взял в придачу.

Русское слово, 22.11.1907.

Собственные телеграммы.

«В деревне. Симферополь, 8. XI. В деревне Кульчук сын землевладельца Ильницкого, похитив у отца вещей и вексель на сумму свыше 1500 рублей, пытался угнать и овец. Отец стрелял в сына. Последний ответил выстрелом и ранил мать».

Векселя воровали. Их подделывали.

Московский листок, 19.07.1904.

Московская жизнь.

«Найденные векселя. Вчера у нас сообщалось о краже саквояжа с векселями и разными документами на сумму 80 000 руб. на станции «Москва» Казанской железной дороги у башкира Фезулина. Сегодня саквояж найден в Ольховцах и доставлен в участок Басманной части. При осмотре все документы и векселя оказались в целости».

Новости дня, 24.04.1903.

«Городские происшествия. В настоящее время точно выяснено, что скрывшийся из Москвы 12 марта текущего года Роберт

Приложение

Леопольдович Шлезингер получил по подложным векселям более 200 000 рублей. Он обвиняется в получении этой суммы мошенническим путём по подложным векселям».

Газеты писали, что фальшивые векселя поступали от имени рижских фирм: где-то работала тайная «вексельная» фабрика.

Русское слово, 11.08.1908.

«В Прибалтийском крае. Рига, 28.07. В торговом мире поднялся переполох по поводу обнаружения ряда подложных векселей нескольких крупных рижских фирм. Векселя пущены в обращение в банки и на биржу. Фабрика этих векселей ещё не обнаружена».

Понятно, что почтовые открытки с шутливым изображением векселя выглядят невинной позитивной шуткой, весёлой забавой на фоне приведённых историй...

10. Банкнота Счастливого банка

Что в старину означало само понятие «счастье»? Обратимся к Толковому словарю В. И. Даля — памятнику народной мудрости. Как же богат и многогранен русский язык в определении счастья! Ведь данная тема — главная в жизни каждого человека.

Счастье — это: «Случайность, желанная неожиданность, талант, удача, успех, спорина́ в деле, не по расчёту. Благоденствие, благополучие, земное блаженство, желанная насущная жизнь, без горя, смут, тревоги; покой и довольство; вообще, всё желанное, всё то, что покоит и доводит человека, по убеждениям, вкусам и привычкам его. Жить в счастии, во времени, благоденствовать» (В. И. Даль. Толковый словарь. Т. IV. С. 371).

«Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему» — этими словами Л. Н. Толстой начинает роман «Анна Каренина».

Мысль великого писателя с полным основанием можно отнести к судьбе государственных и акционерных коммерческих банков в России, которые к началу XX века успели пережить ряд острых кризисов. Все успешные банки — одинаковые, а несчастные — разные, причём отсутствие коммерческого успеха происходит из-за раз-

Открытка. Банкнота Счастливого банка в 100 добрых пожеланий

нообразных специфических обстоятельств, цепочки «роковых» случайностей.

Отсюда мечта человека о хорошем и, конечно, счастливом для него как вкладчика банке. Пускай от банка исходит аура добра вместо риска утраты вклада или заложенного имущества, обесценения рубля.

В XIX веке говорили: «Желай добра себе и другому!», «Здоровья желаю!», «Чего душа желала, то Бог и дал». В старину желать — это «счастливить кого-либо, осчастливить, делать счастливым, наделять счастьем, чем-либо желанным».

Почтовую открытку со словами «Сто добрых пожеланий» могли получить наши прадедушки или прабабушки в канун какого-либо праздника, например наступления Нового года.

На открытке шуточное модифицированное изображение государственного кредитного билета, выпускаемого в конце XIX века с номиналом в 100 рублей. Кроме портрета императрицы Екатерины II на изображении банкноты помещён текст: «Российский Счастливый банк. Сто добрых пожеланий. По востребованию разменивается добрыми пожеланиями. Управляющий — Успех. Счастье». На оборотной стороне открытки слова: «Всемирный почтовый союз. Россия. Открытое письмо».

Приложение

«Добрые пожелания банка» — означают стремление банка надеяться человека желанным — удачей и успехом, благополучием, всем тем, что «покоит и доводит». А в «банковской версии» пожеланий — это «жить во времени», когда функционирует надёжная банковская система, существуют привлекательные условия вкладов и кредитов, обращается стабильная национальная валюта. Счастье и успех — антипод краха банка, банковских кризисов.

В Прекрасную эпоху российская кредитная система состояла из многозвенной кредитной системы, которая была созданы благодаря Великим реформам Александра II. В неё вошли Госбанк, Государственный дворянский и Крестьянский поземельный банки, различные частные акционерные коммерческие банки, кредитные общества, общества взаимного кредита, кредитные кооперативы.

К началу XX века разнообразные банковские учреждения можно было увидеть в каждом городе. С архитектурной точки зрения их здания представляли определённый интерес. Поэтому до наших дней дошли самые разнообразные фотографии городских улиц и площадей с банковскими зданиями.

Авторы открытки «100 добрых пожеланий» придумали непотопляемый банк, так как он был идеальным, т. е. воображаемым — государственным Счастливым банком. И если он был эмитентом банкнот в «добрых пожеланиях», то и активы, и пассивы банка должны были выражаться в той же единице.

За основу банкноты «100 добрых пожеланий» был взят знаменитый кредитный билет образца 1898 года, на нём впервые появился портрет Екатерины II, указом которой впервые в России были выпущены бумажные деньги, а также были созданы первые российские банки.

Кто в связи с профессиональной деятельностью мог в полной мере оценить подобные стильные шутки — шедевральные деньги и ценные бумаги? Многочисленные представители предпринимательской и торговой России: биржевые маклеры, служащие банков, страховых обществ, разного рода акционерных предприятий и, конечно, их жёны и дамы сердца.

Вспомним, что возлюбленный знаменитой дамы с собачкой Анто́на Павловича Чехова работал в банке и вполне мог бы оценить всю прелесть и мягкий юмор подобных посланий. Ведь многим хотелось от российского Счастливого банка 100 добрых пожеланий.

Байки от...

Теперь эти «документы» стали раритетами. Открыточные гламурные деньги и ценные бумаги в шуточной форме отразили наступивший в России век акций, рент и облигаций, и что особенно интересно, впервые визуализировали представление о канонах женской красоты для массового респондента эпохи Серебряного века. Слова «Привет из Москвы» читаются как послание нам, жителям XXI столетия, из очень интересного времени, которое во многом созвучно дню сегодняшнему.

СОДЕРЖАНИЕ

Михаил Абдурахманович Эскиндаров Выпускник 1976 года	5
Игорь Семёнович Горбацевич Выпускник 1952 года	9
Томас Иванович Алибегов Выпускник 1958 года	13
Александр Степанович Маслов Выпускник 1958 года	20
Алла Георгиевна Грязнова Выпускница 1959 года	28
Виктор Владимирович Геращенко Выпускник 1960 года	34
Вячеслав Иванович Рыжков Выпускник 1961 года	46
Илья Константинович Ломакин Выпускник 1966 года	50
Дмитрий Львович Орлов Выпускник 1968 года	59
Сергей Иванович Злобин Выпускник 1969 года	63
Валерий Николаевич Сумароков Выпускник 1969 года	76
Белла Ильинична Златкис Выпускница 1970 года	81
Юрий Валентинович Пономарёв Выпускник 1970 года	85
Владислав Борисович Судаков Выпускник 1970 года	99
Михаил Кимович Беляев Выпускник 1972 года	104

Содержание

Алексей Алексеевич Дерябин Выпускник 1972 года	114
Алексей Васильевич Никонов Выпускник 1972 года	119
Игорь Георгиевич Суворов Выпускник 1972 года	128
Олег Михайлович Прексин Выпускник 1973 года	132
Константин Борисович Шор Выпускник 1973 года	143
Владимир Александрович Дмитриев Выпускник 1975 года	148
Сергей Петрович Лыков Выпускник 1975 года	153
Ольга Игоревна Блинкова Выпускница 1976 года	157
Ян Янович Мелкумов Выпускник 1977 года	160
Нина Яковлевна Баканова Выпускница 1978 года	173
Андрей Викторович Зверев Выпускник 1978 года	177
Дмитрий Владиславович Тулин Выпускник 1978 года	192
Евгений Леонидович Садовский Выпускник 1980 года	202
Борис Григорьевич Фёдоров Выпускник 1980 года	209
Юрий Васильевич Агапов Выпускник 1981 года	214
Виктор Валерьевич Ожогин Выпускник 1981 года	217

Содержание

Николай Алексеевич Доманов Выпускник 1982 года	227
Георгий Владимирович Гришин Выпускник 1985 года	230
Юрий Рамитович Исмагилов Выпускник 1985 года	243
Михаил Юрьевич Алексеев Выпускник 1986 года	248
Юрий Владимирович Трушин Выпускник спецфакультета Московского финансового института 1986 года	266
Андрей Андреевич Козлов Выпускник 1989 года	274
Михаил Дмитриевич Прохоров Выпускник 1989 года	281
Артём Семёнович Генкин Выпускник 1995 года	285
Георгий Гаврилович Матюхин Защищал в Московском финансовом институте докторскую диссертацию	289
Борис Васильевич Черкасский	295
Николай Иванович Кротов о встречах с Виктором Владимировичем Геращенко и другие истории про совзагранбанковцах	305
Банковские миниатюры	312
Приложение	317
Таранков Владимир Иванович Шутки Серебряного века: гламурные деньги и ценные бумаги	318

ЕСЛИ БЫ ПРИШЛОСЬ ВЫБИРАТЬ, ЧТО ПРЕПОДАВАТЬ
СТУДЕНТАМ-ЭКОНОМИСТАМ – МАТЕМАТИКУ ИЛИ ЭКОНОМИЧЕСКУЮ
ИСТОРИЮ, Я БЫ ВЫБРАЛ ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ИСТОРИЮ!

ЛАУРЕАТ НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ В ОБЛАСТИ ЭКОНОМИКИ (1988 ГОД),
ЭКОНОМИСТ-МАТЕМАТИК МОРИС АЛЛЕ.

АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЛЕТОПИСЬ»

УЧРЕЖДЕНА В АПРЕЛЕ 2006 Г.

Готовит и издает литературную серию «Экономическая летопись России», для сохранения новейшей экономической истории нашей страны, создаваемой нашими современниками, очевидцами и участниками которой мы являемся.

В основе книг нашей серии лежат воспоминания, документы, мемуары людей, благодаря которым развивалась экономическая история нашей страны, создавались новые отрасли, предприятия и компании.

ПОДГОТОВЛЕНО БОЛЕЕ 30 ТОМОВ,
ОБЩИМ ТИРАЖОМ ОКОЛО 100 ТЫС. ЭКЗ.

WWW.LETOPIS.RU

ПОРТАЛ НА КОТОРОМ МОЖНО НАЙТИ И
СКАЧАТЬ КНИГИ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ НАШИМ
ИЗДАТЕЛЬСТВОМ;

НА НЕМ ВЫ НАЙДЕТЕ БОЛЬШОЕ КОЛИЧЕСТВО
УНИКАЛЬНЫХ ФОТОГРАФИЙ, ПОСВЯЩЕННЫХ
ЭКОНОМИСТКОЙ ИСТОРИИ;

ПОЗНАКОМИТЕСЬ В РАЗДЕЛЕ «УСТНАЯ
ИСТОРИЯ» С ИНТЕРВЬЮ И ВОСПОМИНАНИЯМИ
ВАЖНЫХ ОЧЕВИДЦЕВ.

Здесь же порталы выпускников российских университетов, в создании которых мы активно участвуем. В том числе юбилейный портал Финансового университета WWW.FA100.RU

НАС ИНТЕРЕСУЕТ ИСТОРИЯ ЛЮДЕЙ,
ИСТОРИЯ ИДЕЙ, ИСТОРИЯ ОРГАНИЗАЦИЙ.
ВЫ НАМ ВСЕГДА ИНТЕРЕСНЫ!

✉ NK@LETOPIS.RU 🌐 WWW.LETOPIS.RU